

история/география/этнография

Иван Грозный и Стефан Баторий:
схватка за Ливонию

Витольд Новодворский

Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию

Витольд
Новодворский

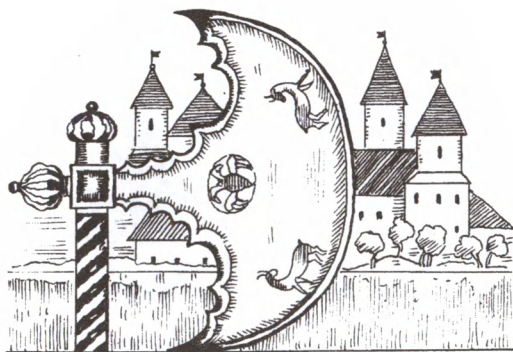

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Витольд Новодворский

Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(47).043
ББК 633.3(2)44
Н74

Серия «Восток»
Vitautas & Kaiti

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Война Ивана IV Грозного с Речью Посполитой из-за Ливонии была прервана при Сигизмунде-Августе трехлетним перемирием, срок которого истекал к концу июня 1573 года. Но интересы обоих государств были столь противоположны и отношения между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истечения трехлетнего срока. Прекратилась собственно — да и то не вполне — только борьба на полях сражений, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась с прежней силой. Заключая договор о перемирии с Речью Посполитой, Иван в то же время приводил в исполнение проект Ливонского королевства, объявив королем Ливонии датского герцога Магнуса на условиях вассальной зависимости. Послы Сигизмунда-Августа, заключившие с Иваном перемирие, донесли по своему возвращении об этом королю и вызвали в нем немалую тревогу. Со своей стороны, Сигизмунд-Август прилагал все усилия к тому, чтобы уничтожить уже в самом зародыше московский флот на Балтийском море, усматривая в нем большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы.

В 1569 году он нанял к себе на службу каперов, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшие в пределы Московского государства какие бы то ни было товары. На это король датский, сблизившийся с Иваном Грозным, и его брат Магнус ответили заведением своих каперских судов, которые немало вреда причиняли торговым интересам Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшие в польские гавани. Таким образом, на море война, собственно, и не прекращалась.

Даже само заключение договора о перемирии сопровождалось обстоятельствами, которые могли повлечь за собой его нарушения, а следовательно, и возобновление войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ехавшее в Москву, от самой границы Московского государства подвергалось оскорблениям со стороны московских приставов и их слуг и само платило им тем же. Прибыв в Москву, оно не застало там Ивана: он не возвратился еще из своего путешествия в Новгород, где произвел ужасную кровавую расправу. По возвращении царя в столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибыл в Москву герцог Магнус, отношение Ивана к польско-литовскому посольству изменилось. Оно стало подвергаться различного рода оскорблениям, к чему, впрочем, и само подавало иногда повод, нанося обиды москвитам. Царь приказывал бить посольскую свиту батогами и издевался над польскими обычаями¹. Когда один из участников посольства, литовский писарь Андрей Иванович Харитонович-Убринский, дерзко отказался принять царские подарки, считая их не соответствующими своему званию, Иван отправил на посольский двор отряд вооруженных людей, которые на глазах послов разрубили двух коней, подаренных царю послами; начальник этого отряда, Булат Арцыбушев, бранил послов поносными словами, топтал ногами подарки, поднесенные посольством, а литовскому писарю вырвал половину бороды².

У купцов, греков и армян, прибывших с посольством в Москву, были отобраны в казну, по приказанию царя, товары, причем купцы не получили никакого вознаграждения. Мало того, когда посольство выехало из пределов Московского государства, Иван приказал выгнать их за границу

«в одних рубашках, без шапок и босыми». Затем он произвел избиение польских и литовских пленных, которые были заключены в московских темницах³.

Оскорбления послов вызвали в Польше сильное негодование. Жалуясь на свои обиды перед королем, они увещевали его нарушить перемирие, подавая ему надежду на благополучный исход войны, так как силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодом и моровой язвой, а подданные сильно ненавидят его за его ужасную жестокость.

Общественное мнение требовало тоже — сначала весьма настоятельно, — чтобы король объявил Ивану войну. Но Сигизмунд-Август не мог последовать этим советам, ибо положение Речи Посполитой вследствие продолжительной войны также было тяжело. Однако он не преминул воспользоваться общественным настроением, чтобы подготовить умы к необходимости новых жертв ради ведения борьбы с врагом.

Тут надо заметить, что перемирный договор не установил полного мира: столкновения продолжались в Витебской и Полоцкой областях — там, где находились спорные земли; кроме того, Магнус, получив вооруженную помощь от Ивана, вторгся в пределы польско-литовской Ливонии и произвел опустошение в окрестностях Пернова и Руина.

Наконец, Иван тоже не всегда соблюдал условия перемирного договора: по этим условиям замок Таурус, разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не следовало отстраивать заново, между тем Иван приказал его восстановить и поставил в нем гарнизон. Сигизмунд-Август считал это серьезным нарушением договора и полагал возможным поводом к возобновлению войны еще до истечения срока перемирия, что и обсуждалось на сейме 1572 года. Действительно, замок Таурус представлял немалую опасность для Литвы, так как находился недалеко от литовской столицы — города Вильны.

Одним словом, отношения между государствами были весьма неустойчивы; на мир была очень слабая надежда. Ратифицируя 8 мая 1571 года перемирный договор, польский король вовсю подумывал о войне; проблема была только в том, чтобы изыскать средства на ее ведение. Однако перемирие все-таки не было нарушено.

Сигизмунд-Август в последние годы своего правления тяжело болел; вопрос о том, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовал соседних государей. К ним принадлежал и Иван Грозный. В 1569 году гонцу* Федору Мясоедову, отправляемому в Польшу, был дан такой наказ: «...провесть ему того, которым обычаем то слово в Литве и Польше в людях носится, что хотят взять на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово в люди пушено, обманкою ли, или в правду того хотят и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится». В 1570 году польско-литовские послы, приехавшие в Москву для заключения перемирия, заявили царю, что так как у их короля нет детей, то «ради Короны Польской и Великого княжества Литовского желают избрать себе государя от славянского рода и склоняются к тебе, великому государю, и твоему потомству». Иван отнесся к этому заявлению недоверчиво, что вполне понятно, так как он мог думать, что это ни более ни менее, как только дипломатическая уловка, сделанная с той целью, чтобы склонить его к большей уступчивости; так оно в действительности и было. Тем не менее Иван сильно заинтересовался этим заявлением, которое подкреплялось известиями, приходившими из Речи Посполитой, что там хотят иметь государем то ли его самого, то ли его сына.

Отправляя в 1571 году в Польшу для ратификации мирного договора послов князей Канбарова и Мещерского, Иван не только приказывал им разведать, каково настроение страны по вопросу избрания преемника Сигизмунду-Августу, но вместе с тем и оправдать его, Ивана, в глазах польско-литовского общества, которое относилось к нему враждебно. Послы присылали царю «приятные донесения». Между прочим, они писали следующее: «Говорят в Варшаве... король стар и хвор и бездетен, а опричь московского иного госуда-

* В трехстепенной иерархии русской дипломатической службы в XVI—XVII веках гонец был младшим чином вслед за послом и посланником. Как правило, гонцам поручалась доставка писем или передача устных сообщений. Ведение гонцом самостоятельных переговоров обычно не предусматривалось. — *Здесь и далее постранично — примечания редактора. Примечания автора см. в конце книги.*

рня не искати». Московское посольство имело тайное поручение устроить брак Иванова сына с сестрою короля Софией. Когда в 1572 году разнеслось известие, что король впал в тяжкую болезнь, Иван послал в Польшу гонца Василия Малыгина разузнать, достоверно ли это известие; гонец вскоре донес, что Сигизмунд-Август скончался (это произошло 7 июля 1572 года).

Наступившее бескорольевье вызвало большую тревогу у польских и литовских сторонников единого государства. Положение было критическое. В Литве господствовало столь сильное недовольство условиями Люблинской унии, произошедшей в 1569 году начало Речи Посполитой, что она, казалось, готова была расторгнуть узы, соединившие ее в федерацию с Польшей. В самой Польше происходила ожесточенная социальная и религиозная борьба — между шляхтою и аристократией, между католиками и протестантами. Казалось, Речь Посполитая вот-вот распадется на составные части, которые сделаются добычей ее врагов. Тем более что внешняя угроза с каждым днем нарастала.

Наибольшая опасность со стороны Ивана Грозного угрожала Литве. Ее руководители пытались умиротворить московского царя дипломатическими средствами. Съезд литовских вельмож, в котором принимал участие в качестве представителя Польши подканцлер — краковский епископ Франциск Красинский, отправил к Ивану гонца Федора Зенковича Воропая, чтобы официально известить царя о кончине короля и просить о сохранении существующего перемирия. Гонцу было наказано заявить царю, что выбор его на престол Речи Посполитой возможен, а если это случится, то все спорные вопросы, из-за которых между государствами происходит столь ожесточенная война, сами собой мирно разрешатся. Таким образом, Ивану сообщили, что его надежды вполне могут оправдаться, однако ничего конкретного обещано не было.

Царь рассчитывал услышать нечто подобное; просчитав ходы заранее, он счел необходимым подействовать на Речь Посполитую угрозами. Зная о смерти Сигизмунда-Августа, он притворился тем не менее, что событие это ему неизвестно, и еще до прибытия в Москву Воропая отправил к коро-

лю гонца с письмами. В этих письмах царь заявлял, что если Речь Посполитая не пришлет к нему в октябре для заключения мира великих послов, на проезд которым в свое государство он отправил с гонцом опасную грамоту*, он сочтет это за пренебрежительное к себе отношение, указывающее, что Речь Посполитая не желает соблюдать с ним мир, а потому займет находящуюся в ее власти Ливонию. Узнав об угрозах Ивана, литовские вельможи не на шутку перепугались, ибо вообразили, что в опасности находится не только Ливония, но и Литва; они не сомневались, что царь готов при всяком удобном случае броситься на все, чем только можно легко завладеть.

Надо было предупредить опасность сколь возможно скорее. Царского гонца выслушали на сеймике в Рудниках и поспешили уверить Ивана, что великое посольство прибудет к нему согласно его желанию. Гонец тотчас же поехал назад в Москву. Между тем туда прибыл и Воропай; он разъехался в дороге с московским гонцом, когда тот направлялся еще в Литву⁴. Иван принял Воропая весьма ласково. Он, вероятно, все-таки поверил искренности заявления, сделанного ему гонцом от имени литовско-польского сената, и считал возможным свое избрание на польский престол. «Скажи польским и литовским панам, — говорил царь гонцу, — чтобы они, переговоривши и посоветовавшись меж собой, присылали ко мне поскорее послов. И если будет то Богу угодно, чтоб я сделался их государем, тогда я обещаюсь перед Богом прежде всего и им также обещаю сохранить их права и свободы, и если будет нужно, то еще и больше приумножу и от чистого сердца пожалую».

Приобретение Ливонии царь считал столь важным для себя, что готов был в том случае, если бы он не был избран королем Речи Посполитой, уступить ей за Ливонию Полоцк с пригородами. Но еще больше, конечно, ему нравилась мысль стать королем — главным образом потому, что осуществилось бы его заветное стремление к Балтийскому морю: тогда Ливония, Москва, Новгород и Псков состави-

* Опасная грамота — документ, подтверждающий дипломатическую миссию.

ли бы одно владение. Перспектива соединить под своею властью столь обширные государства, как Московское и литовско-польское, прельщала Ивана. Понимая, что слава тирана, которую он приобрел за свои казни всюду, где знали его имя, может повредить успеху дела, он наказывал своим послам говорить всем, что казни — это всего лишь достойное наказание изменников. Точно таким же образом царь оправдывался и перед Воропаем. «Если кто наказан, — сказал он гонцу, — то наказан сообразно своей вине. Скажи, разве у вас измены не наказывают, разве изменникам прощают? Я знаю, что наказывают». И в доказательство этого привел случай смертной казни, совершенной в Вильне над неким Викториним, которого обвинили в намерении убить короля по наущению самого Ивана.

Искренности в заявлениях Воропая не было ни на грош. Мнение литовских вельмож было прямо противоположно: они и слышать не хотели о возведении Ивана на престол Речи Посполитой. Николай-Христофор Радзивилл тотчас после смерти Сигизмунда-Августа (15 июля) писал своему дяде, виленскому воеводе: «Боже сохрани, чтобы нами командовал московский колпак, и потому, ради Бога, советую вам вовремя принять меры против московского посла». Столь же враждебно к кандидатуре Ивана относился и правитель тогдашней Литвы Ходкевич. При этом, однако, кандидатура царя была популярна среди части польской и литовской шляхты; сочувствовало Ивану и православное население литовского княжества нешляхетского происхождения, но сочувствие это было чисто платоническое, потому что оно было лишено возможности активно участвовать в государственных делах⁵.

Одним Воропаем дело не ограничилось. Литовские вельможи продолжили обманывать Ивана заявлениями о своем желании подчинить Речь Посполитую власти московских государей. Они отправили к нему нового гонца Степана Матвеева, предлагая корону Великого княжества Литовского не самому царю, а младшему сыну его Федору, прибавляя, что будут советовать польским панам, чтобы и Польша также избрала себе королем царевича. Затем, согласно желанию Ивана, они отправили к нему посла, которого царь уже знал по предшествовавшим переговорам, присяжного писаря Ве-

ликого княжества Литовского Михаила Гарабурду, дав ему поручение разузнать в точности, захочет ли младший сын Ивана, царевич Федор, утвердить клятвой свое обещание соблюдать права и вольности Литвы, если он будет избран на литовский престол, ибо они желают иметь у себя царевича великим князем. Так, во всяком случае, было сказано Ивану. При этом литовцы просили царя продолжить перемирие, что, разумеется, и было главной целью всех этих дипломатических переговоров.

Правда, Гарабурда задержался с отъездом до конца 1573 года; к этому времени Иван выступил в поход против шведов, и литовцы несколько успокоились: опасность для них не была уже так грозна.

Гарабурду Иван принимал в Новгороде (24, 25 и 28 февраля и 6 марта). Царь отнесся к новым предложениям литовских вельмож недоверчиво. Во-первых, они оправдывали задержку в отправлении к царю посольства моровым поветрием, которое свирепствовало в Литве и Польше и якобы мешало съехаться вместе литовским и польским вельможам, чтобы обсудить вопрос, кого избрать в короли Речи Посполитой. Довод этот, мягко говоря, не выглядел серьезно. Во-вторых, они предлагали корону то самому Ивану, то его сыну Федору. Впрочем, цель, с какой Гарабурда ездил к Ивану, была достигнута: перемирие было сохранено, хотя и не вполне, ибо московские войска, отправленные против шведов, перешли границу Ливонии, выжгли и сильно опустошили окрестности замков Буртника и Руина.

Ходкевич, управитель Ливонии, со своим малочисленным войском не был в состоянии дать отпор москвитам; да к тому же, за недостатком денег, он не мог платить своим воинам жалованья. Опасения за судьбу Ливонии усиливались у Ходкевича еще и потому, что здесь все более явственно обнаруживалось брожение умов, враждебное польско-литовскому владычеству.

Переписка литовцев с Иваном вызвала в Польше неудовольствие и взаимному доверию не способствовала; тем более что Литва желала возвратить себе земли, которые по условиям Люблинской унии были присоединены к Польше. По Польше поползли слухи, что литовцы готовы предаться мо-

сковскому царю. Отчасти эти слухи исходили от самих литовских вельмож, которые слали в Польшу доносы, обвиняя друг друга в тайных сношениях с иностранными государствами к вреду Речи Посполитой и прежде всего в связях с московским царем.

Несмотря на взаимные с Польшей претензии, созванный 20 декабря 1572 года литовский съезд, состоявший из вельмож и шляхты, решил отправить послов на конвокационный сейм*, который должен был определить место, время и порядок избрания нового короля. Послами были подканцлер литовский Евстафий Волович и витебский каштелян** Павел Пац. Явившись в Варшаву на сейм⁶, они самым решительным образом стали опровергать слухи о тайных соглашениях Литвы с Москвой. По их словам, переговоры с Иваном велись для того, чтобы возбудить в нем тщетные надежды утвердить свое владычество над Литвой и таким образом удержать его от враждебных действий против Литвы и Ливонии.

По желанию Литвы конвокационный сейм отложил избрание короля до весны, то есть до того времени, когда тают снега и разливаются реки, вследствие чего вторжение в страну особенно затруднительно для неприятеля. При этом, однако, надеялись, что воевать не придется, поскольку удасться склонить Ивана к продолжению перемирия. Царь между

* Избрание короля в Польше в период выборной монархии проходило в три этапа. Конвокационный сейм назначал место и дату выборов, а также оговаривал условия, предъявляемые к кандидатам на престол. На элекционном сейме проводились выборы, в которых участвовала вся шляхта, прибывшая на сейм. На коронационном сейме избранный король подтверждал условия, выработанные конвокационным сеймом.

** Каштелян — должность в воеводствах Речи Посполитой, вторая по значимости после воеводы. Среди каштелянов имелась строгая иерархия, в соответствии с которой они наряду с воеводами занимали места в сенате. Старшим считался каштелян краковский, за ним следовали каштеляны виленский и трокский, равные воеводам. Далее следовали так называемые кресловые каштеляны — познанский, сандомирский, калишский, войницкий, жемайтский, киевский, львовский, волынский и другие.

тем угрожал, если Речь Посполитая изберет в короли французского принца Генриха Валуа, обратить свой взор на Литву, а сейм как раз начал склоняться на сторону французской кандидатуры. Однажды разнеслась даже весть, сообщенная сейму из Литвы Радзивиллом и другими вельможами, что Иван прислал в Полоцк своего сына с войском, а сам следует за ним с другой армией и что таким образом Литве угрожает вторжение неприятеля. Подтверждения это известие, к счастью для Речи Посполитой, не нашло. Когда же Генрих Валуа был избран королем, элекционный сейм решил 29 апреля отправить к царю послом галицкого чашника Андрея Тарановского.

Избрание Генриха Валуа на польский престол сблизило Ивана с императором Священной Римской империи Максимилианом II. Император отправил к царю письмо, в котором жаловался «на злодейство Карла IX, истребившего более 100 000 верных подданных в день св. Варфоломея единственно за то, что они имели свою особенную веру», говорил с негодованием о дружбе французов с султаном, который помог Генриху приобрести корону Ягеллонов, убеждал Ивана вступить за христиан, предлагал ему взять Литву, а Польшу уступить Австрии и заключить тесный союз с империей. Царь немедленно отправил гонца к Максимилиану, убеждая его употребить все меры к тому, чтобы не пропустить Генриха в Польшу, и прося прислать поскорее послов для заключения вечного мира между Австрией и Россией. «Мы все будем стараться о том, — писал Иван, — чтобы Польское королевство и Литва не отошли от наших государств; мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престол».

Все эти обстоятельства весьма усложняли миссию Тарановского. Польского посла сопровождал известный уже нам литовский гонец Федор Зенкович Воропай. Будучи послом, Тарановский тем не менее представлялся гонцом: будто бы он всего лишь везет письмо к Ивану, а великое посольство идет вслед за ним.

Посланцы переехали границу Московского государства 19 июня. Их приняли весьма радушно. Велижский воевода сопутствовал им до Новгорода, где тогда был Иван, и по обыкновению старался выведать от гонцов побольше о том,

что происходит в Речи Посполитой. Хитрый поляк прикидывался сторонником московского царя, отделялся от привязчивого любопытства воеводы и приставов заявлениями, что много обывателей и Польши, и Литвы желают иметь своим государем Ивана, предлагал свои услуги царю и таинственно намекал, что имеет весьма важные словесные поручения, которые может сообщить только самому государю.

Иван принял Тарановского и Воропая весьма ласково, пригласил их к своему столу и щедро угощал. Позже, 12 июля, он расспрашивал Тарановского, почему и на каких условиях избран французский королевич и почему не избрали его самого, или его сына, или, наконец, сына Максимилиана. Тарановский ответил, что сейм с великим сожалением отказался от выборов Ивана, и только потому, что царь не желал прислать, подобно другим государям, своих послов на сейм и таким образом показал, будто он не хочет приобрести польской короны. Разошелся якобы слух, что на сейм едет великое посольство от царя, вследствие чего сейм шесть недель провел под Варшавой, не приступая к выборам короля, так как питал надежду на скорое прибытие московского посольства. Посылали даже двух гонцов, одного по направлению к Полоцку, а другого к Витебску, чтоб узнать от пограничных воевод и старост, не едет ли посольство. И только когда гонцы принесли известие, что никакого посольства не ожидается, сейм приступил к выборам.

Ждать же дольше не было никакой возможности. Возле Варшавы собралось с лишком сто тысяч человек, вследствие чего явилась потребность в громадном продовольствии. Дело дошло наконец до того, что в окрестных деревнях нельзя было достать ни овса, ни сена, ни травы, ни соломы, нельзя было приобрести съестных припасов даже за деньги. Поэтому пришлось поскорее начинать и кончать выборы. Сын императора и сын самого Ивана не избраны за молодостью лет. Но если бы сам царь приехал управлять Польшей, тогда получил бы престол Речи Посполитой и сын его Федор. Ибо уже назначили даже людей, которые должны были учить его языкам польскому, немецкому, итальянскому и латинскому.

Королевич французский избран, но с таким условием — намекал ловкий гонец, — что есть еще возможность занять польский престол и самому Ивану. Французскому королевичу назначен срок приезда в Польшу — день св. Мартина (11 ноября). Не придет к этому сроку — и поляки вольны выбирать другого государя. А приехать ему трудно, потому что придется совершить путешествие или по морю, или через враждебную немецкую страну. К Ивану же собирается ехать вскоре из Польши торжественное посольство, которое уладит несомненно все недоразумения, вызванные отчетом посла Гарабурды, который донес полякам и литовцам, будто царь в беседе с ним заявил, что отпускать сына своего Федора царствовать в Речи Посполитой на условиях, представленных Гарабурдой, не желает. «Сын мой не девка, — сказал будто бы царь, — и я приданого за ним не дам, не уступлю ни Полоцка, ни Смоленска, ни Ливонии; напротив того, пусть Речь Посполитая отдаст мне Киев. Если Федор будет королем, то другому роду уже не царствовать в Речи Посполитой». Эти выражения и другие оскорбили сенаторов Польши и Литвы. Но так как словам Гарабурды никто не верит, то все еще может хорошо окончиться.

Услышав объяснения Тарановского, Иван сказал, что не гневается на поляков и считает причины, вследствие которых они избрали королем французского принца, основательными; по его мнению, поведение поляков по отношению к нему было вполне корректное, а уж если кто напугал, так это только литовцы.

Похоже, Иван в самом деле поверил объяснениям Тарановского и опять стал питать надежду на возможность своего избрания в польско-литовские короли; иначе трудно объяснить, почему он заключил с Речью Посполитой перемирие еще на один год — вопреки советам цесарского посла Павла Магнуса, который был в это время в Москве.

Вместе с тем Иван поспешил принять меры, направленные к тому, чтобы Генрих не попал в Польшу. Он отправил послание королю Дании, в котором просил не пропускать Генриха через пролив Зунд ни из Франции в Польшу, ни назад, обещая за эту услугу отдать всю Ливонию его брату Магнусу и даже самому датскому королю, если у Магнуса не будет потомства.

Полякам же Иван заявил, что к Москву, дескать, приезжали Федор Зенкович Воропай и Михаил Гарабурда, которые вели с ним переговоры об условиях, на каких он может занять престол Речи Посполитой, а потому он считал уже дело решенным и вследствие этого на элекционный сейм послов своих не послал. При этом он выражал надежду, что в том случае, если Генрих не прибудет к установленному сроку, поляки пожелают иметь его своим государем, и обещал отправить для переговоров об условиях своего избрания в качестве послов ивангородского наместника и своего ближнего дворянина Михаила Васильевича Колычева да дьяка Петра Ерша Михайлова.

При этом Иван заметил, что главными виновниками неудачи, постигшей его, были литовские вельможи. Они присылали к нему Гарабурду, лишь чтобы выведать его намерения, а совсем не для того, чтобы договориться об условиях избрания его на польско-литовский престол; он-де беседовал с послом по душе, без всякого лукавства и тайно, а они оповестили об их разговорах весь мир и планы его расстроили.

Поверив заявлению Тарановского о том, что избрание его королем еще возможно, Иван отправил в Польшу посольство, но оно было задержано в Литве до тех пор, пока не соберется вальный сейм*. Очевидно, это был только предлог; послы были задержаны нарочно литовскими вельможами с той целью, чтобы дожидаться прибытия в Польшу Генриха. Когда это случилось, Иван отозвал своих послов назад.

Но военных действий, чего так боялись поляки и литовцы, Иван так и не начал. Он сохранял с Речью Посполитой мир и в царствование Генриха; к этому его принуждали обстоятельства: во-первых, продолжалась война со шведами; во-вторых, весной 1574 года над Московским государством нависла угроза нового нашествия крымских татар, что заставило стянуть на берега Оки многочисленные войска.

К Генриху Иван отправил гонца Федора Елизарьева сына Елчанинова; ему было поручено взять у короля опасную гра-

* Вальный сейм — общий сейм Королевства Польского и Великого княжества Литовского; был создан в результате заключения Люблинской унии между этими государствами в 1569 году.

моту для послов, которых царь намеревался отправить к королю для поздравления с восшествием на престол. Но царский гонец не застал уже Генриха в Польше: в ночь с 18 на 19 июня он тайно — опасаясь, что поляки по-доброму его не отпустят, — отбыл во Францию, дабы занять престол, который освободился после смерти его брата Карла IX.

Вслед за этим сенат Речи Посполитой отправил к царю послов Варфоломея Завадского и Матвея Протасовича, чтобы одновременно известить его о возведении Генриха на престол и об отъезде его во Францию. Послы просили царя о продлении перемирия еще на два года, на что Иван немедленно дал свое согласие. Освободившийся литовско-польский престол снова манил его надеждой на приобретение короны Речи Посполитой и мирное разрешение в свою пользу спора из-за Ливонии.

Правда, царь заявил, что желает иметь дело только с самим королем, а не с сенаторами Речи Посполитой, но, очевидно, это был всего лишь дипломатический ход, связанный с тем, что Иван не был уверен в бесповоротности отъезда Генриха. В Польшу к Елчанинову был послан гонец Петр Давыдов с инструкцией, как действовать в новых обстоятельствах. Этот гонец вез, вероятно, письма и к некоторым вельможам Речи Посполитой, на поддержку которых царь рассчитывал, — по крайней мере таковы были слухи.

Расчеты Ивана могли вполне оправдаться. Приверженцы его в Польше и Литве были весьма многочисленны. Волынь, Мазовия, Великая Польша, значительная часть Литвы и Украины желали видеть его на литовско-польском престоле, но польская и литовская аристократия — светская и духовная — всеми силами противилась его избранию. Когда Елчанинов из Польши отправился в Литву и остановился здесь на долгое время, заявляя, что царь приказал ему ждать возвращения короля, литовские вельможи сильно встревожились. Понимая, что это только предлог, чтобы ознакомиться хорошо с состоянием местных дел и подготовить почву для успешного исхода выборов царя или его сына, они учредили над московским гонцом самый бдительный надзор и всячески старались стеснить свободу его действий.

При этом Радзивилл и Ходкевич, опасаясь, что поляки нацнут договариваться с Москвой в обход литовцев, устроили такую стражу на границе Польши и Литвы, что сношения поляков с москвитами стали невозможны. А когда этого литовским вельможам показалось мало, они стали даже подумывать о том, чтобы посягнуть на жизнь московского гонца. Они готовы были отравить его, лишь бы только он не явился в Стенжицу, где должен был собраться сейм, которому предстояло решить судьбу польско-литовского трона после отъезда Генриха.

Тем временем у поляков обнаружился повод к раздражению против литовцев. У шляхтича Христофора Граевского, отправлявшего товары в Москву, Иван велел отобрать их в казну за то, что не была уплачена какая-то пошлина. Тогда Граевский поехал сам в Москву, чтоб похлопотать о возвращении своего имущества. Иван позвал его к себе и дал ему поручение сообщить полякам, что он желает соединить свое государство с Польшею такими же узами, какими Ягелло соединил с ней Литву. Он, мол, готов отказаться даже от своей веры, если только на публичном диспуте будет доказано превосходство католичества. А если поляки пришлют опасную грамоту, то он явится в Польшу самолично с небольшой свитой, чтобы договориться относительно условий принятия короны. Дескать, он верит полякам и не сомневается, что при любом исходе переговоров они позволят ему свободно возвратиться назад в Москву. Тогда между Польшей и Москвой утвердятся вечный мир и союз. Эти обещания, весьма заманчивые для шляхты, были, очевидно, дипломатической уловкой с целью привлечь к себе еще больше сторонников в Речи Посполитой. Граевский вез их в Польшу, но в пути, по приказанию виленского воеводы Радзивилла, был схвачен и заключен под стражу. Обо всем этом польская шляхта узнала случайно из письма, которое заключенный переслал своему брату⁷.

В этой ситуации сейм назначил королю Генриху срок для возвращения — 12 мая 1575 года, определив, что если он к этой дате не возвратится, то будет избран новый король. Но срок этот прошел, а Генрих не возвратился. В назначен-

ный день в Стенжице открылся сейм, на который явился Елчанинов, несмотря на все козни литовских аристократов.

Впрочем, и польские аристократы в отличие от значительной части шляхты не горели желанием видеть Ивана на престоле. Они опять пустили в ход прежние методы, начав уверять царя в своей преданности и в желании избрать его королем, а на деле стремясь к прямо противоположному. Гнезненский архиепископ Яков Уханский, глава Речи Посполитой во время бескорольевья и сторонник Генриха Валуа, передал Елчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать духовенству, вельможам, всему рыцарству и каждому вельможе в отдельности. Поляки и русские, писал архиепископ, будучи одного племени славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя. Виленский каштелян Ян Ходкевич, известный своей непримиримой враждой к Ивану, явился однажды тайком, ночью, на свидание к московскому гонцу и заявил ему, что вся Литва только и ждет к себе царя на государство, причем он изложил условия, на каких могло бы состояться избрание Ивана. Трудно, говорил хитрый вельможа, принять литовцам условие наследственности короны в потомстве царя; трудно также отступить им от Киевской и Волынской земель, которые царь хочет присоединить к своему государству; наконец, трудно им согласиться и на то, чтобы царя венчал московский митрополит. Но если Иван откажется от этих требований, выбор его обеспечен. Преданность Литвы царю, говорил Ходкевич, так велика, что царь может отправить посольство в Литву и без опасной грамоты.

В задачу Ходкевича входило прежде всего обезопасить от притязаний Московского государства Ливонию, которой он управлял. Тем более что на верность самих жителей Ливонии Речь Посполитая положиться никак не могла — многие ливонцы готовы были подчиниться Магнусу, который, при поддержке Ивана, вел войну со шведами, надеясь отторгнуть в свою пользу шведскую часть Ливонии.

Как бы в оправдание польских опасений за судьбу Ливонии в это время пришло известие, что Магнус, имея в своем распоряжении московское войско (12 000 человек), завладел городом Перновом, принадлежавшим Речи Посполитой.

Противники кандидатуры Ивана увидели в этом результат уговора царя с его сторонниками в Литве и Польше; они думали, что Иван решил действовать угрозой, дабы провести свою кандидатуру.

Результатом всего этого стало, что сенаторы Речи Посполитой не дали Елчанинову опасной грамоты для царских слов. Но в то же время в грамоте, которую отправили с Елчаниновым, опять просили Ивана о мире.

Все это укрепило недоверие Ивана; с другой стороны, сведения, добытые Елчаниновым, давали надежду на то, что выбор его в короли еще возможен. Тут заметим, что и польская, и литовская шляхта и после стенжицкого съезда относилась сочувственно к кандидатуре царя; кроме того, папский нунций, отстаивавший интересы австрийского двора, готов был поддержать притязания Ивана, ибо у него мелькнула мысль о возможности обращения царя в католичество, когда он делается королем Речи Посполитой.

С другой стороны, успеху царя вредили излишняя осторожность, медленность и неопределенность его политики. Шляхта, собравшаяся на элекционный сейм в Варшаву 7 ноября, ожидала нового московского гонца Семена Бастанова с большим нетерпением. Когда гонец 17 ноября наконец прибыл, ему была устроена торжественная встреча, но тут выяснилось, что у него, кроме передачи письма, которое было тут же, на сейме, прочитано, нет никаких других поручений от Ивана. В письме Иван жаловался, что послов и гонцов его в Речи Посполитой задерживают и поздно отпускают назад, и обещал соблюдать мир, но только не в отношении Ливонии, относительно которой он предлагал особенные переговоры, для чего было обещано прислать посла, но не великого, а «меньшего».

Ожидавшая совсем иного шляхта почувствовала себя обманутой в своих ожиданиях, и число сторонников царя стало стремительно уменьшаться. Правда, и на соглашение с аристократией шляхта идти не желала. На состоявшихся выборах аристократия провозгласила королем германского императора Максимилиана II, шляхта — трансильванского воеводу Стефана Батория. Двойная элекция вызвала в Речи Посполитой неуверенность и колебание: обе партии опасались

лись за успех своих избранников. Пока партии вели переговоры с ними о принятии условий, на которых им отдавалась корона Речи Посполитой, время уходило, и были моменты, когда многим казалось, что и тот, и другой избранник откажутся от такой чести.

Приверженцы императора нарочно рассеивали ложные слухи о Батории, чтобы вызвать смуту в умах своих противников. Они говорили, например, что императорские войска взяли его в плен и увели в Вену, и сторонники Батория пребывали в сомнении, прибудет ли он к сроку, назначенному для коронации. Император Максимилиан II с принятием короны медлил: назначенный ему срок в один месяц для прибытия в Польшу прошел, а император продолжал вести неспешные переговоры с посольством, которые отправили к нему в Вену его приверженцы.

Все это возбуждало у многих мысль, что оба избранника не приедут в Польшу и тогда на новых выборах московский царь наконец добьется своего, о чем и сообщил Ивану гонец Бастанов, возвратившийся из пределов Речи Посполитой. В этот момент, однако, политика Ивана получила иное направление, оставаясь, впрочем, по отношению к Речи Посполитой такой же неопределенной. Связано это было с предложением от Максимилиана II союза против турок в обмен на поддержку со стороны Ивана кандидатуры его сына Эрнеста на польско-литовский престол. Царь предложением заинтересовался, но соглашался отдать Эрнесту только Польшу, а Литву с Киевом желал присоединить к своим владениям; что же касается Ливонии, то ее он без всяких оговорок продолжал считать своей вотчиной.

Предлагая Максимилиану раздел Речи Посполитой, Иван в то же время конфиденциально раздавал литовским вельможам самые заманчивые обещания: будто бы он даже готов отказаться от Киева, на владение которым предъявлял раньше свои права, и заключить унию на тех условиях, на каких она состоялась при Ягелле. Минский каштелян Ян Глебович, которому московский гонец сделал это заявление, отнесся к нему недоверчиво, хотя и сообщил об услышанном Ходкевичу как о деле, достойном внимания и обсуждения.

Такие же тайные переговоры Иван вел и с польскими вельможами. Гонцу наказано было явиться прежде всего к гнезенскому архиепископу, поскольку царь, на основании прежних сношений с ним, считал его одним из главных своих сторонников. Гонец, прибыв в Лович, резиденцию архиепископа, огласил, что раз в государстве нет короля, то он считает архиепископа главой государства и в соответствии с приказанием царя будет править свое посольство только там, где будет присутствовать архиепископ; посему он не поедет дальше, в Краков, и здесь в собрании польских сенаторов сделает заявление от имени царя.

Когда архиепископ дал гонцу аудиенцию, он потребовал опасной грамоты для главного посла, которого царь намеревается в возможно скором времени отправить в Польшу.

Очевидно, через этого гонца Иван хотел выведать состояние Речи Посполитой на случай войны против нее в союзе с Максимилианом и вместе с тем узнать, окончательно ли исчезли его шансы на польско-литовский престол, или можно попытаться еще счастья. Это не мешало ему навязывать полякам в короли эрцгерцога Эрнеста и угрожать войной, если они не подчинятся. Предложения царя литовцам были несколько иные: он выражал желание быть у них великим князем, а на тот случай, если Литва не захочет отделиться от Польши, советовал и Литве избрать австрийского эрцгерцога.

Такая политика не могла, конечно, возбуждать к себе доверия ни в польских, ни в литовских вельможах. Со своей стороны, они тоже хитрили; Ходкевич, выражая полную преданность царю через посланника Новосильцева, бывшего в Литве в начале 1576 года, активно готовился к войне с ним. Поначалу Ходкевич был усердным приверженцем Габсбургов, но тотчас же после избрания Максимилиана II на престол его пути с императором разошлись; причина была проста: Ходкевич не получил от Максимилиана денежных субсидий, на которые рассчитывал. Поэтому он перешел на сторону Батория — тем более что приверженцы трансильванского воеводы сулили ему то самое золото, на которое поспешил Максимилиан.

Пока Иван вел дипломатические переговоры на два или даже на три фронта, Стефан Баторий проявил замечатель-

ную решительность. Он прибыл в Краков 22 апреля, а 1 мая был коронован королем. Своим характером он произвел на поляков самое лучшее впечатление. Умеренность, приветливость к окружающим, энергичность в словах и действиях, рассудительность, дар красноречия, образованность и в особенности отличное знание латинского языка — все это сразу понравилось его новым подданным. В незнакомой для себя обстановке он, иностранец, сумел сориентироваться и быстро взялся за дело.

Государству отовсюду угрожала опасность. Хотя между Турцией и Речью Посполитой и был мир, он во всякое время мог быть нарушен запорожскими казаками, которые производили опустошительные нападения на турецкие земли. Южным областям постоянно угрожали крымские татары. Существовала опасность со стороны Тевтонского ордена, великий магистр которого, не прекращавший предъявлять притязаний на свои бывшие владения, мог легко воспользоваться затруднительным положением Речи Посполитой, чтобы вернуть утраченное, — и Максимилиан II, соперник Батория, мог оказать ему поддержку. Даже такое отдаленное государство, как Дания, в состоянии было причинить немало хлопот Речи Посполитой. Но самым страшным врагом был, конечно, московский царь, с аппетитом глядевший на Ливонию; могущество Московского государства могло возрасти со временем до такой степени, что стало бы угрожать самому существованию Польши.

Внешние опасности усугублялись анархией и раздорами внутри государства. Не все области Речи Посполитой признали Батория своим королем. Представители Литвы даже не присутствовали на его коронации. Можно было предположить, что число сторонников Максимилиана весьма значительно и что с ними предстоит упорная борьба, которая казалась тем опаснее, что за императором стояла серьезная сила. К довершению всевозможных затруднений, у короля вовсе не было средств, так как казна Речи Посполитой была истощена.

Своим избранием на польский престол Стефан Баторий прежде всего был обязан влиятельному в Польше роду Зборовских, которые надеялись, что теперь приберут к рукам го-

сударственные дела. Но они ошиблись в своих расчетах; их влияние продолжалось очень недолго. На коронационном сейме возник сильный спор. Канцлер Дембинский был уже дряхлый старик, а потому не мог заниматься делами. Зборовские, открыто заявлявшие, что это они доставили польскую корону Баторию, требовали должности канцлера для своей семьи; они прочили на нее придворного маршала Андрея Зборовского. Но король назначил канцлером подканцлера Петра Кольского, а подканцлером — Яна Замоийского.

Последнее назначение особенно замечательно. Ян Замоийский был одним из самых влиятельных вождей шляхетской партии; в лагере своих сторонников он уже исполнял должность канцлера в тот момент, когда Батория еще не было в Польше. Замоийский пользовался у шляхты таким доверием, что многие, когда уезжали, оставляли ему бланки со своими подписями и печатями, разрешая писать на этих бланках все, что он сочтет необходимым. Баторий еще из Трансильвании обратил на него внимание и вступил с ним в переписку. Ему, не знакомому с языком, обычаями, учреждениями Польши, необходим был помощник, сведущий во всем этом. Назначение Замоийского подканцлером было весьма удачно: оно еще больше расположило шляхту к Баторию и укрепило его положение в Польше.

Шляхта была настроена воинственно и требовала выступить сразу против всех врагов короля внутри страны. Баторий был иного мнения. Он полагал, что нужно действовать осторожно. С одними, по его мнению, следовало вести переговоры и простить им все ради блага Речи Посполитой, на иных повлиять лаской, к третьим отправить соглядатаев, чтобы потом разом подавить всякое с их стороны сопротивление, и только немногим он решился прямо объявить борьбу.

Главу императорской партии — гнезненского архиепископа Якова Уханского — Баторий хотел сначала привлечь на свою сторону переговорами и обещаниями, но когда тот вздумал созвать своих приверженцев на съезд в Лович, он просто сообщил ему, что прибудет к нему на завтрак — во главе вооруженного отряда, — и архиепископ, поняв, к чему идет дело, смирился; за ним подчинились Баторию и все другие приверженцы Максимилиана.

Что касается Литвы, то один из самых видных ее представителей Ян Ходкевич, переметнувшись на сторону Батория, немало поспособствовал тому, что на съезде в Мсцибове Литва признала Батория своим королем.

С Пруссией Баторий вступил в переговоры, но они не увенчались успехом. Начались военные действия, которые продолжались до конца 1577 года. Эта война, потребовавшая присутствия самого короля на театре военных действий, отвлекала силы Речи Посполитой и не позволяла ему действовать решительно против самого опасного врага — московского царя. Баторий опасался, что Иван нападет еще до окончания перемирия, ибо приходили вести, что царь собирает войска с намерением вторгнуться в литовские пределы; поэтому король то и дело напоминал литовцам, что им следует быть настороже. Впрочем, срок перемирия с Москвой уже истекал, и Баторию приходилось предпринимать усилия, чтобы хоть на некоторое время отсрочить неизбежную борьбу из-за Ливонии.

Утвердившись на престоле, Баторий отрядил к Ивану посланников Юрия Грудзинского и Льва Буковецкого, чтобы получить от него опасную грамоту для великих послов, которых он намеревался отправить для переговоров о заключении мира между Речью Посполитой и Москвой.

Грудзинский и Буковецкий приехали в Москву 27 октября. Прежде чем представить посланников царю, им задали вопрос о происхождении Батория, объясняя, что царь желает поступать с ними согласно достоинству рода короля. Но Грудзинский и Буковецкий не захотели входить в объяснения.

Прием назначили на 4 ноября. Иван продемонстрировал всю пышность, блеск и великолепие своего двора, чтобы показать польским посланникам глубокую разницу между царским величием и положением их короля, которого он считал данником турецкого султана. Иван сидел на троне в великолепном одеянии и мономаховой шапке, окруженный роскошно разодетыми боярами, дворянами, дьяками и иными придворными чинами. При представлении посланников царь не привстал, как того требовал обычай, и, спрашивая о здоровье Батория, не назвал его братом. Стола посланни-

кам накрыто не было. Иван был недоволен тем, что Баторий не давал ему царского титула, не называл его князем полоцким и смоленским и не считал его наследственным владетелем Ливонии; впрочем, унизив посланников, он тем не менее согласился продолжить перемирие и дал опасную грамоту для великих послов Батория.

Король тоже был недоволен: его оскорбило то, что Иван не дал ему титула «брата», то есть не признал равным себе, и принял посланников неподобающим образом. Так уже с первых шагов между Баторием и Иваном начались недоумения.

Но Иван избегал пока вступать в открытую схватку с Речью Посполитой, потому что не переставал еще надеяться приобрести Ливонию путем соглашения с германским императором. Однако его планам не суждено было осуществиться, ибо вскоре — 11 октября 1576 года — Максимилиан II умер.

Баторий вел переговоры с московским царем о заключении мира, но в то же время принимал меры для защиты от него государства. Он приказал литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу поставить конные отряды в пограничных замках, в Витебске, Лепеле, Мстиславле, Орше (по 100 человек) и в Уле (50 человек) и уплатил часть жалованья на содержание этих отрядов из собственной казны. Больше король сделать не мог, ибо казна была пуста. Он изыскивал различные источники, чтоб раздобыть средства. Так, он поехал в Тыкоцин, чтобы осмотреть сокровищницу, оставшуюся после покойного Сигизмунда, очевидно, с намерением воспользоваться ею для удовлетворения государственных нужд, но больших сумм здесь не нашел. Из Тыкоцина он отправился в Кнышин, куда созвал польских и литовских вельмож, чтобы держать совет о делах Ливонии, которая выглядела совершенно беззащитной. Дошло до того, что Ходкевич стал отказываться от управления ею, поскольку не видел возможности исполнять свои обязанности.

Королю удалось уговорить его остаться на должности, но дать денег на организацию обороны он не был в состоянии. Пришлось ограничиться постановкой небольших отрядов в крепостях: в Динамюнде — 160 человек, Мариенгаузе — 100, в Режице (Розитене) и Люцене по 50 и в Лемзеле — 25. Одна-

ко королевский приказ об отправке полуторатысячного отряда на границы Литвы исполнен не был, так как денег хватило только на 600 человек.

Король созвал сейм в Торне, надеясь добиться от своих подданных разрешения установить налоги ради удовлетворения военных потребностей. На сейме, однако, между королем и шляхтой произошел сильный разлад. «Мы не хотим, — заявили шляхетские делегаты в ответ на предложения короля, — чтобы на нас низринулось ярмо...» При этом вспомнили об условиях, на которых Баторий стал королем: что «шляхта впредь этим налогам не будет подвергаться» и что «король будет исполнять свои обязательства относительно защиты государства».

Масла в костер конфликта подлило и желание короля провести военную реформу и реорганизовать, разделив на части, дворянское ополчение, которое представляло собой толпу плохо дисциплинированных, а часто и плохо вооруженных конных шляхтичей и имело такую же — весьма малую — цену в военном деле, как и конница служилых людей в Московском государстве. Разделением ополчения король хотел, очевидно, сделать его подвижнее и уменьшить вред, причиняемый громадной массой войска тем областям, по которым она двигалась, производя опустошения на своем пути. Шляхта отнеслась к королевскому проекту недоверчиво: она опасалась, что король, получив право делить ополчение по своему усмотрению, захочет ослабить ее вооруженную силу и, соответственно, укрепить собственную власть, а потом, пожалуй, и захватит полное господство в Речи Посполитой. Один из делегатов, Оржельский, прямо заявил в своей речи, что это повлечет за собой гибель шляхты. При этом непригодность шляхетской конницы для военного дела понимал не только король, но и, похоже, все вокруг. Вот показательный пример. Литовские послы, явившиеся на торнский сейм, потребовали, чтобы поляки, согласно условиям Люблинской унии, оказали помощь Литве, поскольку ей угрожает опасность со стороны московского царя. Поляки согласились двинуть на помощь литовцам ополчение; но литовцы тут же заявили, что такая помощь будет разорительна для них, и свою просьбу отозвали.

Сейм в конце концов разошелся, не дав никакого результата.

Тем временем из Москвы возвратились Юрий Грудзинский и Лев Буковецкий и привезли с собою опасную грамоту для великого посольства, которое было снаряжено в самый короткий срок. Во главе его стали мазовецкий воевода Станислав Крыский, минский воевода Николай Сапега и дворный подскарбий литовский Федор Скумин. Одновременно с отправкой посольства Баторий строго-настрога приказал соблюдать полное спокойствие на границах с Московией, чтобы не давать Ивану даже малейшего повода к столкновению.

Впрочем, интуиция подсказывала Баторию, что от дипломатии пользы уже может и не быть. На это указывали и завязавшиеся связи Москвы с поднявшим мятеж Данцигом, и сношения ее с татарами. Царь отправил крымскому хану подарки, после чего татары произвели опустошительный набег на Волынь и Подолию, и Баторий не без оснований усматривал связь между этими двумя событиями.

Близился момент величайшей опасности для Речи Посполитой. Чтобы отразить ее, необходимо было изыскивать средства, и Баторий проявил в этом недюжинную энергию. Он созвал на 23 марта сенаторов в город Влоцлавек и предложил им обсудить меры, необходимые для государственной обороны. Сенаторы посоветовали обратиться к шляхетским сеймикам непосредственно за новыми налогами и не созывать сейма, так как совещания его бывают безрезультатны. Мера, присоветанная королю сенаторами, была противна условиям, согласно которым Баторий стал королем, однако он решил ее испробовать.

Чтобы сильнее повлиять на умы шляхты и таким образом склонить к необходимым пожертвованиям на защиту государства, король изобразил печальное состояние страны самыми яркими красками. Жители Данцига не только упорствуют в своем мятеже, но производят неслыханные грабежи и насилия. Они опустошили много шляхетских имений, разрушили монастырь Оливу, намереваются уничтожить все польское в Пруссии. Мало того, они обращаются за помощью к врагам Речи Посполитой и строят всюду против нее

козни. Немало вреда своими вторжениями причинили татары. Опасность угрожает и со стороны московского царя. Речь Посполитая погибнет, если не будет оказана ей помощь. Так король говорил, обращаясь к шляхте.

Одновременно Баторий решил привлечь к пожертвованиям и духовное сословие, которое освобождено было от государственных налогов. По этому поводу собрался синод в Петрокове, и желание короля было удовлетворено: синод определил дать королю субсидию.

Обращение к шляхте тоже увенчалось успехом. Главные провинциальные сеймики в Коле, Корчине и Варшаве установили налоги согласно положениям, определенным на люблинском сейме 1569 года. Кроме того, сенат разрешил Баторию заложить даже коронные драгоценности.

Баторий не ошибся в своих опасениях. Еще 10 февраля 1577 года, то есть за полтора месяца до съезда в Влоцлавеке, Иван принял решение «идти очищать свою отчину Вифлянскую землю».

II. Ливонский поход Ивана (1577)

Состояние Ливонии в этот момент было весьма печально.

Мы знаем, что еще в 1570 году Иван провозгласил королем ливонским на вассальных условиях принца Магнуса, надеясь при помощи такой политической комбинации утвердиться на берегах Балтийского моря; целью его было достижение свободы торговых и промышленных сношений с Западной Европой. Магнус обязался не чинить никаких препятствий при проезде через свои владения иностранным купцам, художникам, ремесленникам и военным людям, направлявшимся в Московское государство.

Возведение Магнуса в короли было отпраздновано торжественно; в честь этого события Иван выпустил на свободу всех немцев, которые находились у него в плену; попутно вассал был обручен с царской племянницей Евфимией Владимировной, дочерью князя Владимира Андреевича Старицкого.

В стремлении воплотить свой план в жизнь Иван отправил в августе 1570 года Магнуса с войском в Эстляндию,

но предприятие это потерпело крушение при осаде города Ревеля. Неудача сильно напугала Магнуса, в особенности тогда, когда два его помощника, Таубе и Крузе, авторы проекта Ливонского королевства, бежали в Польшу, чтобы избежать царского гнева. Магнус опасался и для себя царской опалы, из-за чего отправился даже на остров Эзель в надежде пересидеть там царский гнев. Но Иван продолжал выказывать ему благосклонность: он выдал даже за него замуж свою вторую племянницу Марию Владимировну (тоже дочь Старицкого), когда, так и не став женой Магнуса, умерла первая.

Однако царь не питал уже к нему прежнего доверия, боясь измены с его стороны. Поэтому и приданое было невелико. Магнус вынужден был удовольствоваться только двумя замками, Каркусом и Оберпаленом, которые царь пожаловал ему во владение. Король-неудачник жил здесь со своей юной женою в весьма бедной обстановке и в постоянной тревоге за свои владения, ибо они подвергались опустошениям не только со стороны шведов, с которыми московский государь вел войну, но и со стороны отрядов, находившихся на службе Речи Посполитой — несмотря на перемирия, которые она заключала с Москвой; впрочем, Иван тоже не соблюдал полностью перемирных договоров.

Речь Посполитая, как мы видели выше, старалась обезопасить Ливонию от притязаний Ивана путем дипломатии и до поры до времени делала это довольно успешно. Иной помощи — а тем более военной — она предоставить не могла.

Между тем силы Ливонии были истощены; в умах населения царил неуверенность абсолютно во всем, в настроениях наблюдался разброд. В то время как одни выказывали преданность Речи Посполитой, другие готовы были изменить ей в любой подходящий момент. По стране сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей против польско-литовской власти. Вопреки перемирию московские отряды не раз вторгались в ее пределы; в начале 1575 года они захватили замок Салис, в июле того же года завладели городом Перновом; при этом они не церемонились с местными жителями. После взятия Пернова ливонцами овладела сильная паника: многие бежали в Ригу. Ходкевич выдвинулся было после это-

го с отрядом в 2000 человек против русских, но смог вернуть только замок Руин.

В начале октября 1576 года Магнус напал на замок Лемзаль и завладел им в отмщение за нападение, произведенное курляндскими дворянами на его владения. Это случилось уже в царствование Стефана Батория.

Страдая от неприятельских вторжений, неуверенные в безопасности не только своего имущества, но и своей жизни ливонцы винили в этом правительство Речи Посполитой; особенно сильно они осуждали нерадивость Ходкевича, обвиняя его даже в тайном пособничестве московскому государю. Ливонцы жаловались также и на то, что их страну не включили в перемирный договор, как будто бы она не входила в состав Речи Посполитой; между тем Ходкевич уверял, что перемирие распространяется и на Ливонию, и вследствие этого требовал, чтобы никто в Ливонии не вооружался, ибо это раздражает могущественного соседа и колеблет мирные отношения, в которых состоит с Иваном Речь Посполитая.

Тут надо, впрочем, сказать, ливонцы давно вышли из доверия Речи Посполитой. Многие ливонские замки находились в руках немцев, которые преследовали собственные интересы. Вероломство ливонцев сделалось, по словам Батория, их обыденным пороком. Ввиду этого Ходкевич опасался созывать посполитое рушение* в Ливонии, ибо оно могло обратить свои действия против Речи Посполитой. Он был так раздражен против ливонцев, что на просьбу их о помощи как-то заявил, что помочь им не в состоянии, а если бы и мог это сделать, то он не прислал бы им в виде вспоможения даже никуда не годную корову.

Коль скоро иным способом отстоять Ливонию, казалось, было нельзя, Стефан Баторий уповал на дипломатию. Снарядив великое посольство, он известил Ивана об этом и предлагал пока соблюдать перемирие по всем границам обоих государств, но Иван в своем ответном письме Ливонию обошел молчанием. Отправление великих послов в Москву, однако,

* Посполитое рушение — дворянское ополчение, созываемое на основании решения короля о военной мобилизации.

из-за болезни мазовецкого воеводы Станислава Крыского задержалось.

Между тем от купцов то и дело стали поступать известия, что русские собирают громадные силы в Пскове. Решив еще в феврале занять Ливонию силой, Иван стал делать соответствующие приготовления. Главными сборными пунктами для войск были назначены Новгород и Псков, а чтобы усыпить бдительность врага, пустили слух, что намечается поход против Ревеля. Действительно, московские войска осаждали этот город зимою 1577 года, но неудачно, так что слуху можно было поверить.

Готовясь к войне с Речью Посполитой, Иван вернулся к проекту Ливонского королевства, хотя и на иных условиях. К этому моменту положение Магнуса, короля только номинального, сделалось совсем тягостным, и он начал искать пути выхода из него. В конце 1576 года он вошел в сношения с Ходкевичем, обещая передать Баторию Иберполь, Каркус, Лемзаль и другие свои замки, если будут приняты предлагаемые им условия, то есть речь шла о прямой измене Ивану. Затем состоялись переговоры с самим Стефаном Баторием. Конечно, их старались вести в совершенной тайне, однако какие-то слухи до Ивана все-таки дошли. Предполагая, что измена может быть открыта, и опасаясь попасть в руки московитов, Магнус стал переезжать из одного замка в другой. Наконец царь приказал арестовать своего вассала и отправил несколько отрядов, чтобы задержать его.

Перепуганный и запутавшийся в своих связях Магнус принял из своих укрытий заверять Ивана в своей полной преданности. Затем, загнанный в угол, он решил-таки явиться в Псков, пред очи своего сюзерена, чтобы хоть как-то оправдаться. Оправдания эти до известной степени имели успех. Иван поверил им или по крайней мере показал вид, что верит. Вслед за этим Магнус получил от Ивана область к северу от реки Аа (частью этой области он уже владел) и город Венден. Ливония между Аа и Двиной переходила во владение Ивана; занимать здесь любые пункты Магнус имел право только с соизволения царя.

Прежде чем выступить в поход на Ливонию, Иван отправил туда на разведку отряд конных татар. Польский полков-

ник Матвей Дембинский пытался было остановить его движение, но был разбит и обращен в бегство. Татары донесли Ивану, что войска в Ливонии ничтожны, и 13 июля он двинулся в поход из Пскова во главе армии численностью до 30 000 человек⁸.

Еще раньше, 9 июля, из Новгорода царь выслал вперед отряд в 4316 человек под начальством князя Тимофея Романовича Трубецкого, приказав ему идти на Трикат и Вольмар. Трубецкой огнем и мечом прошелся по окрестностям Триката, Вольмара, Нитау, Зегевольда, Трейдена, Кремона и других местечек и достиг Западной Двины у замка Крейцбург.

Между тем сам Иван 16 июля подступил к замку Мариенгаузен.

В нем находились всего 25 человек гарнизона, вооруженных восьмью пищальями. Вследствие этого сопротивление многочисленному войску Ивана было невозможно, да и охоты сражаться у немецких солдат не было. Поэтому неудивительно, что замок сдался царю без боя. Царь отпустил солдат на все четыре стороны, приказав остаться в городе только местным жителям.

Оставив в Мариенгаузене 75 человек гарнизона, Иван двинулся к Люцину, который тоже сдался ему без боя. Немцы, находившиеся здесь, изъявили желание служить московскому государю. Иван приказал отправить их в Москву и, «разобрав, устроить поместьями и деньгами; а которые пригодятся в пушкари и в стрельцы, и тех устроить жалованьем денежным и хлебным»⁹.

Затем Иван овладел 27 июля Режицей. Лишь только царские войска подступили к этому городу, как он был сдан оборонявшими его немцами без единого выстрела. Вследствие этого Иван весьма милостиво обошелся с солдатами местного гарнизона и также принял их на свою службу.

Оставив в крепости 178 человек войска, Иван направился к Динабургу (Невгину). Начальником гарнизона был здесь поляк Соколинский, который, выслав в царский стан двух парламентаров-немцев, объявил через них, что сдает город на волю государя. Иван велел расспросить сдавшихся, хотя ли остаться у него на службе или быть вольными, обещая, что тех, «которые похотят на его государево имя и Государь их

пожалует на свое имя, взять их велит и устроит, как им быти; а которые на государево имя не похотят, а учнут бити челом, чтоб их Государь пожаловал, велел им дати повольность, и Государь пожалует, отпустить их велит». Невгинские люди били челом, чтоб им государь велел дать волю.

Иван не только дал им свободу, но и удостоил особой милости — пригласил к своему столу и пожаловал им шубы.

В Динабурге оставлены были 350 человек и значительная артиллерия: семь пищалей медных, три пищали скорострельные железные, 104 пищали затинные; к пищалям было 1000 ядер и 50 протов свинцу.

По пути к Лаудону (не доходя три версты от него) Иван послал отряд в 200 человек к Крейцбургу под начальством Елчанинова, который 6 августа донес царю, что «он приехал под город, аже город горит, а ворота-де городовые, выгорев, завалились». Тогда Иван приказал: «Досмотрити того, доехал ли Иван Елчанинов до Круцборха или не доехал?» Посланный принес царю известие, «что он под Круцборхом был и про Ивана Елчанинова сказал, что он ж с детьми боярскими и с стрельцы стоит у города у Круцборха, а в город ехати ему нельзя, потому что-де город горит и ворота у города выгорели». Город был зажжен, очевидно, отрядом князя Трубецкого.

Иван приказал Крейцбург осмотреть; результат осмотра оказался таков: «в городе в Круцборхе стараго города стена разсыпалась вся, а в вышгороде дома погорели все, а в вышке мосту и кровли нет».

Затем царь двинулся к Лаудону, который подчинился добровольно. Лаудонские немцы были отпущены за Двину, но «Левдун велел Государь разорить».

Когда Иван подступил к Зессвегену (Чиствину) и послал к «чиствинским людям грамоту, чтоб чиствинские люди город Чиствин Государю очистили без кровопролития», занимавшие там оборону немцы грамотой, по-немецки писанной, ответили, что они давали клятву польскому королю и хотят сохранить верность этой клятве. Царь послал им вторую грамоту, но посланный в город парламентар принес ее назад и сказал, «что у него той грамоты не взяли, а хотели его застрелить». Тогда Иван расставил полки, чтобы силой взять

город. Но тут явился в московский стан перебежчик и на допросе заявил, «что в городе большой человек немчин Ернист фон Минин да мызников 12 человек, и Ернист ранен, застрелен из лука и с тое раны умирает, чаю и умрет, а его Волка Амоса Ернист и все мызники Царскому Величеству послали бити челом, чтоб их Царское Величество пожаловал, от смерти живот дал, а из города выпустить велел, а они Государю город отворят и во всей воли государской учинится».

Затем явились из города еще несколько немцев; они тоже просили для себя пощады. Но бояре им сказали: «Нынча вы у Государя милости просите, а дотудова Государь к вам писал две грамоты, чтоб вы город отворили, а государь вам милость покажет, как будет пригоже...» Далее летописец лаконично замечает, что «августа в 20-й день Бог поручил Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси город Чиствин», обходя, очевидно, молчанием те казни, которым были подвергнуты жители его за сопротивление.

Из немецких источников мы узнаём, что начальников города четвертовывали, разрывали на части лошаадьми, сажали на кол и рассекали саблями, а женщин насильовали.

Оставив в Зессвегене 120 человек гарнизона с артиллерией, Иван того же 20 августа послал отряд численностью больше двух тысяч человек к городу Шванебургу (Гольбину); на следующий день город был разорен, а захваченная в нем артиллерия перевезена в Зессвеген. После того Иван взял 22 августа Берсов (Борзун), где оставил 140 человек гарнизона и артиллерию, состоявшую из 38 пищалей и 7 самопалов.

Затем русское войско направилось к Кокенгаузену (Куконосу). Когда оно находилось в одном переходе от города, прибыл князь Иван Белосельский с грамотой от герцога Магнуса, в которой сообщалось, что Магнус взял Венден (Кесь) и уже послал отряд занять Кокенгаузен.

Здесь необходимо сказать несколько слов о деятельности Магнуса в это время. Когда московские войска вторглись в Ливонию, он обратился с воззванием к ливонцам, увещевая их подчиниться московскому государю. Воззвание упирало на то, что силы ливонцев ничтожны, помощи им ждать неоткуда, а царь идет с грозной силой; подчинение, дескать, смягчит его гнев и остановит дальнейшее движение. Кроме

того, утверждалось, что герцог находится в добром согласии с московским государем и пользуется покровительством германского императора, а потому можно положиться на его помощь. О дальнейшей судьбе Ливонии говорилось, что будет состоять под управлением голштинских герцогов или в случае прекращения их династии — герцогов мекленбургских.

Это воззвание так подействовало на ливонцев, что они возмутились против польско-литовского владычества, изгнали из многих городов польские и литовские гарнизоны и 14 августа в Вендене провозгласили Магнуса своим королем.

Жители Кокенгаузена тоже перешли на сторону Магнуса. Город был вне пределов, определенных псковским договором, а потому Магнус не имел права занимать его без ведома и согласия Ивана. Однако Магнус сделал это, известив своего сюзерена об уже свершившемся факте грамотой, чем и навлек на себя его гнев¹⁰.

Царь приказал прочесть послание Магнуса в присутствии бояр и дворян, и те выразили мнение, что «король Арцымагнус учинил не гораздо через договор». Нарушение Магнусом договора не ограничилось Кокенгаузенем. В своей грамоте он перечислял города, которые ему сдались, и в числе их были такие, которые должны были достаться Ивану. Ввиду всего этого царь приговорил послать к королю грамоту, «выписав его непригожее дело, которое он через договор чинил».

25 августа Иван послал к Кокенгаузену отряд в 2059 человек под начальством окольного князя Петра Ивановича Татеева и Даниила Борисовича Салтыкова. Немцы не хотели пускать их в город, требуя, чтобы они показали им грамоту короля Магнуса. За такое противодействие воеводы, силой войдя в Кокенгаузен, приказали перевязать немцев и донесли об их сопротивлении царю. Прибывший к Кокенгаузену Иван «за королевы Арцымагнусовы непригожие дела, что он через договор учинил, приказал и велел тех немец казнити смертью» и оставить в живых только несколько человек, чтоб было с кем отослать к королю государеву грамоту. Цареву приказание было исполнено в точности: в живых оставлены были только «толмач Анц да служивый немчин Ганус Берга».

Оставив в Кокенгаузене больше тысячи человек гарнизона с артиллерией, Иван двинулся к Эрли. Между тем отряд в 796 человек детей боярских и 700 стрельцов под предводительством Богдана Яковлевича Вельского 26 августа взял Ашераден. Местный ландмаршал Каспар Мюнстер был подвергнут московитами сечению розгами, а затем сброшен со стены и умерщвлен, другие пленники обезглавлены, женщины заперты в саду и отвратительным образом изнасилованы¹¹.

Находясь у Эрли, Иван узнал, что Магнус послал отряд в 80 человек занять Вольмар (Вышгород). Здесь начальником гарнизона был князь Александр Полубенский. Он находился в самом критическом положении: гарнизон не имел продовольствия, а крепость — орудий для защиты; между тем помощь из Литвы, несмотря на самые настоятельные просьбы Полубенского, не являлась. Поэтому неудивительно, что отряд Магнуса легко завладел Вольмаром. Узнав об этом, Иван отправил к Вольмару войско (численностью 2603 человека) под предводительством Богдана Яковлевича Вельского и Деметрия Ивановича Черемисинова, дав воеводам наказ «мелких людей побити» и оставить в живых только начальника и лучших людей. Полубенскому, который, по слухам, еще находился в Вольмаре, Иван приказал обещать свою милость и отпуск к королю Магнусу. Обходиться с ним было велено хорошо, но казну и лошадей отнять. В случае, если немцы и Полубенский запрутся в Вольмаре, воеводам было приказано «промышлять над городом». Если же Полубенского не окажется в городе, воеводам предписывалось, по возможности, преследовать его, догнать и арестовать.

Немцы не хотели пускать русских в город, и воеводы стали готовиться к штурму. Полубенский попал в руки русских еще до взятия города, во время осады, и был доставлен к Ивану. Царь обошелся с ним весьма милостиво и отпустил вскоре на родину¹².

Тем временем Иван взял крепость Эрлю¹³, а 1 сентября стала очередь Вольмара. Осажденные сами вышли из крепости, пытаясь прорваться сквозь ряды русских, и почти все погибли; в живых остались только двенадцать человек.

Из Эрли Иван скорым маршем направился к Вендену, где находился Магнус. Вассалу было велено явиться к царю, но

тот, надеясь, что царский гнев обойдет его стороной, послал к Ивану двух своих приближенных. Их наказали кнутом и послали сказать королю, чтобы явился сам. Отказаться значило сразу подписать себе смертный приговор. В сопровождении небольшой свиты из 25 человек Магнус поехал в царский лагерь. Здесь его немедленно арестовали, отняли оружие и привели к Ивану. При виде царя он бросился на колени и стал умолять о пощаде. Против ожидания царь заговорил с ним миролюбиво. Но в это время раздался выстрел из крепости, и ядро пролетело совсем рядом с Иваном. Подозрительный царь усмотрел в этом адский умысел на свою жизнь. Он разразился потоками брани, ударил Магнуса по лицу, затем приказал взять его под стражу и держать в полуразвалившейся избе. После этого ярость царя обратилась на тех, кто, как казалось ему, посягал на его жизнь.

Выстрел из крепости привел к тому, что русские устроили в городе немалую резню. Те, кто избежал ее, спрятались в последнем городском убежище — в замке. Обстрел замка продолжался четыре дня. Положение осажденных становилось с каждым часом ужаснее, их мучили голод и жажда; страх их перед Иваном был столь велик, что они приняли решение не сдаваться, а умереть добровольно. В замковой часовне приготавливали несколько бочек пороху. Капитан Генрих Бойсманн поджег порох, последовал взрыв, который многих похоронил под развалинами¹⁴.

Овладев Венденом, Иван отправил в Трикатен к польским начальникам крепости Яну Бычковскому и Шенсному Малиновскому грамоту с требованием отворить город, за что обещал отпустить их к их королю Стефану с женами и с детьми «безо всякие зацепки». Король Стефан, прибавлялось в царской грамоте, хочет прислать к царю послов для заключения мира, и царь готов помириться, лишь бы были только подходящие условия. Предложения были заманчивы, сопротивление казалось невозможным, и Трикатен 10 сентября был сдан.

Несколько раньше сдался Ивану Роненбург. Эту крепость долгое время защищал от войск Магнуса Полубенский, находившийся здесь до того, как оказался в Вольмаре; он отбил несколько приступов и вынудил Магнуса отступить. Но по-

пав в плен, он, по требованию Ивана, написал грамоту к воеводам в Роненбурге с предложением сдать крепость царю, что те и сделали.

Русские взяли также замки Смильтен, Шуен и Юргенсбург. Так Иван завладел почти всей Ливонией, не встретив особого сопротивления. Разве что князь Христофор Радзивилл с отрядом в 300 всадников пытался ему противостоять, и даже с некоторым успехом, ибо ему удалось захватить в плен несколько московитов и татар. Но оставаться в Ливонии, учитывая громадные силы неприятеля и измену самих ливонцев, было для него безумием; поэтому Радзивилл с приближением войск Ивана к Двине поспешил переправиться на ту сторону реки. За ним последовал отряд польских гусар (тоже в 300 человек), находившийся под командой ротмистра Альберта Оборского.

Правитель Ливонии Ходкевич держал свое войско в 4000 человек вне пределов страны, полагая, что борьба с врагом, у которого 30 000 человек, невозможна.

При известии о нападении Ивана на Ливонию Стефан Баторий некоторое время не знал, как поступить. Момент был критический. После сдачи Ливонии опасность угрожала Литве. Ввиду этого Баторий созвал литовское посполитое рушение и назначил великим гетманом* виленского воеводу Николая Радзивилла. Но посполитое рушение собиралось медленно, а когда собралось, то в таком ничтожном количестве, что о движении против врага нечего было и думать.

Иван торжествовал: Ливония покорилась ему, истоптана была ногами его коней, по собственному выражению царя. Завоевание страны он не считал нарушением договора с Речью Посполитой, ибо «николи того слова не было имяновано, что с Лифляндскою землею мир». Цель была достигнута: о дальнейших завоеваниях Иван не думал и готов был заключить с Речью Посполитой мир, лишь бы только Ливония признана была за ним. Баторий смотрел на дело иначе.

* Великий гетман коронный — главнокомандующий.

III. Приготовления к войне

И он желал поддерживать — во всяком случае, пока — мир с Москвой, но, конечно, под тем условием, что Иван откажется от Ливонии.

Мы знаем, что к царю снаряжено было великое посольство с мазовецким воеводой Станиславом Крыским во главе. На как раз тогда, когда припозднившиеся послы отправились в путь, Иван вторгся в Ливонию; посольство остановилось в Вильне и, во-первых, обратилось за инструкциями к королю, а во-вторых, по совету литовского сената, вошло в сношения с Иваном. Иван заявил, что он никогда не откажется от Ливонии, угрожал вторжением в другие области Речи Посполитой и выражал свое неудовольствие тем, что Стефан Баторий не хочет признать за ним царского титула, прибавляя, что, если последует новый отказ в этом титуле, королевское посольство рискует подвергнуться опасности. После такого обмена любезностями Крыский посоветовал Баторию заключить с Иваном договор, но Ливонию в него не включать; тогда, мол, ее можно будет возвратить силой оружия подобно тому, как силой оружия взял ее неприятель.

Но Стефан Баторий не согласился принять этот совет. Он считал, что нельзя дать Ивану время укрепиться в Ливонии. Отсюда он будет угрожать Литве и по истечении перемирия легко может захватить литовскую столицу Вильну. К тому же не включать Ливонию в перемирный договор показалось Баторию делом опасным, ибо таким образом можно было самым толкнуть ливонцев в объятия другого государства. Впрочем, воевать с Москвой исключительно из-за Ливонии Баторий не собирался — он в это время думал о походе на Полоцк или Смоленск.

Ввиду всего этого король наказал послам двигаться чем медленнее, тем лучше, и всячески затягивать переговоры, чтобы протянуть время до сейма, который, как надеялся Баторий, должен был дать ему средства на ведение войны с Москвой.

Послы остановились на несколько месяцев в Орше и завязали неспешную переписку с московскими боярами по поводу признания за Иваном царского титула. Между тем Баторий отправил к Ивану гонца Мартына Полуяна объяснить причину задержки в пути великого посольства и узнать, желает ли царь вести переговоры о мире. Все это опять-таки были уловки: в действительности посылка гонца имела целью еще более затянуть переговоры.

В результате приложенных усилий дорога у посольства заняла почти год. Оно прибыло в Москву только в начале 1578 года. Иван принял послов пренебрежительно, отзываясь оскорбительно о поляках, литовцах и самом короле и давая посольству дурное содержание¹⁵. Во время переговоров о мире он заявил, что Корона Польская и Великое княжество Литовское — его вотчины, ибо род Гедимина, владевший Литвой и Польшей, прекратился, а потому его наследие должно перейти к московским государям, как к ближайшим родственникам Гедиминовичей. Царь обосновывал это родство на происхождении своем от Пруса, брата римского императора Августа и родоначальника литовских князей, а права Анны Ягеллонки, жены Стефана Батория, на польско-литовское наследие устранил замечанием: «Королевская сестра государству не отчич». К королю Стефану он относился свысока, как к владельцу какого-то Седмиградского го-

сударства, о котором «никогда не слышали», а потому полагал, что Стефану в равном братстве быть с ними «непригоже».

Примирить желания договаривающихся сторон было невозможно. Послы Батория получили инструкцию заключать мир только на условии возвращения всего, что было отнято у Великого княжества Литовского, и прежде всего возвращения Ливонии. Если царь поведет речь только о временном перемирии, то и тут включить непременно Ливонию в договор и в договоре не называть Ивана царем и не давать ему титулов Смоленского, Полоцкого и Ливонского.

Со своей стороны, Иван о мире на девять лет или о перемирии на восемь месяцев, как того желал Баторий, и слышать не хотел. Он соглашался на трехлетнее перемирие, начиная от Благовещения 1578 года, но исключал из условий договора Ливонию, называя ее своей вотчиной и причисляя к ней Ригу и Курляндию. «Тебе, соседу нашему, — так говорилось в перемирной грамоте Ивана, — Стефану королю в нашей отчине Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угодыя не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить и ничем зацепки всякой и шкоды в Лифляндской и Курляндской земли не делать и из Лифляндской и Курляндской земли людей и городов к себе не принимать».

Это условие послы Батория принять не могли. Таким образом, договор не состоялся: царь скрепил присягой только свою договорную грамоту, а послы лишь свою. Следовательно, столкновение в самом скором времени было неизбежно.

В конце 1577 года Баторий окончил войну с Данцигом и таким образом мог теперь отдать все силы подготовке к войне с восточным врагом. Средства на ее ведение приходилось искать у шляхты. Чтобы побудить ее раскошелиться, король и его помощник в подобных делах Замойский постарались изобразить грозную опасность, надвигающуюся с севера и востока на Речь Посполитую, самыми мрачными красками. В руках царя уже почти вся Ливония, откуда ему нетрудно будет проникнуть в Литву, овладеть ее столицей, а затем и всей страной. Если допустить, что замыслы царя направлены не на Литву, то и в таком случае опасность одинаково

велика. Царю легко теперь добыть Курляндию, вторгнуться в Пруссию и сделаться владыкой Балтийского моря. Решается судьба не только Литвы, но всей Речи Посполитой. Как видим, значение борьбы из-за Ливонии тогдашние руководители польско-литовского государства Баторий и Замоиский понимали ясно.

Ввиду грозной опасности, говорили они, нужны деньги на содержание войска. Между тем государственная казна истощена, а королевской едва хватает на удовлетворение насущных потребностей. Вследствие этого установление новых налогов — дело неизбежное.

Королевское воззвание произвело желанное действие. Сейм, открывший свои совещания 20 января 1578 года в Варшаве, решил вести войну с московским царем «в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании... примера прошлого года». План военных действий был подсказан сейму — в этом нельзя сомневаться — самим королем. Вскоре по окончании сейма Баторий заявил папскому нунцию Лаурео, что, начиная войну с царем, он думает не о возвращении Ливонии, но о завоевании самой Москвы, и что это предприятие не так трудно, как может сначала показаться: стоит только взять Полоцк и Смоленск, и Москва будет в его руках. Чтобы обсудить вопрос, какие нужно сделать приготовления для войны, была выбрана комиссия из сенаторов, которая представила соответствующий доклад сейму. На основании этого доклада сейм установил налоги столь значительные, что никто о подобных не помнил — поземельную подать в размере одного злотого и акцизную пошлину в размере одной восьмой с продажной цены каждой бочки пива. Сейм обставил налоги условием, что король лично будет вести войну и принимать участие в походах. Это показывало, что сейм относится к королю с некоторым недоверием.

Король не был до конца доволен сеймом, так как послы не всех воеводств выразили согласие на установление новых налогов. Пришлось тратить драгоценное время и созывать сеймики в упорствующих воеводствах, чтобы убедить шляхту в необходимости расходов. И все равно сеймики краков-

ского и сандомирского воеводств разрешили королю взимать налоги только в размерах, установленных в 1565 году, то есть поземельную подать по 20 грошей с лана и акцизный сбор с освобождением от него городов и шляхетских деревень. При этом шляхта заявляла, что, соглашаясь на эти налоги, она производит насилие над собой и крестьянами. Это не могло понравиться королю, ибо подавался заразительный пример другим воеводствам. Тем не менее он готов был идти на уступки, и дело уладилось компромиссом. Краковскому и сандомирскому воеводствам сделаны были незначительные послабления; при этом король обязался употребить налоги с этих воеводств исключительно на издержки московской войны, а кроме того, добавить денег из своей казны на артиллерию и покупку амуниции.

На сбор налогов ушло немало времени; в казне деньги оказались только к началу 1579 года. Но отсутствие средств было не единственной причиной, мешавшей начать войну с Москвой в 1578 году. Прежде чем объявить войну на севере, необходимо было обезопасить предварительно южные области страны от татар и турок.

Стефан Баторий тотчас по вступлении своем на престол постарался заключить мир с турецким султаном, имея в виду интересы не только Речи Посполитой, но и Трансильвании, которой угрожали турки. С этой целью в Константинополь был отправлен галицкий каштелян Ян Сененьский, которому удалось склонить Турцию к союзу с Речью Посполитой. Султан обещал не только удерживать крымских татар от набегов на польские земли, но и оказывать военную помощь Баторию.

Но тут произошли события, которые едва не уничтожили дружественного соглашения с Портой. Среди запорожских казаков объявился атаман Иван Подкова, прозванный так за свою необыкновенную физическую силу, поскольку легко ломал руками подковы. Валах по происхождению, он заявил, что имеет право на престол Валахии, и при содействии польских панов низложил господаря Петра.

Но властвовать в Валахии пришлось ему недолго. Изгнанный валашским воеводой при помощи турок, он удалился в пределы Речи Посполитой, в Подолию, в окрестности го-

рода Немирова. Опасаясь нарушить мир с Турцией, Баторий приказал арестовать Подкову брацлавскому воеводе князю Янушу Збаражскому, угрожая тому судом, если он не пожелает подчиниться приказу: король подозревал, что воевода — сторонник авантюриста. Подкова был задержан каменецким каштеляном Николаем Сенявским и передан затем Збаражскому, который доставил его в Варшаву и сам явился туда, чтоб оправдаться перед королем в возведенном на него обвинении, будто он помогал Подкове.

Казаки после этой неудачи не успокоились. Брат Ивана Подковы, Александр, предпринял с запорожцами новый поход на Молдавию, захватил ее столицу Сучаву и провозгласил себя господарем. Тогда Баторий, опасаясь, что султан присоединит Молдавию к своим владениям и отправит туда управлять какого-нибудь пашу, посоветовал своему брату Христофору, трансильванскому воеводе, отправить отряд на помощь молдавскому господарю, которого пытался сместить Александр. Подкова был пленен и посажен на кол, а его казаки отчасти рассеяны, а отчасти захвачены и отправлены в цепях в Стамбул.

Действия братьев Подков сильно раздражили султана: он грозил Баторию разрывом союза и войной, если король не накажет примерно казаков, не казнит вслед за Александром Ивана Подкову или не выдаст его живьем туркам.

Баторий вынужден был извиняться перед султаном, заявляя через своего посла Христофора Держка, что нет возможности ни истребить казаков, ни удержать их от набегов на турецкие владения. В угоду султану он приказал обезглавить Ивана Подкову; сделано это было в присутствии турецкого посланника; таким образом, доверие Турции было возвращено.

Одновременно происходили переговоры с крымским ханом. Баторий соглашался соблюдать мир на тех условиях, какие существовали при прежних королях, но хан хотел изменить эти условия. Он требовал, чтобы король присылал ему дары даже в том случае, если татары не будут служить польскому правительству и вступят в союз с Москвой. Кроме того, он требовал, чтобы Орде были уступлены оба берега Днепра, а казаки изгнаны совсем из Запорожья.

Однако после продолжительных торгов со стороны татарских послов, при посредничестве турецкого посланника, не без богатых подарков мир с ханом был заключен на прежних условиях: татары обязались за получаемые дары вести войну с Московским государством. Над заключением договора Баторию пришлось немало потрудиться. Пока шли переговоры с татарами, он не мог рассчитывать на безопасность южных областей государства, а потому полагал, что его присутствие во Львове, поблизости к этим областям, необходимо. Он уехал из Львова только во второй половине сентября.

Все это заставило отложить объявление войны Ивану Грозному до 1579 года. Чтобы удержать царя от новых враждебных действий, король прибегал к дипломатическим уловкам. Получив из Москвы извещение от послов о том, что Ливония исключена из перемирного договора, он послал к Ивану дворянина Петра Гарабурду просить, чтобы Иван и в Ливонии сохранял мир до тех пор, пока перемирный договор не будет им, королем, ратифицирован. Вместе с тем король отдал приказ не впускать московских послов в пределы Речи Посполитой, пока не вернется из Москвы Гарабурда.

Между тем Иван отправил к Баторию для ратификации договоров великое посольство, во главе которого стоял дворянин Михаил Далматович Карпов. Согласно королевскому приказу, московских послов задержали сначала на границе Литвы, а потом задерживали нарочно уже в самой Польше. Баторий хотел затянуть время до осени и дожидаться момента, удобного для начала военных действий. Аудиенция послам у короля назначена была сначала в Люблине, потом во Львове и состоялась, наконец, в Кракове 5 декабря по возвращении сюда короля из Львова. Этого дня глава посольства Карпов не дождался; он умер в дороге.

Послы не захотели вести переговоры, так как король нарушил установленный церемониал. Желая высказать к ним, а вместе с тем и к Ивану, свое пренебрежение, Баторий не встал при приеме посольства и не осведомился, стоя с открытой головой, о здоровья царя. Послы заявили, что им под страхом смертной казни запрещено править посольство, ес-

ли требования этикета, обычного при приеме посольств, не будут исполнены. Аудиенция на этом была прервана, и 11 декабря посольство покинуло Краков. При этом король приказал литовскому подскарбию Лаврентию Войне задержать его в литовском городке Мсцибове. Это было сделано в отместку за то, что Иван задержал гонца Петра Гарабурду. Таким образом, происходили переговоры о мире, противники делали вид, что хотят установить дружественные отношения, но, по сути, шли навстречу войне.

Баторий готовился весьма деятельно. Считая шляхетское ополчение негодным для ведения войны, он торопился организовать наемное войско. Каспару Бекешу и Михаилу Вадашу было поручено нанять солдат в Венгрии, Христофору Розражевскому и Эрнесту Вейеру — в Германии; были выделены средства на собрание отрядов в самой Польше. Кавалеристы должны были являться в панцирях, шишаках, с копьями, саблями или мечами, на сильных и здоровых лошадях, пехотинцы — в платьях одинакового цвета и покроя, с ручницами, топорами, мечами или саблями. Командирам предписывалось поддерживать в отрядах строгую дисциплину и пресекать притеснения мирных жителей. Одновременно заготавливалась амуниция; что касается пушек, то в Вильне устроен был завод, который отливал их по чертежам, в составлении которых принимал участие сам Баторий.

Баторий также попытался создать крестьянское ополчение. По королевскому проекту, крестьяне обязаны были снаряжать с каждых 20 ланов одного вооруженного пехотинца; этот воин освобождался от всех крестьянских повинностей. Ополчение должно было собираться в определенных пунктах всякий раз, когда враг угрожал государству. Очевидно, этот проект имел в виду создать в Польше правильно организованную армию, но ему не суждено было осуществиться — во всяком случае, в том виде, в каком его задумал Баторий. К 1579 году крестьянское войско не было набрано.

Зато король сумел привлечь к участию в войне на своей стороне запорожских казаков. Был нанят отряд в 600 человек с ежегодной платой каждому по 6 литовских грошей и куску сукна на армяк. При этом запорожцы обязались не предпринимать походов против интересов Турции.

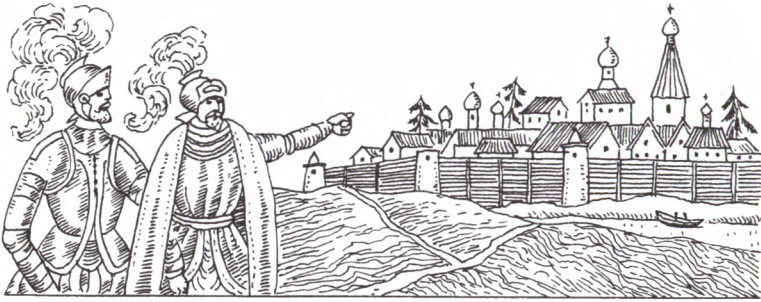
В приготовлениях к войне прошел весь 1578 год; воевать зимой из-за непроходимых дорог не решились, отложив объявление войны до весны или лета 1579 года. Кроме того, была и другая важная причина отсрочки. Короля, как всегда, беспокоил недостаток денежных средств. К началу 1579 года в казне собралось, правда, 540 000 злотых, но эти деньги предназначены были на уплату жалованья отрядам венгерских, немецких и польских наемников, оплату амуниции и продовольствия для войска. Король собрал в Кракове сенаторов, чтобы спросить их мнения относительно увеличения налогов, но сенаторы сказали твердое «нет», и Баторий отказался от этой идеи. В конце концов он решил вести войну на те средства, которые появятся в казне в 1579 году, а также на те, какие можно будет приобрести путем займа.

Еще будучи в Кракове, он подумал об избрании главнокомандующего армии и советовался с сенаторами о том, назначить пожизненного гетмана или временного. Большинство высказалось за назначение предводителя только на время войны. Гетманство в результате, только на время похода против московского царя, досталось подольскому воеводе Николаю Мелецкому. Мелецкий был одним из вождей той партии, на которую Баторий опирался в Польше, притом вождей деятельных, которые активно боролись против козней противников Батория.

Из Варшавы король отправился в Гродно, чтобы обсудить с литовскими вельможами план предстоящей войны с Москвой. Были высказаны различные мнения. Одни советовали ударить прежде всего на Великие Луки, другие на Псков, третьи на Полоцк. Ян Замойский, главный помощник Батория, советовал идти к Полоцку, повторяя поговорку: бери то, что ближе всего.

Результат совещания порадовал Батория: вельможи Литвы обещали ему взять на свое содержание 10 000 всадников. Такая щедрость обязывала короля отнестись к делам литовцев с большим вниманием, а они жаловались на то, что многие судебные дела у них не разрешены со времен Сигизмунда-Августа. Из-за этих дел Баторий задержался в Гродно до начала марта, а затем направился в Вильну.

Тут, однако, в исполнении королевских намерений опять произошла проволочка. Войска собирались очень медленно. Король еще в начале января распределил пути, по которым должны были двигаться отряды, но срок, назначенный для их сбора, давно прошел. Наконец, первыми прибыли венгры, а о польских солдатах не было ни слуху ни духу. Ко всем этим затруднениям присоединились морозы, которые в 1579 году продолжались в Литве дольше, чем когда-нибудь.

Но хотя Баторий вынужден был откладывать выступление в поход, война, формально еще не объявленная, уже шла. Стоило Ивану уйти из Ливонии, как литовцы отняли у москвитов Динабург: они послали в подарок русскому гарнизону бочку водки, воины перепились и не смогли оказать должного сопротивления, когда литовцы неожиданно пошли на приступ. Несколько позже Иван потерял и Венден. Матвей Дембинский и Иван Бюринг, секретарь Ходкевича, заняли крепость с помощью латышей, изменнически отворивших им ворота города. Постепенно у русских были отбиты и другие ливонские замки: Зонцель, Эрлю, Лемзаль, Буртних, Ропе, Нитау, Пуркель.

В начале февраля 1578 года русские воеводы попытались вернуть Венден. Они простояли под крепостью четыре дня, сделали даже пролом в крепостной стене, но все-таки отступили, так как гарнизон, несмотря на недостаток съестных припасов (защитникам города пришлось есть лошадей), мужественно защищался, а потом и получил подкрепление, которое проникло в крепость через неплотное кольцо осады.

Потери Ивана в Ливонии увеличились еще вследствие измены Магнуса, перебежавшего на сторону Батория. Почва для этого готовилась давно, еще с конца 1577 года, когда между королем и герцогом начались тайные переговоры. От имени Батория их вел виленский воевода Николай Радзивилл, который насоветовал королю отдать герцогу Ливонию в управление. К соглашению на этот счет стороны пришли в конце 1578 года.

Иван неожиданно оказался в очень непростом положении. Он, казалось, уже держал победу в руках, а теперь многое надо было завоевывать заново. О немедленном возвращении потерянного нельзя было и думать, так как пришлось отвлечься на шведов, которые летом 1578 года атаковали русских и причинили им немало вреда.

Только в октябре московские воеводы, отвоевав у шведов замок Оберпален, снова попробовали взять Венден. После непродолжительной осады им удалось разрушить стену крепости, но тут ей на выручку явился польско-литовский отряд под началом Андрея Сапеги и Матвея Дембинского. Соединившись со шведами, которыми командовал Георг Бойе, поляки и литовцы переправились через реку Аа. Русские бросились на врага, пытаясь оттеснить его назад, за реку, но безуспешно. Завязался жаркий бой, в котором соединенным польско-литовско-шведским силам сопутствовал успех. Русские имели численное превосходство¹⁶, но сражались беспорядочно. В результате часть русского войска была обращена в бегство, причем с поля битвы бежал и главный воевода, князь Иван Юрьевич Голицын. При этом русские воины, оставшиеся на поле сражения, засели в окопах и мужественно дрались всю ночь; только наутро после отчаянного рукопашного боя, уже оставшись в значительном меньшинстве, они сложили оружие; в этом бою убито было несколько русских воевод и много простых воинов¹⁷.

Враги завладели русским лагерем, всей артиллерией¹⁸, захватили в плен девять воевод и множество солдат, но сами потерпели урон незначительный¹⁹. Русские пленные отправлены были к королю в Гродно, а пушки — в Вильну.

Но это была еще не война, основные силы обеих сторон еще только готовились к схватке. Иван даже послал к коро-

лю гонца Андрея Тимофеева с предложением начать новые переговоры относительно Ливонии. Правда, перед этим он после совета с боярами и духовенством решил идти «на немецкую и литовскую землю». Решительности царю придал доклад великого посольства, возвратившегося из Кракова. Послы доносили, что Баторий идет к московским границам, но следуют за ним немногие охочие люди из литовской шляхты, из польских же панов и шляхты никто не идет. «Король говорил панам, чтоб шли с ним всею землею в Ливонию достигать тех городов, которые Москва захватила, но паны ему отговаривают, чтоб он и в Ливонию не ходил, а послал бы наемных людей защищать те города, которые за ним, а над другими промышлять. А во всей земле — в Польше и Литве, у шляхты и у черных людей, у всех одно слово, что у них Стефану королю на королевстве не быть, а пока у них Стефан король на королевстве будет, до тех пор ни в чем добру не бывать, а сколько им себе государей ни выбирать, кроме сыновей московского государя или датского короля, никого им не выбрать; а больше говорят во всей земле всякие люди, чтоб у них быть на государстве московского государя сыну».

Похоже, что послы докладывали царю не столько реальное положение дел, сколько то, что ему было приятно услышать. Баторий вряд ли уговаривал панов, чтоб они шли с ним «всею землей» в Ливонию, потому что понимал непригодность земского ополчения для военного дела. Паны же не могли отговаривать Батория идти в Ливонию, потому что сейм 1578 года согласился на установление налогов только при условии личного участия короля в войне. О низложении Батория говорили лишь немногочисленные его противники. В общем, сведения посольства были ложны, а между тем на них Иван строил свои завоевательные планы относительно Ливонии и Литвы; эти сведения вселили в него уверенность, что можно будет легко осуществить задуманное предприятие.

Иван собрал громадное войско: численность его доходила, по словам папского нунция Калигари, до 200 000 человек; один только царский полк включал 40 000 воинов. Но эта исполинская масса людей была плохо организована и дис-

циplinированна, чужда тому военному искусству, которое приносило победы Баторию. Что особенно важно, она не имела хорошего руководителя, каким для своего войска являлся Баторий, проницательный, в высшей степени даровитый или даже, как утверждают некоторые историки, гениальный стратег. У Ивана не было плана военных действий, тогда как польский король имел планы на случай любого развития событий. Царь принял решение идти «на немецкую и литовскую землю», но шел он во главе вооруженной толпы; и он сам, и почти все его командиры не имели понятия о тактике и стратегии. В результате, предприняв наступательную войну, он тут же, не сразу это осознав, вынужден был перейти к обороне, хотя замыслы Батория были ему в целом известны заранее²⁰.

Силы Батория были гораздо меньше — около 60 000 человек. Но всеми ими король не мог воспользоваться: ему пришлось отрядить часть людей ради создания совместного отряда со шведами, с которыми он желал поддерживать дружественные отношения и мечтал заключить военный союз; еще некоторое количество солдат было оставлено для защиты крепостей внутри страны; таим образом, в распоряжении короля оставалось немногим более 40 000 человек²¹.

Окончив приготовления к походу, Баторий отправил к Ивану гонца Вацлава Лопацинского с письмом, в котором объявлял царю войну. Мотивировалось это тем, что Иван нарушил перемирие, вторгнувшись в Ливонию. «Бросился ты, — писал Баторий, — на христианский народ, наших подданных, производя резню и кровопролитие, к чему ты улучил время, когда мы отъехали в отдаленные стороны наших государств, завладел ты нашими некоторыми замками вероломно, умерщвляя невинных людей». В упрек царю ставилось и то, что договорная грамота, «вероломным обычаем» скрепленная им присягой, заключала условия, на которые королевские послы не давали своего согласия. Поэтому он, Баторий, не может этой договорной грамоты принять и отсылает ее назад царю²².

Совершив эти формальности, 30 июня 1579 года король отправился из Вильны в Свирь, где созвал военный совет, чтобы решить окончательно, в каком направлении нанести

главный удар. Литовцы советовали королю идти на Псков: этот город плохо укреплен, говорили они, его стены пришли в ветхость, враг не ожидает здесь нападения, а потому Псковом можно будет легко овладеть. Удача, по их мнению, должна была привести к скорому окончанию войны, поскольку создаст хорошие позиции для дальнейших переговоров с русскими. Но Баторий с ними не согласился. Осаждать Псков было, по мнению короля, при создавшемся положении дел противно правилам военного искусства, так как пришлось бы в таком случае оставить у себя в тылу несколько неприятельских крепостей. Вести военные действия в Ливонии также неправильно: она слишком разорена, вследствие чего войска будут страдать от недостатка продовольствия; к тому же в Ливонии слишком много замков, и осада их замедлит ход военных действий. Поэтому следует прежде всего взять Полоцк, ибо эта крепость угрожает Литве и даже самой столице ее Вильне. Этот город господствует над течением Двины и является важным торговым пунктом; с его взятием плавание по Двине делается вполне свободным, что имеет существенное значение для торговых сношений Риги, которые страдают из-за постоянных нападений московитов. Неприятель держит в Полоцке вспомогательные войска и продовольствие для ливонских крепостей, и, значит, взятие города сильно ударит по русским в Ливонии. На эти соображения некоторые замечали, что Полоцк — хорошо укрепленная крепость, и взять ее будет трудно, а неудача в начале войны пагубно отзовется на всем ее ходе. Король возражал на это, что именно в начале войны, пока силы армии еще свежи и бодр ее дух, следует решать самые сложные задачи; неприятель, потеряв самую сильную крепость, потеряет веру в свои силы, между тем как у солдат-победителей еще более укрепитя победный дух. Так решен был поход на Полоцк.

Выступая в поход, Баторий постарался обезопасить фланги своей армии. Он мог ожидать нападения Ивана с востока, со стороны Смоленска, и с запада, со стороны Жмуди. Правый фланг Баторий приказал защищать оршанскому старосте Филону Кмите, а левый — жмудскому каштеляну Ивану Тальвошу. Движение Ивана на Курляндию, которое предви-

дел Баторий, не замедлило последовать. Находясь в Пскове, царь выслал в Курляндию 1 августа воевод князя Хилкова и Безнина с отрядом, основу которого составляли 20 000 ногайских и казанских татар. Перейдя Двину у Кокенгаузена, отряд вторгся в Курляндию и смерчем прошелся по ней, ничего не оставляя в целости. К счастью для местного населения, экспедиция эта закончилась так же внезапно, как и началась, потому что Иван, узнав об осаде Полоцка, отозвал это войско назад.

Приняв решение идти на Полоцк, Баторий без промедления пошел из Свири через Поставы и Глубокое к Десне, выслав вперед отряд под командованием Николая Радзивилла и Каспара Бекеша, чтобы он, став под стенами Полоцка, мешал неприятелю усилить гарнизон крепости. По пути к королю присоединились отряды трокского воеводы Стефана Збаражского, полоцкого воеводы Николая Дорогостайского и нескольких частных лиц. В городке Дисна 17 июля Баторий произвел смотр войскам. Некоторые отряды были вооружены по-казацки: они имели луки, сабли, шлемы, панцири и копыя. У отрядов, экипированных на татарский манер, на шеях лошадей в качестве защитного доспеха были привязаны куски тафты, похожие на бороды; многие лошади были покрыты волчьими шкурами. Что же до вельмож, то и они сами, и их оружие, и их лошади украшены были драгоценными камнями, жемчугом, золотом; все это блестело на солнце. Войско представляло внушительное зрелище.

В Дисне к армии присоединились запоздавшие отряды виленского каштеляна Ивана Ходкевича, минского каштеляна Ивана Глебовича и других панов; явились также немецкие наемники под командованием Христофора Розражевского и Эрнеста Вейера.

В то время как главная армия двигалась к Полоцку, литовцы завладели замками Козьяном (28 июля) и Красным (31 июля), а венгры и литовцы — Ситном (4 августа)²³. Баторий хотел сначала ударить на крепость Сокол, находившуюся между реками Дриссой и Нишей, на псковской дороге, опасаясь, что отсюда московиты будут мешать подвозу провианта для его армии. Однако, посоветовавшись с гетманом Мелец-

ким, король оставил это намерение, не желая терять дорогого времени, и направился к Полоцку. Здесь уже находился совершивший скорый марш Николай Радзивилл, которого король еще в начале марта 1578 года назначил великим гетманом литовским²⁴.

Несмотря на всю поспешность, Радзивилл не успел воспрепятствовать прибытию в Полоцк русских подкреплений — один отряд московитов за два дня до появления королевского авангарда все-таки проник в крепость. Но это было все, что удалось сделать русским в качестве помощи полоцкому гарнизону. Радзивилл занял позиции вблизи крепости и наглухо преградил всякий доступ в нее. В Полоцк он отправил королевскую грамоту, в которой Баторий, изложив обстоятельно причины, побудившие его начать войну с московским царем, обещал всем, кто подчинится ему добровольно и откроет ворота городов и замков, сохранить их обычаи, веру и права, а также награды за верную службу. Тем же, кто не желает изъявить покорности, Баторий приказывал удалиться из замков, земель и городов, ибо в противном случае они, сопротивляясь королевским войскам, подадут повод к кровопролитию и навлекут на себя строгость меча и, в лучшем случае, плен. «Ослушники, — так оканчивал свою грамоту Баторий, — не могут винить его и рыцарство его войск за то, что произойдет, ибо они упорствовать будут против самой справедливости».

Грамота эта не произвела желанного действия. Полоцкие воеводы в ответ на появление воинства Речи Посполитой вывели ратников из-за укреплений и — для демонстрации своей решимости — выстроили в боевой порядок у самых ворот крепости, а затем, сочтя дело сделанным, повели назад в город. В этот момент на русский арьергард бросилась литовская конница, гнала его до самой крепости и успела убить несколько человек.

Наконец 11 августа к Полоцку прибыл и сам Баторий. Королевскому войску пришлось совершить весьма утомительный переход. Солдаты прорубали себе просеки в густых лесах, которые успели вырасти на здешних заброшенных полях с тех пор, как Иван взял Полоцк в 1563 году; другим отрядам пришлось идти по топким дорогам, которые от пролив-

ных дождей сделались малопроездными. Все это замедляло движение армии²⁵.

Подступив к Полоцку, Баторий осадил его, расположив войска в трех местах. Численность его армии достигала 16 000 человек. Уже в лагерь под Полоцком прибыло несколько отрядов добровольцев; среди них особенно выделялись отряд князя Острожского и отряд немецкой пехоты, присланный бранденбургским маркграфом*. Полоцкий гарнизон состоял из 6000 человек. Командовали им воеводы князь Василий Иванович Телятевский, Петр Иванович Волынский, князь Дмитрий Михайлович Щербатый и Иван Григорьевич Зюзин²⁶.

Город и крепость Полоцк имели тогда следующий вид. Река Полота, текущая с севера на юг, поворачивает недалеко от устья в обратном направлении, потом на юго-запад и тогда уж впадает в Двину. Пространство между Двиной и первым изгибом Полоты представляет собой плоскогорье, которое, подходя к Полоте, ниспадает довольно круто к реке. На этом возвышении находились два замка: один, стоявший у самого слияния Полоты с Двиной, назывался Высоким, другой, к востоку от первого, — Стрелецким Острогом. За Полотой, на правом ее берегу, лежал посад Заполотье, обнесенный деревянной стеной и соединенный мостом с Высоким замком. Таким образом, Высокий замок как главная крепость имел с востока Стрелецкий Острог, с запада Заполотье и с севера Полоту; с южной стороны Двина делала доступ к нему совершенно невозможным. Иван Грозный, взяв Полоцк в 1563 году, укрепил Высокий замок новыми башнями в несколько этажей для боковой стрельбы, а всю крепость обвел стеной и глубоким рвом.

Войска Батория расположились следующим образом: на правом фланге у Двины — венгры; рядом с ними, слева, тоже на правом берегу Полоты, — литовцы; за Полотой, на левом берегу, — поляки; на левом фланге, как и венгры, у самой Двины, — немцы.

* По современным данным, численность армии Батория, включая разного рода наемников, составляла более 40 000 человек, то есть превышала численность русского гарнизона почти в семь раз.

Прибыв к Полоцку, Баторий сразу отправился осматривать город и крепость; с ним поехали Замойский и предводитель венгров Бекеш. Осмотрев местность, король решил ударить по Высокому замку. Во-первых, с его стороны легче было подобраться к крепости; во-вторых, с падением главного укрепления, предположил Баторий, город и Стрелецкий Острог, лишённые провианта и огнестрельных снарядов, которые хранятся в Высоком замке, рано или поздно сдадутся сами. Бекеш, однако, держался того мнения, что атаку следует начинать со стороны Заполотья; соображения его сводились к тому, что если взять город, то русские вынуждены будут запереться в крепости, а это уже само по себе поставит их в затруднительное положение, так как множество людей будет стеснено в одном месте; к тому же, говорил Бекеш, штурмовать замки можно и со стороны города, поскольку через Полоту везде есть броды. В то же время Замойский соглашался с королем и даже уговаривал его не отступать от своего плана; позже, один подъехав к тому месту, на котором стоял город до 1563 года (место это называлось Пожарищем), он еще раз уверился, что начинать следует с Высокого замка — хотя бы из-за отсутствия подле него рвов и высоких холмов.

Однако король не последовал совету Замойского и неожиданно отступил от первоначального мнения. Идея его состояла в том, чтобы не разбивать представителей разных наций, собранных в войске, по отрядам и предоставить им, по возможности, самостоятельность. Немцам было поручено делать подкопы у Стрелецкого Острога, а Бекешу с его венграми — действовать против Заполотья. Венгры довольно быстро достигли успеха: после их обстрелов в городе начались пожары. Огонь пожирал дом за домом, и русские, поняв, что сделать ничего не могут, сами подожгли то, что не загорелось от рук венгров, и, прихватив припасы и все ценное, заперлись в Высоком замке²⁷.

После этого король отправил в крепость гонца с предложением добровольной сдачи. Русские задержали гонца и всю ночь занимались строительством, успев к утру надстроить деревянную башню, которая находилась против королевского лагеря. На следующий день они выпустили гонца, приказав

передать королю, что ключи от крепости находятся в руках их государя, то есть Ивана, а потому пусть король попробует сам отворить крепость, если только он в состоянии сделать это.

Таким образом, Баторию не оставалось ничего иного, как идти на приступ. Но для начала необходимо было проделать пролом в стене. Прежде всего попробовали пробить стену обычными пушечными выстрелами, однако безуспешно. Тогда начали пускать в крепость раскаленные ядра, опыт применения которых у Батория имелся в Венгрии. Но и это средство ничего не дало. Тогда была сделана попытка поджечь стены при помощи смолы. Солдатам была обещана за это большая награда, и в надежде разбогатеть нашлось немало охотников. Они вскарабкались по крутому холму к крепостной стене, приблизились к стенам, но тут на них обрушились сверху громадные бревна. Смелчаки, уже заготовившие горящие лучины, были сметены с холма и почти все погибли.

Попытку повторили, но с тем же результатом. Лишь в нескольких местах стену все-таки удалось зажечь, но осажденные успевали залить огонь водой. К изумлению нападавших, среди защитников замка, как отмечают очевидцы, было много стариков, женщин и даже детей. Неустрашимость осажденных доходила до того, что некоторые из них, несмотря на пальбу неприятельских орудий, «решались спускаться на канатах за стены и лили воду, подаваемую им другими, свешиваясь с более высокого места, для того чтоб потушить огонь, приближавшийся извне». При этом многие гибли, но на их место с таким же самоотвержением заступали другие. По словам самого Батория, московиты доказали в эти дни, что упорством и стойкостью превосходят все прочие народы.

Осада затянулась, и казалось, время играет на стороне русских. Лето 1579 года выдалось в высшей степени сырое во всем Прибалтийском крае. По словам Рюссова, в течение пяти недель не было в Ревеле и трех дней без дождя. Под Полоцком от непрерывных дождей дороги так испортились, что вьючные лошади, не будучи в состоянии выкарабкаться из грязи, падали и гибли на месте от истощения сил;

почва так пропиталась водой, «что даже под кожами в палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать». Дурное состояние дорог затрудняло подвоз провианта. К тому же продовольствие надо было доставлять из отдаленных местностей, так как окрестности Полоцка обезлюдели. Русские отряды, совершавшие вылазки из окрестных замков Суши, Туровли и Сокола, раз за разом нападали на шедшие к Полоцку обозы. Вследствие всех этих обстоятельств купцы очень редко показывались в полоцком лагере. Цены на съестные припасы и сено достигли неслыханных размеров. Армия Батория начала страдать от сильного голода. Дошло до того, что солдаты почитали за счастье, если удавалось раздобыть мясо павшей лошади. Сырая погода и дурная пища вызвали в войске болезни, которые особенно затронули немецкие отряды; многие солдаты страдали от кровавого поноса.

Все это влияло на качество дисциплины, которая сделалась совсем уже не такой твердой, как было в начале осады. Этим как могли пользовались русские. Однажды немецкие солдаты, предавшись пьянству до бесчувствия, беззаботно заснули врассыпную на траве. Вышедшие из крепости русские, не произведя никакого шума, почти всех их перерезали, а некоторых, беспробудно пьяных, захватили и унесли в замок. Велико было изумление и ужас плененных, когда они очнулись и поняли, где находятся. Немцы стали умолять своих врагов о пощаде, но те были безжалостны и подвергли их страшным мучениям. Продырявив им плечи и продев через отверстия веревки, осажденные подвесили их на высокой стене совершенно обнаженными и оставили умирать медленной смертью²⁸.

Приступы между тем продолжались, но безуспешно. Русские самоотверженно отбивались. Во время одной из атак на крепостные стены погиб, пораженный ядром, Михаил Вадаш, один из венгерских предводителей, прославивший свое имя в турецких войнах.

Неудачи побудили Батория созвать военный совет, чтобы решить вопрос, что делать дальше. Большинство было того мнения, что надо произвести нападение на крепость

со всех сторон одновременно всеми войсками. Но король не согласился с этим мнением, опасаясь, что, если и в таком случае последует неудача, придется снять осаду и отступить от крепости; это равносильно было бы крушению всего предприятия. Так толком ничего и не решив, совет был распушен.

Следовательно, не оставалось более ничего, как продолжать попытки проломить стену. Как последнее средство Баторий издал воззвание к солдатам, обещая еще большие награды тем, кто сумеет поджечь стены. Были в воззвании и такие слова: «Лучше погибнуть доблестной смертью под неприятельским огнем, чем опозорить себя постыдно отступлением». И опять нашлось немало охотников рискнуть. Но на этот раз судьба им благоприятствовала. Дождь прекратился, небо прояснилось, и засияло солнце. 29 августа новая попытка поджечь стену увенчалась успехом. Первым подбежал к крепостной башне медник из города Львова, принесший с собой, как рассказывали, котелок, наполненный раскаленными угольями, и смолистую лучину; поджегши башню, пустился бежать назад. Вдогонку ему осажденные послали множество стрел, и одна из них попала ему в спину; однако медник бросился в реку Полоту и благополучно возвратился к своим. За этот подвиг король возвел его в дворянское достоинство, дал ему фамилию Полотинского и пожаловал имение²⁹.

Затем крепость была подожжена и в других местах, пламя быстро охватило громадное пространство, и нельзя уже было его потушить. Деревянные стены горели не один час. За это время король успел послать осажденным грамоту, предлагая до полудня добровольно сдаться и обещая отпустить на волю всех с женами, детьми и тем имуществом, какое каждый будет в состоянии нести на себе; тем же, кто пожелает служить ему, Баторий обещал такие же права и милости, какими пользовались граждане Великого княжества Литовского.

Зарево поджара так ярко освещало небо, что его можно было видеть на очень далеком расстоянии. Ввиду этого король даже начал опасаться, что русский гарнизон крепости

Сокол, заметив пожар, явится осажденным на помощь. Чтобы предупредить нападение с этой стороны, он вывел почти все войско из лагеря и построил его в боевой порядок на правом берегу Полоты. Но опасения короля оказались напрасны.

Тем временем из крепости, поверив обращению Батория, вышли десять человек с просьбой о пощаде, но венгерские солдаты тут же, на глазах у всех, перебили несчастных перебежчиков. Остальные осажденные тоже показывали, будто желают сдаться, но, как оказалось вскоре, делали это притворно. Пользуясь тем, что пламя и дым долгое время закрывали их от неприятеля, они в том месте, где стена прогорела вконец, насыпали вал, вырыли, насколько успели, ров и поставили орудия.

Сильный пожар продолжался до самого вечера; поэтому король, не желая вести солдат через огонь, отложил приступ до следующего дня. Но венгерские солдаты, побуждаемые жадной добычи, попытались все-таки прорваться в крепость — пройдя, в прямом смысле, сквозь огонь; за ними, не желая упустить свою долю, побежали поляки. Но там же, в огне, их встретил враг; русские сражались мужественно и не только отразили незапланированную атаку, но и пустились преследовать нападавших. На помощь своим бросился отряд польских пехотинцев; завязалась горячая схватка. В конце концов русские, потерпевшие большой урон, были загнаны обратно в крепость. В этом бою погибло, по польскому официальному известию, 27 солдат из войска Батория и 200 защитников крепости*.

Король, узнав о происходящем, приказал перекрыть дорогу, ведущую из Сокола, — он все еще опасался, что к русским придет подмога. Сам же он выехал на позиции перед крепостью. Русские открыли в это время сильную пальбу, и один из всадников был убит ядром рядом с королем; причем за несколько мгновений до этого на месте убитого находился Замойский.

* Заметим, что польские источники, на которые в основном опирается автор, как правило, преуменьшают польские потери и преувеличивают русские.

Неудачный штурм привел к раздору между поляками и венграми: поляки называли атаку, затеянную венграми, безрассудством, а венгры, в свою очередь, обвиняли поляков в том, что они недостаточно им помогали. Из-за этого Батерий отложил решающий приступ и вместо того, чтобы биться с русскими, вынужден был заниматься установлением мира в своей армии; таким образом, следующий день до полудня прошел в бездействии. В эти часы король снова послал в крепость грамоту с требованием сдачи; было обещано, что опасная грамота будет действительна до трех часов дня. Но осажденные не думали сдаваться. В их планы, похоже, входило восстановление обгоревшей, но устоявшей башни. Однако король не позволил им исполнить это намерение. По его приказанию венгры, предводительствуемые Петром Рачем, совершили вылазку и подожгли башню во второй раз.

Новый пожар продолжался всю ночь, постепенно он перекинулся на другие строения в крепости; тем не менее русские всю ночь стреляли из пушек, не нанося, впрочем, войску Батерия серьезного ущерба. Однако наутро стало ясно: пожар произвел в крепости такие опустошения, что защита ее невозможна. Тогда стрельцы и дети боярские* вступили с королем в переговоры о сдаче крепости и сдали ее, как этому ни сопротивлялись великолукский архиепископ Киприан и воеводы, которые хотели даже взорвать крепость на воздух, предпочитая геройскую смерть постыдной сдаче³⁰. Не сумев склонить гарнизон к этому подвигу, они заперлись в церкви св. Софии, где их и захватили и привели к королю. Оказавшись перед Батерием, воевода Петр Волинский стал жаловаться на своего товарища Василия Микулинского, говоря, что он оклеветал его перед царем, и поэтому царь приказал заключить его, Волинского, в оковы. Но король не пожелал за недостатком времени разбирать вздорные жалобы и поручил надзирать за воеводами и архиепископом литовскому подскарбию Лаврентию Войне.

* Дети боярские — служилое сословие, существовавшее наравне с дворянами на Руси в конце XIV — начале XVIII века. Обычно дети боярские составляли конницу.

Затем он послал несколько венгров и несколько поляков принимать у русских замок. К ним вздумали было присоединиться и другие поляки — вероятно, мечтающие поживиться имуществом московитов; это сильно рассердило короля: он бросился на одного из них, Доброславского, с саблей, чем обидел гетмана Мелецкого, так как Доброславский был его слугой.

Приняв замок, король приказал московитам выходить из него, предоставляя каждому на выбор — возвратиться на родину или остаться у него на службе. Большая часть, побуждаемая любовью к родине и преданностью царю, предпочла возвращение в отечество и службу своему государю, хотя, как пишет Гейденштейн, «каждый из них мог думать, что идет на верную смерть и страшные мучения». Однако царь пощадил их, «или потому, — замечает польский историк, — что, по мнению его, они были вынуждены сдать последней крайностью, или потому, что он сам вследствие неудач упал духом и ослабел в своей жестокости». По приказанию царя русских, вышедших из Полоцка, разместили в Великих Луках, Заволочье, Невеле, Усвяте, чтобы они смыли, защищая эти крепости, позор сдачи Полоцка доблестными подвигами.

Король приказал охранять вышедших из крепости от обид и сам наблюдал за этим. Когда один солдат стал грабить их, Баторий бросился на него и ударил булавой. Чтобы защитить московитов от грабителей в пути, им, по приказанию короля, была придана стража из литовских панов и казаков под начальством ротмистра Садовского. «Но когда они пришли на ночлег, — пишет польский историк Бельский, — то всякий сброд, который потянулся за ним от войска, начал их терзать и грабить, чему помогали и посланные охранять их казаки». Увидев это, встревоженные московиты стали разбегаться, кто куда попало, так что Садовский не мог собрать их снова.

Взяв крепость, король хотел совершить благодарственное молебствие в тот же день в самом Полоцке, но множество трупов и сильное от них зловоние не позволили ему войти в город, а потому он приказал отслужить молебен на следующий день в лагере.

В крепости победители нашли 38 орудий, 300 гаковниц*, около 600 длинных ручниц**, 2500 центнеров пороха, много пуль и ядер и значительную добычу, хотя москвитяне, уходя, многие ценности унесли. Венгры в течение нескольких дней выносили разного рода вещи из замка, многое продали явно в лагере и многое — то, что получше, — спрятали³¹. Кроме того, победителям досталась драгоценная библиотека, состоявшая из летописей и сочинений отцов церкви на славянском языке.

При разделе добычи между венгерскими и польскими солдатами произошли споры; дошло до того, что, выстроившись в боевой порядок, они едва не бросились друг на друга с мечами. Еще до этого польские солдаты, собираясь в кружки, шумели по всему лагерю, говоря, что их храбрость венгры не уважают, что венгры одни только захватывают плоды побед и всю добычу, как будто война предпринята для их славы и выгод. Король вынужден был ради предотвращения столкновений между солдатами раздать тем и другим (но прежде всего полякам) подарки из своей казны. Возникла ссора и между начальствующими лицами. Гетман Мелецкий, недовольный умалением своей власти, демонстрировал вражду к виленскому воеводе Радзивиллу, Замойскому и Бекешу, королевским любимцам, которым Баторий предоставлял ничем не ограниченные полномочия.

Чтоб окончательно закрепить за собой Полоцк, Баторий должен был взять окрестные крепости Сокол, Туровлю и Сушу, которые еще находились в руках московитов. Туровля расположена была в четырех милях от Полоцка вверх по Двине, у впадения одноименной речки, так что крепость заключена была между двумя реками; еще с одной стороны к ней примыкало озеро. Находясь на пути к крепостям, принадлежащим Речи Посполитой, Туровля легко могла преградить и действительно мешала подвозу съестных припасов

* Гаковницы — ружья, имевшие под стволами крюки («гаки»), которые зацеплялись за крепостную стену с целью уменьшения отдачи при выстреле.

** Ручница — ручное гладкоствольное ружье (вторая половина XIV века).

в Полоцк, от чего в лагере Батория под Полоцком все более и более усиливался недостаток в съестных припасах. Поэтому еще во время осады Полоцка Николай Радзивилл послал отряд под командой Франциска Жука взять Туровлю, но эта экспедиция потерпела неудачу. Русский гарнизон оборонялся мужественно, к тому же Жук самонадеянно отправился воевать почти без артиллерии; русские без труда отразили все его атаки. Взяв Полоцк, Баторий приказал идти к Туровле венграм. Однако Радзивилл, желавший захватить крепость сам, атаковал ее до подхода венгров, отправив на приступ пеших легковооруженных казаков под началом ульского старосты Константина Лукомского при поддержке небольшого числа всадников.

К этому моменту ситуация сильно изменилась. После сдачи Полоцка гарнизон Туровли пал духом. Вообразив, что вслед за казаками идет все войско Батория, московиты покинули крепость через противоположные ворота и обратились в бегство. В крепости остались только воеводы, которые посчитали бегство позором для себя. Они-то и достались Баторию вместе со всеми припасами и военным снаряжением, находившимися в крепости. Произошло это 4 сентября; спустя несколько дней после этого крепость сгорела дотла из-за неосторожного обращения солдат с огнем; праздная взятие крепости, они устроили фейерверк, от которого и произошел пожар.

В то время, когда все это происходило, король отправил к Соколу гетмана Мелецкого со значительными силами: польскую конницу и пехоту поддерживал трехтысячный немецкий отряд. Сокол лежал в пяти милях к северу от Полоцка по дороге на Псков. Крепость расположена была между реками Дриссой и Нишей; ее окружала деревянная стена с одиннадцатью башнями, а с той стороны, где реки расходились друг от друга, был прорыт глубокий ров. Обычная численность русского гарнизона достигала, как утверждает Д. Германн, 5000 человек. К ним присоединились отряды, посланные Иваном Грозным для защиты Полоцка³². Прибыл в крепость также воевода Юрий Булгаков с двумя тысячами стрельцов.

Баторий хотел взять Сокол малой кровью еще прежде Полоцка — раньше, чем к крепости подойдет помощь, но сделать это не удалось; все свелось к стычкам, во время которых были убиты и взяты в плен несколько человек с обеих сторон. Тогда король отложил осаду Сокола до тех пор, пока не падет Полоцк, чтобы взяться за него большими силами.

Отправленному под Сокол войску Мелецкого пришлось испытать немалые лишения и преодолеть много препятствий из-за размытых дождем дорог; кроме того, оно ощущало недостаток провианта. Особенно тяжело пришлось при переправе через Дриссу, вода в которой сильно поднялась от непрерывных дождей. Брацлавский воевода Януш Збаражский переправился со своими всадниками через реку вплавь, остальное войско перешло по мосту, который построили из толстых бревен, связав их для прочности железными цепями.

Гарнизон Сокола ничего не сделал для того, чтобы помешать переправе. На противоположном берегу реки только разъезжали всадники, переговариваясь между собой и выкликаая, что в Соколе находятся казанские, астраханские и иные войска, чем надеялись внушить страх неприятелю. Переправившись через реку, Мелецкий немедленно двинулся к крепости. При этом большую часть конницы он поставил в лесу, на пространстве между реками, а пехоте — полякам вдоль Ниши, а немцам вдоль Дриссы — приказал рыть рвы; которые, когда приказание было исполнено, подошли к самой крепости. Янушу Збаражскому приказано было стать за меньшей из двух рек Нишей — в том месте, где русские могли прорваться из крепости.

Когда к вечеру были поставлены орудия, начальник артиллерии Доброславский отправил в крепость три раскаленных ядра; два не принесли русским никакого вреда, но зато треть, засев в стене, подожгло ее, от чего вспыхнул громадный пожар, который охватил большую часть крепости. Это произвело страшную панику в гарнизоне. Большая часть его бросилась в суматохе бежать через южные ворота, обращенные к Нише. Но навстречу им двинулись из своих укреплений поляки, на помощь которым вскоре подоспел от-

ряд немецких стрелков. Русские были отброшены обратно в крепость; отчаяние их было столь велико, что они стали кричать и подавать различные сигналы, что желают сдать-ся. Но немцы, ворвавшиеся на плечах русских в крепость, не обращали на это никакого внимания; раздраженные жестокостями, которым русские подвергли их соотечественников в Полоцке, они рубили защитников крепости с величайшим озлоблением, что, в свою очередь, возбудило ярость и в русских. Они опустили решетку, которая находилась над крепостными воротами, и таким образом одним врагам отрезали отступление, а другим преградили доступ, но вместе с тем заперли и себя среди горящих домов. Внутри крепости, среди всепожирающего пламени, началась ужасающая сеча на истребление: ни те, ни другие отказывали внимать мольбам о пощаде.

Но когда немцы после долгих усилий смогли поднять решетку, положение русских стало совсем плохим. Те из них, кто уцелел в резне, почти все раненные и обгорелые, бросились бежать из крепости через противоположные ворота. Немцы же предалися грабежу, спеша унести из пламени то, что только возможно было спасти. Несмотря на пожар, победителям удалось захватить немалую добычу, в том числе серебро и много дорогой одежды.

Русские, выйдя из крепости, наткнулись на посты немцев и были все перебиты. Погибли воеводы Борис Шеин, Андрей Палецкий, Михаил Лыков и Василий Кривоборский. Больше повезло тем русским, что сдались полякам; они остались живы³³. Убитых русских всего насчитали около 4000³⁴, а пленных оказалось такое множество, что было их по нескольку не только у начальников и офицеров, но даже и у простых солдат. Погибло много солдат и из войска Батория: одних немцев было убито в крепости 500 человек. Многие ветераны, и между ними старый полковник Вейер, утверждали, что хотя они видели на своем веку немало битв, но в такой ужасной резне участвовать не приходилось.

В руках московитов еще оставалась Суша. Но король решил не тратить силы на взятие этой крепости, тем более что осада ее представлялась весьма затруднительной — Сушу окружали озера и обширные болота, которые в условиях

осеннего ненастья становились непроходимы. Баторий полагал, что она, отрезанная от подкреплений и подвоза съестных припасов, сдастся сама. Поэтому он ограничился тем, что приказал поставить на дорогах вокруг крепости заслоны, чтобы не допустить в Сушу подкреплений. Расчеты Батория оправдались. С потерей Полоцка Иван понял, что Сушу ему не удержать, а потому приказал сушскому воеводе Петру Федоровичу Колычеву вывести из крепости гарнизон, а саму крепость сжечь; велено было также закопать в землю образа, церковные книги и церковную утварь, уничтожить порох и амуницию, а пушки утопить. Об этом царь посылал грамоты 6 и 17 сентября. Одного гонца с царскими грамотами поляки перехватили и доставили Мелецкому. Гетман, желая завладеть артиллерией, тотчас послал в Сушу предложение сдаться на следующих условиях: воины могут унести с собой свое имущество; русским были даны гарантии безопасного прохода через территории, занятые войском Батория. Эти условия были приняты гарнизоном, и крепость 6 октября сдалась полоцкому воеводе³⁵.

Пока Баторий брал русские крепости, в пределы Московского государства было осуществлено несколько рейдов. Оршанский староста Филон Кмита сжег в Смоленской области 2000 селений и предместья самого Смоленска; производя повсюду на своем пути страшные опустошения, он возвратился в Оршу с огромной добычей. Таким же образом князь Константин Острожский с сыном Янушем и брацлавским каштеляном Михаилом Вишневецким сжег город Чернигов и его окрестности, но из-за яростного сопротивления русских взять черниговскую крепость не сумел. Эту неудачу Острожский, отступив от Чернигова, компенсировал, разослав во все стороны легкие конные отряды, которые разорили Северскую область до Стародуба, Радогоста и Почепа.

Таковы были итоги похода 1579 года; главным в них было, конечно, завоевание Полоцкой области. Завладев ею, Баторий тотчас занялся ее переустройством на свой лад. Он постарался восстановить укрепления Полоцка, для чего изыскал 7000 злотых, на которые нанято было для постройки стен 63 плотника в Витебске и 14 в Двинске. В Полоцкой кре-

пости он оставил гарнизон в 900 человек (400 всадников и 500 пехотинцев) под началом воеводы Николая Дорого-стайского, которому дал в помощники Войцеха Стабровского и Франциска Жука. На границе с Московским государством поставлены были военные отряды: гетман Мелецкий по приказанию короля разделил польское войско на три части и, назначив начальниками над ними Христофора Нищицкого, Мартина Казановского и Сигизмунда Розена, указал им места для зимних стоянок.

Сильная паника, владевшая неприятелем, давала Баторию надежду на дальнейшие успехи, и он горел желанием продолжать войну. Однако ситуация вынудила его на время отложить свои планы: дороги раскисли окончательно, армия была утомлена, пало громадное количество лошадей, а главное — катастрофически не хватало денег.

Отдав необходимые приказания, Баторий покинул Полоцк 17 сентября³⁶ и отправился по Двине в Дисну, куда приказал перевезти под надежную охрану все пушки (здесь они были оставлены до следующего похода). Накануне отъезда из Полоцка, 16 сентября, он послал Ивану письмо, в котором извещал его о взятии Полоцка и обрушивал на царя упреки в том, что по его вине проливается христианская кровь. Заодно он напоминал Ивану о том, что тот — вопреки международным обычаям — задерживает до сих пор королевского посланца Вацлава Лопацинского, и требовал немедленно его отпустить, равно как и гонца Богдана Проселка, с которым король посылал письмо.

Из Дисны Баторий отправился в Друю, а оттуда через Браславль в Вильну, где ему устроена была торжественная встреча. Папский нунций Андрей Калигари, вельможи, шляхта и мещане приветствовали короля как победителя, прославляя его доблести и подвиги. Навстречу вышли и русские пленные, которые поднесли королю хлеб-соль.

В то время как Баторий одерживал победу за победой, Иван вел себя очень странно. Он оставался в полном почти бездействии, никуда не двигаясь из Пскова. Получив известие об осаде Полоцка, царь ограничился только тем, что послал на помощь крепости небольшой отряд под командой

Шейна, Лыкова, Палецкого и Кривоборского, но воеводы не могли уже помочь осажденному гарнизону и, как нам известно, отправились в Сокол, где и оставались до взятия этой крепости войсками Батория.

Как объяснять поведение Ивана? Польский историк К. Горски обращает внимание на то, что Ивану пришлось действовать одновременно против двух врагов: во время похода Батория на Полоцк «шведы свирепствовали в окрестностях Нарвы и Нейшлоса, в Карелии и Ижорской земле... шведский полководец Бутлер сжег Киремпе», а потому Иван никак не мог решить, куда ему следует двинуться. Но такое объяснение вряд ли может нас удовлетворить. Успехи шведов, как показывают новейшие исследования, были незначительны.

Современники объясняли бездействие Ивана различным образом. Одни говорили, что царь, полагаясь на крепость стен и храбрость гарнизона, был уверен, что поляки не смогут взять Полоцк; другие утверждали, что царь не выступал в поход, так как боялся возмущения своих подданных, которые ненавидели его за жестокость. Знаменитый историк Соловьев объясняет нерешительность Ивана боязнью воевать с врагом, более искусным в военном деле, чем русские. «И вот в это-то время, когда московское правительство так хорошо сознавало у себя недостаток военного искусства и потому так мало надеялось на успех в решительной войне с искусным, деятельным полководцем, на престоле Польши и Литвы явился государь энергический, славолюбивый, полководец искусный, понявший, какими средствами он может победить соперника, располагавшего большими, но только одними материальными средствами. Средства Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения. Вот главные причины успеха Баториева, причины недейтельности московских воевод, робости Иоанна...» По нашему мнению, причины неудач, постигших москов-

ские войска в 1579 году, указаны Соловьевым или прямо неверно, или весьма неточно. Ивану незачем было растягивать свои войска по границам, так как война происходила в определенной местности, в Ливонии или на ее границах, и царь на самом деле не разбрасывал свои силы, а сосредоточил их в двух пунктах, Новгороде и Пскове. Военные планы Батория не могли быть неизвестны московским воеводам, а о возможности движения Батория на Полоцк Иван мог догадываться; мало того, царский гонец Михалков, возвратившись из пределов Речи Посполитой в Смоленск, уведомил 25 июня Ивана, что польский король имеет намерение напасть на Полоцк и Смоленск. Соловьев говорит, что Иван располагал большими, но только материальными средствами, и забывает о необычайном самоотвержении, преданности царю и храбрости, нравственных качествах, какие обнаружили московские воины в битвах с наемными солдатами Батория. Наконец, военный гений короля развернулся только во время похода 1579 года, так что это обстоятельство не могло еще приводить в смущение московских воевод и внушать робость Ивану.

Я думаю, что главным виновником поражений 1579 года был сам Иван. Не обладая дарованиями полководца, он не имел плана ведения войны, а потому не был в состоянии оказать надлежащего сопротивления проницательному сопернику. Излишняя самоуверенность помешала царю подготовиться к борьбе с сильным противником: царь слишком полагался на укрепления Полоцка и храбрость находившего там гарнизона. По своему характеру Иван легко переходил от чрезмерной самоуверенности к подозрительности, а затем и к излишней робости. Взятие Баторием Полоцка до такой степени озадачило его, что он потерял совершенно голову и, имея громадные военные силы, ни на один шаг не двинулся из Пскова.

Узнав о падении Полоцка и Сокола, Иван решил вступить с врагом в переговоры о мире, причем, чтоб пощадить свое самолюбие, он созвал на совещание бояр, и на этом совещании 28 сентября было постановлено отправить от имени бояр князя Ивана Федоровича Мстиславского, наместника владимирского, князя Василия Ивановича Мстиславского, на-

местника астраханского, и Никиту Романовича Юрьевича-Захарьина, наместника новгородского, к виленскому воеводе Николаю Радзивиллу и трокскому каштеляну Евстафию Воловичу письмо такого содержания: когда вражда двух могущественнейших государей достигла такой степени, что оба взялись за оружие и король польский завоевал Полоцк, тогда великий князь московский готов был, в свою очередь, отомстить за это, но они вместе с прочими боярами бросились к ногам своего государя и стали умолять его пощадить кровь христианскую. Тронутый этими мольбами, он приостановил выступление в поход. Теперь им (воеводе и каштеляну) и прочим советникам короля следует, со своей стороны, хлопотать о том, чтобы он склонился к такому же решению, прекратил военные действия и заключил с великим князем московским мир, касающийся как Польши и Литвы, так и равно Ливонии; но пусть они уговорят короля прежде всего, чтобы он удалился в свою столицу и приказал своим войскам, стоящим на границах Литвы и Ливонии, воздерживаться от всяких враждебных действий по отношению к москвитам. Великий князь московский сделает то же самое: он возвратится к себе домой и воспретит своим подданным совершать насилия и обиды над подданными короля. Таким образом, необходимо приложить старание к тому, чтобы государи, обменявшись посольствами, заключили мир и согласие, что является делом полезным и весьма необходимым. Под конец бояре приносили извинение за задержку Лопацинского, через которого король объявил великому князю московскому войну, и давали обещание в том, что лишь только оба государя возвратятся в свои столицы, они постараются, чтобы их государь немедленно отпустил его домой.

Грамоту эту повез гонец Леонтий Стремоухов. Намерения Ивана восстановить мир с Речью Посполитой были совершенно искренни. Он приказал смоленскому воеводе охранять строго спокойствие на литовской границе, о чем Батория известил оршанский староста Филон Кмита.

Из Пскова Иван уехал в Москву, затем отправился в Новгород. Сюда 17 ноября прибыл гонец Батория Богдан Проселка. Царь принял его весьма милостиво, пригласил к своему столу и подарил ему парчовую одежду. Королевский

гонiec привез с собою список московских пленных, находящихся в Литве, и сообщил, что воеводы, отпущенные королем на свободу, не пожелали возвратиться домой.

Отпуская Богдана Проселку, Иван дал ему к Баторию грамоту, в которой писал, что хочет с королем «доброй приязни и братства», но об условиях, на каких мирный договор может состояться, ничего определенного не говорил, а выражал только желание, чтобы король прислал к нему своих великих послов, «которые бы тое дело доброе межи нас попригожу постановить могли». А пока пусть бы король «приказал воеводам своим и кашталянам и старостам и врядникам по всем границам как в Коруне Польской, так и в Великом Княжестве Литовском и в Лифлянской земле» соблюдать мир, подобно тому, как он сам отдал такой приказ «по всем крайным своим границам». Лопацинского Иван обещал отпустить, а Проселку дал опасную грамоту для тех послов, которых, как он ожидал, может прислать к нему Баторий.

Между тем король думал не о мирных переговорах, а о продолжении войны. Если он приостановил военные действия в конце 1579 года, то сделал это только по необходимости. Расходы на первую кампанию были весьма значительны: они превысили 320 тысяч злотых; между тем Баторий получил от Речи Посполитой немногим более 200 тысяч, и ему пришлось покрывать разницу деньгами из своей собственной казны и различного рода займами.

Поэтому он решил созвать сейм, чтобы обсудить, каким образом и на какие средства продолжать войну. Бросать предприятие, начало которого сложилось так удачно, казалось ему делом невозможным. Король торопил созыв сейма, ибо опасался, что Иван, имевший обыкновение начинать военные действия зимой, решит вернуть потерянные крепости, а ему нечем будет платить своим солдатам. Открытие сейма было назначено в Варшаве 22 ноября. Из Браславля король разослал к шляхте универсалы, предлагая ей предварительно 2 октября собраться на сеймики.

Шляхта поспешила ответить на призыв короля и на сеймиках едва ли не единогласно согласилась дать средства на дальнейшее ведение войны. Лишь немногие выступили против продолжения войны, да и то их аргументы сводились к тому, что нет смысла завоевывать всю Московию, поскольку трудно будет управлять таким громадным государством. Несколько больше было тех, которые, не будучи против войны с русскими, выражали недовольство тем, что король, венгр по происхождению, покровительствует своим соотечественникам. Эти настроения подогревали Зборовские, считающие, что Баторий, обязанный им престолом, обошел их должностями.

Несмотря на значительный перевес противоположной партии, противники короля сумели навязать сейму обсуждение того, насколько Баторий исполнил обязательства избирательного договора. Они доказывали, что он — против условий договора — не уплатил государственных долгов, что иностранцы получают важные должности в ущерб полякам, что герцог Курляндский утвердился во владении своим герцогством на невыгодных для государства условиях и прочее, прочее, прочее... Говорилось также, что новые налоги излишни или могут быть меньше. В придачу, дабы очернить короля, распускали слух, что он пренебрегает женой и намеревается с ней развестись и ради этого уже хлопочет в Риме.

Король, впрочем, без труда отверг все взводимые против него обвинения. Он заявил, что уплатил значительные суммы из своей казны на жалованье ратным людям, на усмирении Данцига и на ведение войны с Московией, и теперь у него нет ничего отдельного от государства. Что же до иноземцев, прежде всего солдат, то он нанял их по необходимости, потому что ему нужна пехота, а Речь Посполитая, имея прекрасную конницу, которая даже превосходит этот род войск в других государствах, не располагает достаточным количеством обученных пехотинцев. Назначение Бекеша начальником венгерского отряда было объяснено тем, что венграми должен командовать венгр, который, без сомнения, лучше управится с ними. Относительно герцога Курляндского сейму было сказано, что условия, на которых он признал себя вассалом Речи Посполитой, выгоднее прежде заключавших-

ся условий, и в доказательство представлен договор. А чтобы прекратить разговоры о разводе, оглашено было содержание переговоров, которые велись в Риме по совсем иному поводу.

После этого стало ясно, что сейм, увлеченный завоевательными планами, готов полностью поддержать Батория. По словам Гейденштейна, наибольшее впечатление произвела на сейм речь ближайшего соратника короля Замойского. «Есть немало таких, — говорил он, — которые опасаются трудностей управления при слишком большой обширности владений и думают, что не следует более увеличивать пределов владычества Речи Посполитой, ибо приобретение потребует издержек и большого труда, а пользы от этого республике не будет никакой. Но может показаться удивительным, отчего в своих частных делах никто не рассуждает так, как по отношению к государству. Существует ли хоть один человек, который не предпочел бы десяти имений одному? Тяжелы заботы, налагаемые обширным имением, но они вознаграждаются большими выгодами и удобствами. Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если мы только хотим иметь средства и если желаем сохранить настоящее состояние республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое владение. Все подчиненные области, присоединявшиеся к нашему государству, получили полное гражданство на равных совершенно правах; нет ни одной, которая обращена была бы в зависимую провинцию или поставлена в условия данничества; таким образом, при одинаковой для всех свободе для всех уравниены и податные тягости. Если бы мы захотели облегчить их для себя, то какое могли бы иметь к тому средство, кроме присоединения к государству нового владения, по образцу всех бывших великих империй? Установив в нем подати и пошлины, мы могли бы освободить себя от некоторой значительной доли общих тягостей». Таким образом, Речи Посполитой предлагалась политика порабощения других стран и народов, шедшая вразрез с основами ее государственного строя, покоившегося на федеративных началах. Но шляхта, воодушевленная открывающимися перспективами, в тот момент об этом, конечно, не задумалась и без каких-либо колебаний изъявила свое согласие на продолжение войны и на дальнейшее взимание на-

логов³⁷. Норма обложения была принята та же, что и в прошлом году. Сроком установленных выплат был назначен день св. Войтеха (24 апреля), но затем король, с согласия сената, решил ускорить сбор средств и перенес крайний срок на четвертое воскресенье поста.

Между тем велись переговоры о мире. Московский гонец Леонтий Стремоухов явился к литовским вельможам, передал им царскую грамоту и получил ответ. Король, как христианский государь, — сказано было гонцу, — выше всего ценит мир и согласие между соседями, и если начал войну, то только в силу крайней необходимости, принужденный к тому самим великим князем московским, который завладел уже Ливонией и стремится завладеть Курляндией. Задержав у себя гонца Лопацинского, великий князь довел дело до такой степени, что им, королевским советникам, не следовало бы ни о чем просить короля; однако они, сожалея о пролитии христианской крови, обратились к королю с просьбой о том, чтобы переговоры о заключении мира были начаты. Но королю нет никакого основания посылать к московскому государю послов, так как он не считает себя вправе подвергать кого-либо из своих подданных оскорблению, каким они раньше подвергались в московском государстве. Король согласен, однако, принять у себя московских послов, для которых они, королевские советники, испросили у короля проезжую грамоту, и если послы немедленно прибудут в Польшу, король обещает сохранять спокойствие на границах до тех пор, пока будут происходить переговоры.

Свое желание заключить мир Иван выразил и через королевского гонца Богдана Проселка, который уехал из Новгорода 23 ноября. Мало того, царь решил отпустить гонца Лопацинского, для чего приказал привезти его в Москву, куда сам возвратился 29 декабря. Спустя несколько дней Лопацинский был отпущен, и Иван, не дожидаясь возвращения первого своего гонца, отправил к Баторию вместе с Лопацинским второго — дворянина Елизария Ивановича Благово, через которого снова заявлял о своем желании мириться и увещевал короля прислать великих послов в Москву.

При отпуске Лопацинскому было сделано от имени царя внушение, что, дескать, он привез с собой грамоту, в которой

«Стефан король как бы с розметом и многие укоризненные слова писал», чем совершил деяние, за которое людей везде казнят. Но он, государь христианский, его убогой крови не хочет и «для покою христианского по христианскому обычаю» отпускает его назад, к королю. Вместе с тем Лопацинскому велено было убеждать литовских вельмож, чтобы они склоняли короля к миру.

Этим царь не ограничился. Когда 3 февраля возвратился Лев Стремоухов и донес, что Баторий не желает отправлять послов, а прислал через него, Стремоухова, опасную грамоту для московского посольства, Иван приказал своим боярам написать новую грамоту к литовским вельможам. В этой грамоте московские бояре припоминали «милосердие и прихильность*» своего государя к ним и ко всей их земле, польской короне и Великому княжеству Литовскому. Когда после смерти Сигизмунда-Августа Речь Посполитая прислала своего гонца Федора Зенковича просить о продолжении перемирия, их государь, как государь христианский, шадя кровь христианскую, скорбя о смерти короля Жигимонта-Августа и видя, что «христианская рука ушипок принимает, господари христианские изводятся без потомка и бесерменские господари размножаются», внял этой просьбе и приказал соблюдать по всем границам мир, хотя рать у него вся уже была наготове. Такое же расположение к Речи Посполитой государь их оказал после того, как «Бог поручил» ему и он Полоцк взял. По просьбе литовских панов он далее Полоцка и сам не пошел, и рати своей ходить не велел, хотя рати у него были тогда великие. Теперь же необходимо панам радам литовским и им, боярам московским, приводить государей своих к тому, чтобы между ними утвердилось мирное постановление... Эта грамота была отправлена в Литву с гонцом Грязновым-Шубиным в конце февраля.

Стефан Баторий принял гонца Елизара Благово в Гродно, куда прибыл по окончании варшавского сейма. С ним он послал к Ивану грамоту, в которой заявлял, что так как Иван прежних его послов «с незвыклым и к доброй приязни непригожим постановлением отправил» и Ивановы послы,

* Приверженность.

которые являлись к нему, «ничего к доброму делу не становили», то вследствие этого посылать ему послов к Ивану непригоже. Если же Иван хочет мира, то пусть он своих послов немедленно к нему присылает. Что касается предложения относительно обмена и выкупа пленных, то пусть в Москве рассудят, годится ли это делать во время войны.

Иван и после этого не перестал делать попыток отсрочить войну путем дипломатических пересылок, но характер этих сношений изменяется: он сильно понижает тон своих требований и желаний. Вскоре после того как в Москву возвратился Елизар Благово (15 апреля), царь, посоветовавшись с боярами, отправил к Баторию нового гонца — дворянина Григория Афанасьевича Нашокина (23 апреля). В грамоте, посланной с ним, царь жаловался на то, что перемирие со стороны Речи Посполитой не соблюдается. «Воеводы и державцы твои, — писал Иван, — чаем без твоего ведома, из Чечерска, из Гомля и из Мстиславля приходячи в наши крайние города, в Стародубский уезд и в Почепской и в Рославской, а из Орши и из Витебска приходя в Смоленской уезд и в Вельской и в Торопецкой и в Луцкой, многое разлитие крови христианской починили многжды воинским обычаем, а в Лиолянской земле нине пришедши, твои люди Матвей Дембинский с товарищами заняли место город Шмылтын и приходячи из Шмылтына твои люди на Псковские места и на Говейские и на Юрьевские, многие места повоевали и разлитие крови христианской починили».

Иван опять просил Батория прислать послов, но вместе с тем дал Нашокину тайный наказ. Если король, отказавшись отправить от себя посольство, будет готовиться к походу на Украину, тогда Нашокин должен испросить себе у короля частную аудиенцию и объявить, что царь пришлет своих послов, лишь бы только военные действия не возобновлялись.

Нашокин исполнил свое поручение так, как ему было приказано, сообщив королю в частной аудиенции, что его государь соглашается прислать своих послов под тем условием, что будет заключено перемирие и король не двинется дальше со своими войсками. «Пусть король ожидает послов в Вильне, так как и его предшественники всегда оказывали ту особую честь великим князьям московским, что послы их вы-

слушивались только в столице или Королевства Польского, или Великого княжества Литовского»³⁸.

Баторий смотрел на переговоры лишь как на уловку со стороны Ивана с целью протянуть время сколь возможно дольше и разузнать состояние противника, а потому он приказал ответить царю, что выступит в поход и предоставляет разрешение спора между ними на суд Божий. Но если Иван пожелает прислать к нему послов, то он примет их и во время похода, да это и лучше будет, так как послам придется совершить путешествие покороче. Впрочем, когда Нашокин на второй аудиенции сообщил, что царь готов отправить посольство, Баторий назначил для приезда московским послам срок в пять недель (от 14 июня)³⁹ и дал им опасную грамоту.

Это время нужно было самому королю, чтобы окончить подготовку к войне; он намеревался принять московских послов в лагере, очевидно, с той целью, чтобы придать больше веса своим требованиям. В искренность желания Ивана заключить мир он не верил совершенно. К тому же во время пребывания Нашокина в Литве произошло событие, которое возбудило сильное подозрение в короле, что Иван присылает к нему гонцов не ради переговоров, а с целью выведать положение его сил и вообще положение его государства; мало того, он убедился, что царь имеет замыслы, опасные для него самого. Нашокин вошел в тайные сношения с литовским паном Григорием Осциком, который начал переписку с Москвой еще во время бескоролья 1574 года. Осцик обещал московскому правительству возмутить Литву, чтобы подчинить ее московскому царю, и даже убить при удобном случае короля. Изменник ловко обманывал при этом тех, кому он служил. Он подделал печати многих сенаторов, чтобы показать русским, будто действует в согласии с другими вельможами, и таким образом приобрел большее доверие к себе. Заговор был раскрыт, и Осцика вместе с его сообщником, одним евреем, 18 июня казнили.

В приготовлениях к войне Батория происходила задержка не только потому, что медленно собирались налоги, но также и оттого, что солдаты неохотно отправлялись в поход. «Многие из тех, — говорит Гейденштейн, — которые были в первом походе, потерпев большой урон и лишившись лошадей

и всего вооружения вследствие непогод и дурного состояния дороги, теперь слишком ясно представляли себе все тягости столь отдаленной службы и потому очень неохотно записывались в нее». При наборе войска большие услуги оказал королю Замойский. Он составил отряд, который содержал на свой счет. К этому Гейденштейн прибавляет и другую его прислугу. Посоветовавшись с королем, говорит он, Замойский всенародно объявил, что будет сам набирать и конницу, и пехоту; когда это стало известно, то отовсюду к нему стали являться охотники⁴⁰.

Ради увеличения численности армии король велел набирать крестьян в королевских имениях по одному человеку с каждых двадцати ланов; эта мера была одобрена еще на сейме 1578 года, но тогда не осуществлена из-за противодействия державцев*, которые или не разрешали брать у себя крестьян, или не освобождали их от возложенных на них повинностей, или воспрещали пользоваться льготами, которые были им предоставлены. На этот раз король разослал к старостам и державцам универсалы, в которых угрожал наказанием за сопротивление его указу. В результате набор состоялся и доставил королю около 1500 солдат. Ко всем этим войскам присоединилась, как и в прошлом году, венгерская пехота, которую, по поручению Батория, набрал его брат Христофор, трансильванский воевода.

Одновременно со всем этим заготавливались порох, ядра, оружие и разная амуниция.

Иван тоже готовился к войне. В январе 1580 года он созвал в Москве духовный собор, на котором торжественно заявил, что церковь и православие в опасности, что бесчисленные враги восстали на Россию, что он с сыном своим, с вельможами и воеводами бодрствует день и ночь для спасения государства и что духовенство обязано помочь ему в этом великом подвиге, ибо войско скудеет и нуждается, а монастыри богатеют. Поэтому он, государь, требует жертвы от духовенства. Собор приговорил отдать в государе-

* Державца — временный владелец и эконом государственного имения (державы), одновременно начальник местного государственного управления и суда.

ву казну земли и села княжеские, пожалованные когда-либо духовенству или когда-нибудь духовенством купленные, равно как и имения, заложенные духовенству. Таким образом, Иван старался увеличить государственные доходы, чтобы иметь возможность собрать побольше войска. Служилых людей царь приказал привлекать к исполнению их повинности при помощи принудительных мер: детей боярских, укрывавшихся или бежавших от царской службы, отыскивали разъезжавшие по областям особые чиновники, били кнутом, сажали на некоторое время в тюрьму и затем отправляли на государеву службу.

Так удалось Ивану собрать большую армию, но как и в прошлом году, она представляла собой плохо организованную и плохо руководимую массу; у Ивана опять не было определенного плана ведения военных действий. А тут Баторий сумел еще ввести царя в заблуждение. Король назначил сборным пунктом для своей армии местечко Чашники, находившееся на перекрестке дорог, ведущих в Великие Луки и Смоленск, так что Иван не сразу узнал, куда он собирается ударить.

Убедившись, что продовольствие и амуниция заготовлены, Баторий отправил артиллерию с венгерской пехотой в Поставы, а сам выехал из Вильны в Чашники. Перед выездом он получил благословение от папы Григория XIII, который прислал ему через посла Павла Уханского освященный меч. Этот меч был торжественно вручен ему в виленском кафедральном соборе в присутствии папского нунция Андрея Каллигари.

8 июля Баторий прибыл в Щудут, село в пяти милях от Чашников, и собрал военный совет, чтобы обсудить, в каком направлении нанести главный удар; при этом сам он уже давно наметил целью этого похода Великие Луки. На совете обозначились три мнения: одни советовали идти к Пскову, другие — к Смоленску и третьи — к Великим Лукам. Первое предложение было, по словам Гейденштейна, не отвергнуто, а лишь отложено до более удобного времени, когда будут взяты неприятельские крепости, которые остались бы в тылу наступавшей армии и таким образом представляли бы серьезную опасность.

Стоявшие за поход на Смоленск указывали на многолюдство и богатство этого города; с его завоеванием, говорили они, Речи Посполитой подчинится вся Северская область. Но у них нашлось немало противников, доводы которых звучали не менее убедительно. Во-первых, путь к Смоленску пролегал по областям, которые были сильно опустошены армией самой Речи Посполитой, а солдат надо было кормить. Во-вторых, движение к Смоленску увело бы армию слишком далеко от Ливонии и открыло неприятелю доступ к Литве, даже к самой Вильне. И в-третьих, нельзя было надеяться, что враг ради защиты Смоленска, находящегося на окраине его государства, рискнет дать генеральное сражение, чего более всего хотел Баторий, мечтавший покончить с армией Ивана одним ударом.

Большинство стояло за поход к Великим Лукам, который, по их мнению, мог принести гораздо больше выгод. Правда, придется двигаться по местности, покрытой лесами, но зато и прорезанной реками Двиной и Усвячей, по которым с меньшими трудностями можно будет перевозить артиллерию и провиант. Великие Луки угрожали Ливонии; взятие их ликвидировало бы эту опасность. Они находились как бы в предсердии Московского государства, были одной из сильнейших крепостей русских, и поэтому можно было предполагать, что Иван для их защиты устремит все свои силы, и тогда представится случай помериться с русскими силами в открытом поле, что было для короля предметом самого горячего желания. Привлекало и то, что в окрестностях Великих Лук, отличавшихся плодородием и изобиловавших съестными припасами, легко было прокормить и людей, и лошадей.

Таким образом, мнение большинства участников совета совпало с мнением короля. Спросили и московских воевод из тех, что присягнули на верность королю, и они ответили, что, хотя Смоленск славится как место замечательных событий, значение Великих Лук с точки зрения ведения военных действий важнее⁴¹.

В Чашниках Баторий оставался до тех пор, пока здесь не собрались все части его армии. Тем временем подошел к концу пятидневный срок, который был назначен для приезда московских послов.

Этот срок показался Ивану слишком коротким. Он при- слал на Шудут в Чашники своего гонца Феодора Шиш- марева известить об этом короля. «В пять недель, — писал Иван, — поспети не токмо к тебе, к Стефану королю у Виль- но невозможно, и на рубеж к тому сроку поспети не возмож- но» не только послам, но и гонцу легкому на подводах без своих лошадей. Царь извещал, что послы его придут в Смо- ленск 1 августа, на литовскую границу 6 августа, а к королю 15 августа. Вместе с тем он выражал желание, в исполнимость которого сам, должно быть, не верил, чтобы король принял его послов «у Вильни по прежнему обычаю», то есть хотел, чтобы король возвратился назад из похода. Шишмарев явил- ся к Баторию 19 июля — в день, когда истекал назначенный Баторием пятинедельный срок⁴². Король не принял доводов Ивана и сказал гонцу, что послы, по его мнению, могли бы прибыть вовремя, ибо путь для них после того, как он при- близился к границам Московского государства, сократился. Он заявил, что якобы нарочно в ожидании послов подвигался вперед с войском медленно, но теперь уже откладывать вой- ну больше не может. Однако война не помешает ведению пе- реговоров о мире. Он примет послов Ивана всюду, где бы ни находился со своими войсками, лишь бы только дело велось без хитрости и с целью установить мирное христианское жи- тье между ними, государями, и их государствами без ущерба для его, короля, славы и без вреда для его государства. При этом Баторий обещал безопасность послам Ивана и сохран- ность их имущества, каков бы ни был результат переговоров.

Иван не ограничился посылкой Шишмарева. Вскоре по- сле его отъезда царь, узнав, что Баторий прибыл в Чашники, отправил ему новую грамоту. Иван становился все уступчи- вее, чего и сам не скрывал; во второй грамоте он писал, что, «смирясь перед Богом и перед ним, королем, велел к не- му своим послам идти». Впрочем, уступчивость эта касалась только места и времени приема Баторием московских по- слов, но не затрагивала сути дела. Эту грамоту Баторий по- лучил 28 июля, уже выехав из Чашников; изменить что-ли- бо она не могла.

Перед выездом из Чашников король произвел общий смотр: стоя на холме, он осматривал, в то время как армия

проходила по узкому мосту, едва ли не каждого солдата, и нашел ее в хорошем состоянии; забраковано было только некоторое число лошадей.

По пути в Витебск Баторий осмотрел укрепления в Лепеле и Уле. Во время остановок состоялось несколько советов, на одном из которых решили взять крепости Велиж и Усвят, чтобы не оставлять их в тылу. Взять Велиж было важно еще и потому, что эта крепость контролировала плавание по Двине.

Командовать экспедицией к Велижу король поставил Яна ЗамоЙского, что вызвало недовольство литовцев, которые усмотрели в этом назначении ущемление своих прав. Но это никак не поколебало решения Батория. Мнения, которые ЗамоЙский, теперь уже канцлер, высказывал на военных советах, вселили в Батория уверенность в том, что он обладает выдающимися военными талантами. ЗамоЙский заготовил заблаговременно все необходимое для похода: артиллерию, амуницию, продовольствие, палатки, плотников, других ремесленников. Он приказал все это переправить из своего Кнышинского староства вниз по Неману в Ковку, отсюда вверх по Вилии в Михалишки, далее сухим путем в Поставы и, наконец, по Дисне и Двине в Витебск. В этот город прибыл и набранный им отряд, в котором было 944 пехотинца и 1042 всадника. Конница отряда состояла из гусар и казаков, вооруженных уже не луками, а карабинами, короткими ружьями, пистолетами, саблями и пиками. Пехота была набрана по большей части в Венгрии. Все воины в отряде ЗамоЙского носили одежду, оружие и убранство черного цвета в знак траура по жене и дочери своего полководца, которых он недавно лишился. К отряду ЗамоЙского король добавил под его командование еще около 4000 человек пехоты и конницы, так что численность всего корпуса простиралась до 6000 человек.

Канцлер первым прибыл в Витебск, затем туда явился и король. Здесь ему представили свои отряды паны и рыцарство литовское, князя Слуцкие, тиуны и чины земли Жмудской: отряды эти состояли из наемников и добровольцев, служивших безвозмездно⁴³. Явились одновременно и некоторые польские войска, наемные и охочие, которым при-

шлось идти из более отдаленных частей Речи Посполитой, так что они могли успеть только в Витебск.

Пробыв два дня в Витебске, Замоийский двинулся к Велижу вдоль реки Двины. Команду над авангардом он поручил своему родственнику Луке Дзялыньскому, воину опытному, деятельному, осторожному и легко переносившему лишения походной жизни; в помощники ему он дал такого же храброго и предусмотрительного офицера — Николая Уровецкого. Главным корпусом отряда канцлер командовал сам, избрав себе в заместители Станислава Жолкевского, прославившегося военными подвигами в стычках с татарами. В арьергарде двигался обоз, который был разделен Замоийским на три части, соответственно разделению походной колонны: каждой части обоза приказано было следовать за своим отрядом. Таким образом, гетман устранил те замедления, какие происходят вследствие того, что весь обоз движется вместе по одному и тому же пути; для прикрытия всех трех частей обоза назначены были особенные отряды. Артиллерия отправлена была вперед; прикрывать ее Замоийский приказал венгерской коннице, которая и двинулась по левому берегу Двины под командой Стефана Лазаря.

Так канцлер достиг реки Каспли, через которую он быстро перекинул мост, чтобы перевести войско в Сураж, крайний пункт владений Речи Посполитой. В этом городе он пробыл один день и дождался прибытия артиллерии, которая плыла по Двине. Отсюда Замоийский выслал вперед отряд пехотинцев, чтобы они проложили в лесу дорогу, вырубив деревья и устроив гати через болота. Когда дорога была готова на изрядном протяжении⁴⁴, авангард двинулся в поход и, пройдя это расстояние, остановился в селе Верховье в ожидании самого гетмана, который прибыл на следующий день, 1 августа, около полудня. Осмотрев дорогу, по которой войску предстояло двигаться дальше, и сделав распоряжения относительно ее исправления и постройки мостов, Замоийский издал приказ, запрещающий солдатам под страхом смертной казни при приближении к Велижу стрелять из ружей, бить в барабаны, трубить, кричать, вообще производить какой бы то ни было шум. «На нынешнем и на следующем ночлеге, — говорилось в приказе, — у меня не будут давать сигнала сед-

лать лошадей и садиться на коня ни барабанным боем, ни трубой. Когда выставят над моим шатром одну зажженную свечу — это знак вставать, две — седлать лошадей; если еще не рассветет, будут выставлены три свечи, а если уже рассветет, тогда вывесят на копье красное сукно в знак того, что необходимо садиться на коней. Назначить отроков смотреть за этими сигналами. Возам идти в установленном порядке, каждому держаться своего определенного места, чтоб другим не было тесно; солдатам вообще не разбрасываться». Замойский хотел напасть на Велиж внезапно, но этот замысел не удался, как мы увидим.

Отряд прошел в течение дня четыре мили и расположился в деревне Студяной, на расстоянии не более одной мили от Велижа. Когда рассвело, гетман, созвав офицеров, приказал им собираться в путь, но брать с собою провианта только на одну ночь, говоря, что обоз останется пока в Студяной и прибудет на место только на следующий день. Сделано это было, очевидно, с той целью, чтобы дорога от Велижа до Студяной была свободна на тот случай, если экспедицию постигнет под крепостью неудача и войску придется поспешно возвращаться назад.

После этого гетман издал военные артикулы касательно дисциплины во время похода и борьбы с неприятелем. Распоряжения эти характеризуют гуманность, насколько она, конечно, может обнаруживаться в таком деле, противном гуманности, каким является война. Грабителям и поджигателям храмов грозила смертная казнь: запрещалось убивать детей, престарелых людей и духовных лиц.

Отряд готов был уже двинуться в поход, когда казаки привели к гетману боярина, захваченного в плен в то время, когда он ехал из Велижа в свою деревню⁴⁵. Под пыткой пленный сказал, что в Велиже знают о приходе врага, хотя и не ожидают сегодня нападения. Это подало Замойскому надежду на успех внезапного приступа. С частью войска он приблизился к крепости под прикрытием леса. Так как со стороны Двины она была укреплена слабо, он решил ударить здесь. Кавалерии приказано было гарцевать с противоположной стороны, чтобы отвлечь внимание и силы неприятеля.

Крепость стояла на высоком холме. В плане она имела вид четырехугольника, стороны которого образовывали стены, состоявшие из бревенчатых срубов; между срубами была насыпана земля. На углах и посредине стен возвышались башни. С северо-запада крепость спускалась вниз к самой Двине; с северо-востока от нее был глубокий овраг, по дну которого протекала впадавшая в Двину речка Велижа. Глубокий и обрывистый овраг защищал ее и с юго-запада, а с юго-востока устроен был ров, доступ к которому заграждался частоколом из заостренных кверху бревен⁴⁶. В крепости находилось 200 детей боярских, 400 стрельцов и около 1000 человек простого народа; из вооружения было 14 пушек, из них 4 больших, 80 гаковниц, много пороху, пуль, ядер; имелось большое количество провианта.

Лишь только люди Замойского показались из лесу, как выстрелила крепостная пушка. Это был знак для городских жителей спастись в крепость, что они и сделали, поджегши предварительно город. Таким образом, Замойскому не удалось застигнуть врага врасплох. Пехота бросилась к крепостному мосту, а конница помчалась к крепостным стенам и стала гарцевать перед ними, желая выманить русских из-за укреплений, но это ни к чему не привело. Волей-неволей Замойскому пришлось начинать осаду.

На следующий день, 4 августа, прибыл обоз. В крепость Замойский послал грамоту с предложением добровольно сдать, обещая свободу тем, кто захочет уйти к своему государю, и деньги тем, кто пожелает стать подданным короля. На это осажденные заявили, что должны послать грамоту к царю и дожидаться от него ответа; что он им велит, то они и сделают.

5 августа Замойский ездил осматривать крепость, чтобы выбрать место для постановки артиллерии, которая прибыла вечером этого же дня. Явился также отряд королевской пехоты в 1000 человек, который тотчас же начал строить шанцы. Замойский послал командиру венгров Борнемисе 400 талеров, чтобы тот вручил их тому, кто подождет стену; польским солдатам за то же дело он обещал выхлопотать у короля в виде награды кусок земли.

6 августа чуть свет началась бомбардировка крепости. Это сделало ее защитников сговорчивее: они стали подавать знаки, что желают вступить в переговоры. Канонада прекратилась, но вскоре опять возобновилась, так как договориться не удалось. Тогда осажденные снова попросили прекратить стрельбу на два часа — для того, чтобы они могли решить между собой, как поступать дальше. Замойский дал им это время и в качестве прозрачного намека послал в крепость часы. Но когда два часа прошли, русские ответили, что просят о перемирии до следующего дня. После этого Замойский приказал возобновить бомбардировку. Вечером, уже в темноте, солдатам Уровецкого удалось поджечь крепостной мост, а пехотинцы подобрались под самые стены с горящими лучинами. Этого хватило, чтобы русские решили сдаться. Гетман прекратил пальбу и потребовал, чтобы воевода с именитыми боярами явился к нему в стан. И действительно, около трех часов ночи русские воеводы прибыли в польский лагерь, поцеловали руку Замойскому и просили ходатайствовать за них перед королем, что было Замойским обещано.

На следующий день Замойский принял замок, велел составить опись всего, что в нем было найдено⁴⁷, а пленных отправить на плотках вниз по Двине. Их высадили на некотором расстоянии от крепости на берег и стерегли здесь до тех пор, пока не прибыл в Велиж король. В приветствии, сказанном на латинском языке, Замойский поздравил Батория с победой, желал ему дальнейших успехов, хвалил мужество, деятельность и расторопность своих боевых товарищей и ходатайствовал о милостях для них. Потом Баторий осмотрел крепость и шанцы; он был очень доволен, что укрепления сохранились в целости и что они так же хороши, как и в Полоцке. Когда король въехал в лагерь, старшие чины и солдаты стали перед своими палатками, ударили в барабаны и затрубили в трубы.

Король остановился в палатке Замойского, где ужинал и ночевал. Вечером явился гонец от оршанского старосты Филона Кмиты с извещением, что к королю едут московские послы. Утром Баторий возвратился в Сураж, а Замойский поехал в лагерь, где содержались москвиты, и объявил от имени короля, что те из пленных, которые желают возвратиться

к своему государю, свободны, а те, которые останутся слу-
жить королю, будут пожалованы милостями. Большинство
выразило желание возвратиться под власть своего государя.
Замойский приказал отряду казаков сопровождать их на про-
тяжении шести миль для охраны от солдат. Так как москови-
ты должны были идти пешком, а путь предстоял неблизкий,
то они оставляли детей, которые не в состоянии были совер-
шить столь дальнее путешествие, полякам. Пожелавшие слу-
жить Баторию были отведены в замок.

В Сураже король получил от Ивана грамоту, которой тот
предварял приезд посольства. Царь уже не требовал, чтобы
король возвратился назад для приема послов; он всего лишь
просил приостановить наступление. На это Баторий отве-
тил требованием, чтобы Иван вывел войска из Ливонии; то-
гда можно будет начинать переговоры о мире; при этом ко-
роль намекал, что имеет притязания на Великий Новгород
и Псков, Смоленск, Великие Луки и прочие земли.

Узнав о движении Батория к Великим Лукам, Иван поспе-
шил отправить еще одну грамоту, в которой просил короля
подождать послов в течение трех-четырёх дней. Но и это по-
слание, полученное королем 12 августа, успеха не имело: по-
ход продолжился.

Армия Батория двигалась двумя отдельными отрядами:
одним командовал сам король, другим — Замойский. Между
ними не было никакого сообщения, да они и не были воз-
можны, так как отряды отделялись друг от друга непрохо-
димыми лесами и болотами. Это разделение сил врага было
весьма благоприятно для Ивана, но он не сумел им восполь-
зоваться, поскольку держал свои основные силы далеко от
места событий. Вместо решительных действий он продолжил
дипломатическую переписку, бесполезности которой, вви-
ду заявлений и образа действия Батория, сам не мог не заме-
чать. В новой грамоте к королю он оправдывал медлитель-
ность своих послов грабежом, которому поляки подвергли
их посланца, посланного в Оршу, дабы известить о скором
прибытии посольства. На это обвинение Баторий ответил
своим обвинением в насилии, обращенном к самому Ивану;
речь шла о провожатом, данном московскому гонцу Григо-
рию Нашокину: на границе провожатый был схвачен и отве-

зен в Москву, где его по приказу царя подвергли пыткам, желая выведать от него какие-то сведения.

Эта бесцельная дипломатическая переписка свидетельствует, что Иван совершенно растерялся: на него напал страх, который он, как человек больной психически, порой испытывал. Очевидно, его расстроенное воображение охватило тогда, как это часто с ним случалось, навязчивое представление о том, что он окружен со всех сторон изменой. Чтобы рассеять охвативший его ужас и увериться в преданности своих подданных, царь прибег к обычному для себя средству: призвав митрополита и иное духовенство, он публично стал каяться в грехах, просил прощения и обещал быть впредь милостивым. Все, конечно, заявили, что прощают своему царю и присягают ему на верность.

Но и после этого Иван не обнаружил большей решительности в своих действиях и продолжал надеяться на успех в дипломатической игре. Иван узнал о проектах союзов, составлявшихся императорами и папами против турок. Поэтому он решил вопреки своей обычной политике примкнуть к такому союзу, лишь бы только заручиться поддержкой империи в борьбе с польским королем. Еще в марте 1580 года был послан в Вену с предложением союза против турок гононец Афанасий Резанов, а в конце августа с тем же самым был отправлен Истома Шевригин. Царь объяснял императору Рудольфу войну с Баторием тем, что по соглашению с его отцом Максимилианом старался возвести на польский престол его брата Эрнеста. В отмщение за это Баторий, ставленник турецкого султана, дескать, и начал с Иваном войну. Царь утверждал, что, по сути, идет борьба христианства с мусульманством. Ввиду этого Иван предлагал императору Рудольфу союз, чтобы «Стефан король таких дел впредь не делал и на крестьянское кроворазлитие не стоял и с бесерменскими государи не складывался на крестьянство». Царь надеялся привлечь к этому союзу всех князей Германской империи и папу. Поэтому Истома Шевригин из Вены должен был ехать в Рим.

А Баторий, не тратя слов, действовал в это время оружием. Из Суража он отправился по течению реки Усвячи к крепости Усвяту. Во время похода соблюдался, по обыкновению, строгий порядок. Авангардом начальствовал полоцкий

каштелян Волминский, на которого была возложена обязанность производить рекогносцировку местности. Она повсюду была пуста, так как жители, по приказанию Ивана, были взяты в армию или отправлены защищать крепости. За Волминским следовал польный гетман литовский Христофор Радзивилл с литовскими наемными отрядами, а за ним его отец великий гетман литовский Николай Радзивилл с литовскими добровольцами. Литовские войска шли впереди на расстоянии нескольких миль от главного корпуса, в котором находился сам король. Авангард этого корпуса составлял отряд, которым командовал надворный гетман Ян Зборовский; за ним шел с венгерской конницей Габора Бекеш. Далее, на расстоянии нескольких верст, следовала венгерская пехота под командой Карла Иштвана, а за ней уже сам король в окружении 800 стрелков. Замыкала движение польская конница и пехота под началом брашлавского воеводы князя Януша Збаражского. Орудия и иные тяжести ташили вверх по течению реки Усвячи, что представляло немалые трудности, но в лесистой и болотистой местности иного способа для их перевозки не было.

15 августа Литовцы первыми подступили к Усвяту. Узнав о приближении врага, жители посада зажгли свои дома и ушли под защиту стен крепости. Вскоре гарнизон крепости получил письмо от великого гетмана литовского с требованием сдачи. В противном случае, говорилось в письме, пощады не будет. Московиты ответили, что не могут прочесть литовского письма, так как у них нет никого, кто обучен грамоте не только литовской, но и московской. Дав такой ответ, они открыли пальбу по неприятелю, переправлявшемуся в это время через Усвячу. Но на следующий день, после того как король прислал на помощь литовцам несколько сотен поляков и венгров и те устроили ночью шанцы совсем близко к крепости, осажденные сдались, выговорив себе право свободного выхода из крепости с имуществом, которое каждый будет в состоянии вынести. Замок был отдан врагу в целости с 8 орудиями, 50 гаковницами, 143 ручницами и значительным количеством ядер, пуль и пороха. После сдачи оказалось, что гарнизон крепости состоял из 53 детей боярских (с 50 слугами), 345 стрельцов и 624 человек простого народа.

Из гарнизона только 66 человек присягнули Баторию и отправились в Литву, остальные же возвратились на родину, за исключением, впрочем, крестьян, которые остались на месте; они принесли присягу на подданство королю.

Воеводы Михаил Вельяминов, Иван Кошкарев и стрелецкий голова Иван не хотели добровольно выходить из крепости; тогда их вывели силой и, по приказанию Батория, отправили в Витебск. На следующий день, 17 августа, король прибыл в Усвят и принял замок от великого гетмана литовского, который по этому случаю произнес длинную речь; Баторий ответил на нее кратко, выразив благодарность победителям. Успех литовцев вызвал некоторое чувство досады и зависти в поляках.

Осмотрев замок, Баторий двинулся дальше. Поход совершался в таком же порядке, как и прежде. Пришлось только вытащить из реки орудия и поставить их на колеса. Переход был сложен: к прежним затруднениям присоединился недостаток корма для лошадей, ибо в лесу было мало не только травы, но и вереска. Гейденштейн говорит вообще о недостатке съестных припасов вследствие того, что местность была безлюдна. Существовала еще другая дорога, по более плодородной местности, но длинная, притом перерезанная реками, так что пришлось бы строить много мостов. Дорожа временем, Баторий предпочел короткий путь.

22 августа король остановился на ночлег на реке Комле, впадающей в Ловать, 23-го — у озера Долгое, где к нему доставили от Николая Радзивилла четырех пленных касимовских татар, пойманных казаками князя Острожского. Пленные принадлежали к легкому кавалерийскому отряду в 150 человек, высланному на разведку. Их подвергли допросу, каждого в отдельности, и они дали согласные показания. Они заявили, что московский государь запретил своим воеводам вступать в сражение с королевскими войсками в открытом поле, так как он сильно напуган известиями о многочисленности армии Батория: лазутчики донесли ему, что у короля более 100 000 хорошо вооруженных людей. Царь разрешил производить только нападения при удобном случае ради захвата в плен отдельных лиц, чтоб получить от них сведения о состоянии сил врага.

24 августа король оставался на месте, а 25-го уже был на расстоянии двух миль от Великих Лук. Здесь к нему должен был присоединиться Замойский. В этот же день Баторий в сопровождении обоих литовских гетманов, каштеляна Зборовского и Габора Бекеша ездил осматривать Великие Луки⁴⁸, причем подъезжал так близко к крепости, что можно было легко его подстрелить. Гетманы останавливали короля, прося его проявить осторожность, но напрасно; он отвечал только, что уверен, будто ничто повредить ему не может. Из крепости и в самом деле стали стрелять и убили лошадь под слугой Христофора Радзивилла. 26 августа Баторий ездил вторично осматривать Великие Луки, но уже с другой стороны; он переправлялся вброд через Ловать.

В тот же день прибыл Замойский со своим отрядом. Оставив в Велиже две роты пехотинцев под командой ротмистров Свирацкого и Гойского, он выступил оттуда 11 августа. Вперед был выслан Дзялыньский со своим полком для постройки моста через Двину. Когда мост был готов, отряд Замойского переправился на правый берег и пошел на урочища Черная ость, Наранский город и Боброедов⁴⁹. Многие солдаты, недавно поступившие на службу, так испугались трудностей пути, что совершенно упали духом и стали разбегаться в разные стороны. Но строгие наказания, которым Замойский подверг двух-трех дезертиров, восстановили дисциплину. По дороге было много мостов из длинных и очень толстых бревен, от ветхости пришедших в такое состояние, что солдатам пришлось немало потрудиться над их починкой. Это задержало войско в Боброедове на целые сутки.

Отсюда Замойский направился к речке Полоне, где 16 августа произошла небольшая стычка с татарами из московского войска. Выбрановский, командовавший передовым отрядом, был отправлен с гайдуками строить мост на Полоне. Оставив своих людей рубить деревья, он сам с одним поручиком поехал дальше осматривать дорогу, удалился от гайдуков почти на две версты и неожиданно наткнулся на татар. Выбрановский поскакал назад, пустив вперед поручика, конь которого вдруг поплелся шагов; тогда поручик спешился и побежал, укрываясь от врагов за деревьями. Татары гнались то за одним, то за другим до того места, где находился

отряд Выбрановского. Здесь солдаты начали метать в татар топорики и копья и одного убили. Тогда татары, прихватив убитого, быстро ретировались⁵⁰. Получив известие об этом происшествии, Замоийский выслушал офицеров и распорядился, чтобы вперед, на расстояние двух-трех верст, выслались сторожевые отряды.

21 августа отряд Замоийского повернул с главной дороги влево, чтобы соединиться с главной армией еще до ее прихода в Великие Луки, как того пожелал король, приславший Замоийскому письмо. При урочище Лубаи 22 августа опять произошла схватка с татарами, причем удалось захватить их начальника⁵¹. Пленного подвергли пытке, и он сказал, что московский государь запретил своим войскам вступать в сражение с врагом, однако от решительного боя не отказывается, а ждет момента, когда неприятельское войско поубавится.

В Лубаях Замоийский узнал, что литовское войско первым придет к Великим Лукам. Это известие причинило ему великую досаду; он даже послал к королю письмо, в котором просил, чтобы король разрешил ему первым появиться у крепости. Вместе с тем канцлер приказал Дзялыньскому идти со своим полком скорым маршем днем и ночью без роздыху, чтобы только как-нибудь опередить литовцев. Но тут пришло от короля письмо, успокаивавшее канцлера и советовавшее ему не спешить, так как у него еще достаточно времени, и Замоийский велел солдатам двигаться обычным шагом. Пройдя урочище Рахново и переправившись через речку Санчиту, отряд остановился в поле, недалеко от лагеря главной армии⁵² справа от литовского войска. Между литовцами и поляками началось соревнование. Великий гетман литовский поспешил отправить к Великим Лукам лазутчиков, но они не дошли до крепости, так как не могли найти брода на Ловати. Баторий тем временем разрешил спор между литовцами и поляками, согласно своему обещанию, в пользу последних.

На рассвете 26 августа канцлер выдвинулся к Великим Лукам с небольшим отрядом на рекогносцировку. В виду крепости он приказал искать брод, а сам тем временем с малым числом людей отправился к крепости по дороге, до такой степени топкой, что вскоре пришлось возвратиться назад; тем не менее ему удалось осмотреть крепость, скрывшись за хол-

мом; задача была в том, чтобы определить место, где следует устраивать шанцы. Тут его посланцы вернулись с радостным известием, что найден брод; нашедшие его солдаты даже переправились на другой берег Ловати, но тотчас им пришлось вернуться назад, поскольку против них выдвинулся из крепости отряд русских.

В этот же день осматривал крепость и венгр Борнемиса со своими людьми. Беспечно отъехав слишком далеко от своих, Борнемиса наткнулся на отряд русских и чуть было не попал в плен. Они почти настигли его, даже схватили за плащ, но плащ, к счастью для Борнемисы, оказался непрочен, и он сумел вырваться и ускакать навстречу спешившим на помощь товарищам.

27 августа уже вся армия Батория пошла к Великим Лукам. Первым выступил и расположился со своим полком на холме вблизи крепости Дзялыньский. В полдень подошло литовское войско, вечером прибыл король, и, наконец, со своим отрядом Замойский. После этого король произвел смотр войскам и остался весьма доволен увиденным.

Армия Батория под Великими Луками включала венгров и поляков 17455, литовцев — 12 700, добровольцев, точное число которых нам неизвестно, — несколько тысяч; вся армия едва ли превышала 35 000 человек⁵³.

Крепость Великие Луки, которую они собирались взять, стояла на холме; укрепления ее, как и у других крепостей, построенных москвитами, были из дерева. Но коль скоро опыт прошлого года убедил русских, что против огня деревянные укрепления устоять не могут, они придумали средство защитить их от поджога. Стены великолукской крепости были обложены сверху донизу толстым слоем дерна. С юга и запада доступ к ее стенам был затруднен рекой; кроме того, крепость окружал ров. С востока к ней примыкал многолюдный и богатый торговый город⁵⁴, тоже обнесенный стеной с башнями, но московиты решили, что отстоять его не смогут, и 25 августа, узнав о приближении неприятеля, по своему обыкновению сожгли его, а сами со своим имуществом ушли в крепость.

Численность гарнизона в крепости была 6000–7000 человек. Командовали им воеводы князя Федор Иванович Лы-

ков и Михайло Федорович Кашик, а также Юрий Иванович Аксаков, Василий Иванович Бобришев-Пушкин, Василий Петрович Измайлов и Иван Васильевич Отяев. Главным воеводой был Лыков. Не доверяя ему, равно как и другим воеводам, Иван прислал в крепость Василия Ивановича Воейкова наблюдать за ними.

День 28 августа прошел в бездействии, так как в лагере Батория ожидали прибытия московских послов, которые действительно и явились. Во главе посольства находились: стольник и наместник нижегородский князь Иван Иванович Сицкий-Ярославский, стольник эльзатовский думный дворянин Роман Михайлович Пивов и дьяк Фома Пантелеевич Дружина. Послы прибыли к границе Речи Посполитой 14 августа, на речку Иватку. Сюда навстречу им прибыл посланец оршанского старосты Филона Кмиты, которого Баторий за военные подвиги, совершенные в 1579 году, пожаловал титулом смоленского воеводы, имея в виду, что Смоленск рано или поздно будет во владении Речи Посполитой. Но когда при встрече с московскими послами Кмита был назван смоленским воеводой, те восприняли это как оскорбление. «Филон затевает нелепость, — сказали они, — называя себя воеводой смоленским; он еще не тот Филон, который был у Александра Македонского; Смоленск вотчина государя нашего; у государя нашего Филонов много по острожным воротам».

Прибыв в Сураж, они заявили, что не желают ехать дальше — пусть, дескать, провожатые, которые были присланы от имени Батория встречать их, тащат их силой. На это заявление им ответили смехом и замечанием, что над ними не будет совершено никакого насилия; если хотят, могут ехать дальше, а если надумают возвратиться восвояси, то никто их не будет задерживать. Послы, однако, продолжали свое путешествие, заявляя, что делают это по принуждению. Честь и достоинство их государя требовали, чтоб они возвратились назад, но сделать они этого в силу обстоятельств не могли и потому пытались успокоить свою гордость, говоря, что поступают так вопреки своей воле, под давлением.

Посольство прибыло в лагерь Батория 28 августа⁵⁵. Король выслал ему навстречу брестского старосту Мелецкого, литовского стольника Зеновича, секретаря Агриппу и отряд

численностью в тысячу с лишком человек; но из сенаторов русских не встречал никто. На следующий день утром посольству был дан прием. Главные послы, одетые в роскошные, усеянные жемчугом и драгоценными камнями одежды, с такими же дорогими шапками на головах явились к королевскому шатру в сопровождении свиты. Им пришлось ехать на конях между рядами пехоты, которая вытянулась перед королевским шатром в две шеренги⁵⁶. Став перед королем, послы сняли шапки и поклонились, касаясь рукой земли, а потом перекрестились. После этого вперед выступил трокский каштелян Христофор Радзивилл и сказал, обращаясь к королю, что послы желают поцеловать руку его королевского величества; это было разрешено сделать только главным послам.

После этого послы отдали свою верительную грамоту, которую прочел литовский подскарбий Война. Баторий при упоминании имени московского государя не встал, шапки не снял и о здоровье государевом не спросил, как это было в обыкновении. В свою очередь, и Иван продолжал оказывать Баторию свое прежнее к нему пренебрежение: он не называл его братом, как это было принято в пересылках между государями. Когда от имени короля приказано было послам править посольство, они заявили, что их государь приказал им сделать это в Вильне, а потому пусть король возвратится туда и уведет свои войска из областей их государя, тогда они и посольство будут править. На это литовской подскарбий заявил от имени короля, что исполнить желание послов невозможно, поэтому пусть они излагают поскорее свое дело и не теряют понапрасну времени. Послы стояли на своем. Тогда король через того же подскарбия велел передать им, что их государь в последнем своем письме соглашался, чтобы король принял его послов в каком угодно месте. Но послы твердили упрямо, что посольство они будут править только в Вильне. Тогда король приказал сказать им, что приехали они ни с чем, а потому и уедут ни с чем. Пристава отвели послов в назначенные им шатры, а король, посоветовавшись с сенаторами, приказал сказать послам, чтоб они готовились на следующий день в обратный путь; он надеялся подействовать этой угрозой на них, но ошибся в расчетах⁵⁷: послы стоя-

ли на своем. Король, однако, против своего прежнего решения, решил их не отпускать, а задержать до тех пор, пока крепость не будет взята.

События, очевидцами которых послы стали, не могли их порадовать: они принуждены были изо дня в день наблюдать поражения своих соотечественников. Собственно, началось все тотчас по их прибытии к Баторию, когда отряд литовцев в 200 человек, отправившись на фуражировку, наткнулся на 2000 московитов, которые остановились на отдых и расседлали лошадей. Поняв, что враг не готов к бою, литовцы нанесли внезапный удар и обратили русских в бегство; они преследовали их на расстоянии целой мили, одних убили (по слухам, 800 человек), другие утонули в Ловати, а десять человек удалось пленить. Из литовского отряда погиб только один и двадцать были ранены⁵⁸.

В тот же день Баторий приказал Замойскому переправиться через Ловать и поставить лагерь, но за недостатком времени и из-за трудности переправы сделать это удалось не сразу; начали только копать шанцы: поляки, под командой Уровецкого с южной стороны, а венгры, с Борнемисой во главе, — с западной. К отряду Замойского присоединился, по приказанию короля, и Карл Иштван, оставив при королевских шатрах для охраны 800 человек из венгерской пехоты. Тогда же под стены крепости прибыла артиллерия — 30 больших орудий.

30 августа лагерь был разбит, окружен, по польскому обычаю, телегами и окопан валом на расстоянии двух сажен от телег. Ширина вала внизу была три аршина, вверху два, а глубина рва, проведенного снаружи, достигала роста человека. Тут, однако, поляков постигла неудача. Заметив, что при шанцах остался только небольшой отряд, русские совершили вылазку и обратили поляков в бегство, причем захватили знамя, взяли в плен двух гайдуков и двух ранили. Замойский, разгневанный по случаю потери знамени, хотел казнить знаменосца, но потом все-таки пощадил его и велел заковать в цепи, а сторожить шанцы вместо позорно бежавших гайдуков отправил другой отряд.

Работы по укреплению лагеря продолжались днем и ночью. Баторий приказал уничтожить плотину, которая удер-

живала воду в пруде, преграждающем путь к стене крепости. Замойский поручил это дело завихостскому каштеляну Петру Ключевскому. Но лишь только тот явился на место, как был убит метким выстрелом из крепости⁵⁹.

31 августа в стан Замойского было доставлено еще 18 орудий. На рассвете следующего дня начался обстрел крепости. Замойский приказал сказать солдатам, что тому, кто первым подожжет какое-либо из укреплений крепости, будет дана награда: чужеземцу четыреста талеров, поляку хорошее имение, если он шляхтич, и кроме того, даровано шляхетское достоинство, если он не шляхтич.

Король, прибыв посмотреть на происходящее и увидев, что раскаленные ядра не причиняют покрытым дерном стенам никакого вреда, приказал сосредоточить огонь на тех укреплениях, где дерна не было. Венгры начали метить в бойницы и вскоре зажгли их; поощряемые королем, они бросились к крепостному валу, чтоб отодрать от башен дерн и таким образом открыть доступ огню. За венграми последовали поляки. Но русские мужественно защищались: на нападающих посыпался град пуль и камней, из-за чего около 200 человек нападавших было ранено и убито, а остальным пришлось отступить.

Тем временем московские послы, на которых штурм крепости произвел большое впечатление, запросили у короля новую аудиенцию; она была дана им 2 сентября. На взгляд присутствующих вели себя на ней послы странно. Они произносили поочередно длинные речи, которые весьма утомили поляков, ибо говорилось очень много о том, что совсем к делу не относится: во всяком случае, был изложен в подробностях ход переговоров между Иваном и Стефаном Баторием с начала царствования короля. В конце концов послы потребовали, чтобы король возвратил назад Полоцк с пригородами и не вступал в ливонскую и курляндскую земли⁶⁰. Подобное требование могло бы, конечно, тотчас прервать переговоры, но послы просили короля разрешить им переговорить об условиях мира с паны-радой⁶¹, на что король дал свое согласие. Ведение переговоров поручено было великому гетману литовскому Николаю Радзивиллу, виленскому каштеляну Евстафию Воловичу, князю Стефану Збараж-

скому, жмудскому старосте Яну Кишке, вольнскому воеводе князю Андрею Вишневецкому, новогрудскому воеводе и литовскому ловчему Николаю Радзивиллу, гнезненскому каштеляну Яну Зборовскому, люблинскому каштеляну Андрею Фирлею и минскому каштеляну, вместе с тем и литовскому подскарбию Яну Глебовичу. Вместе с московскими послами паны удалились в специально отведенный для переговоров шатер⁶². Послы потребовали, чтобы королевское войско отошло от крепости, но получили отказ. Тогда они высказали требование, чтобы с завтрашнего дня был прекращен обстрел крепости, на что услышали совет не терять зря времени и поскорее излагать то, с чем пришли.

Только после этого послы заявили, что их государь соглашается дать королю титул брата и уступить Полоцк с пригородами⁶³. На это им было сказано от имени Батория, что Полоцк издавна составляет собственность Великого княжества Литовского, ныне без их уступок возвращенную королем, который постарается с Божьей помощью возвратить и все остальное, что было когда-либо от его государства отнято. Послы прибавили в число уступок еще Курляндию и те города в Ливонии, которые были во владении герцога Магнуса. На это им ответили, что курляндский герцог — свободный государь в своей стране, добровольно подчинившийся польской короне и Великому княжеству Литовскому, он, мол, держит замки свои на известных условиях в зависимости от Речи Посполитой, а потому послы пустяки говорят. Тогда послы спросили, каких уступок желает король. Поляки заявили, что он требует Северной земли, Пскова, Новгорода, Смоленска и всей Ливонии, а кроме того, покрытия всех военных издержек, так как не он начал войну. Послы на это ничего не ответили, но просили доложить о переговорах королю. К нему пошли, по их просьбе, три литовских сенатора. Они стали уговаривать короля согласиться на предложения московского посольства, так как хотели поскорее прекратить войну, которая могла всей своей тяжестью лечь на Литву. Если будут взяты Великие Луки, защищать их придется Литве, и защита эта будет весьма затруднительна, так как город отделен от Литвы громадными лесами и окружен неприятельскими крепостями. Король не хотел снимать осаду,

но все-таки — когда сенаторы стали говорить, что она может затянуться и лучше заключить теперь мир на условиях, предлагаемых московскими послами, чем потом, когда придется принимать менее почетные условия, — пригласил на совещание Замойского, чтобы узнать о ситуации из первых уст. Сенаторы спросили канцлера, можно ли надеяться на счастливый исход осады. Замойский ответил, что военное счастье весьма изменчиво; впрочем, он, полагаясь на счастье короля и храбрость солдат, питает самые лучшие надежды и думает, что не следует упускать удобного случая взять крепость сейчас, так как потом, когда наступит осень и пойдут проливные дожди, шансы на это могут исчезнуть.

Выслушав всех, Баторий решил не заключать перемирия. Сенаторы возвратились к послам и заявили насмешливо, что король уступает им Псков и Новгород. Тем не менее дипломатические торги возобновились. Послы согласились отдать несколько замков в Ливонии и в обмен за пленных Усвят и Озерище⁶⁴. Поляки ответили, что все это уже находится в руках короля, а потому предметом переговоров быть не может. Послам было предложено не темнить, а высказать наконец все, что наказал их государь, — иначе переговоры потеряют смысл. Но послы заявили, что им больше нечего сказать; государь дал им наказ: если король не согласится принять предложенных условий, они должны послать к нему гонца за новым наказом.

Ввиду этого они попросили разрешения отправить письмо к Ивану. Баторий разрешение дал и сам отправил тоже к царю гонца литовца Григория Лозовицкого с грамотой, в которой излагал ход переговоров и, ссылаясь на их безрезультатность, писал, что военных действий, как того просили послы, не прекратит. Пусть Иван шлет через послов новые предложения, и поскорее, — чтобы гонец успел застать послов у Великих Лук⁶⁵.

Попытки поджечь крепость в день, когда велись эти переговоры, закончились неудачно: огонь, дойдя до земляной насыпи, отчасти погас сам, отчасти был потушен русскими, которые отважно спускались со стен на веревках и, висая в воздухе, заливали его водой. Тогда король приказал Борнемисе взорвать стену. Венгры начали подкапываться под кре-

постной вал, дабы заложить туда порох; при этом русские непрерывно по ним стреляли, осыпали их градом камней, лили сверху кипяток; двенадцать человек были убиты, многие ранены, но работа не прекращалась — выбывших из строя то и дело заменяли новые солдаты.

Замойский в это время тоже не сидел сложа руки. Он все еще надеялся на то, что удастся поджечь стену; подкопа он решил не делать, так как земля со стороны его лагеря была слишком болотиста. По его приказу поляки непрерывно обстреливали крепость. Плотность стрельбы была столь велика, что 3 сентября им удалось сбить с вала шанцевые корзины, которые прикрывали русские орудия, так что теперь и сами пушки, и их обслуга оказались как на ладони.

Положение русских становилось все хуже и хуже. У Замойского появилась надежда, что дело, может быть, удастся завершить малой кровью. По его приказанию в крепость была пущена стрела с запиской, в которой гарнизон от имени короля увещевали сдаться в обмен на различные милости. На это осажденные ответили выстрелами и хорошо слышной со стен руганью по адресу Батория, Замойского и прочих неприятельских военачальников.

Оскорбленные поляки пошли на штурм, хотя и не получили на то приказа. Они бросились к башне, у подножия которой имелось мертвое пространство, куда не достигали выстрелы русских, приставили лестницы и полезли на стены; их поддержал отряд, одновременно атаковавший ворота крепости, выходящие с востока к Ловати. Однако русские сумели отразить приступ. Замойского в момент незапланированного штурма в лагере не было. Явившись на место и узнав, что поляки отступили, оставив под стеной тяжелораненых, он обещал награду тем, кто принесет их назад. Охотники нашлись, и раненые были спасены.

Все попытки поджечь стены провалились. Тогда солдатам выдали кирки и заступы и приказали во время очередного приступа сдирать со стен дерн. По сигналу солдаты как могли быстро, под выстрелами, добежали до вала и взялись за дело. Русские бросились на них, завязалась рукопашная, в которой ни те, ни другие не имели решающего перевеса. Тем не менее полякам удалось немного повредить защитное покры-

тие стен, но этого было явно недостаточно. Во время схватки поляки взяли в плен русского по имени Сабин Носов, раненого двумя пулями. Его допросили о положении крепости, и он нарочно стал сообщать такие сведения, которые преувеличивали силы ее защитников и неприступность укреплений. Это, однако, ничуть не поколебало решимости Замойского.

На рассвете 4 сентября поляки пошли в новую атаку, и им наконец удалось снять дерн на значительном участке. Было заготовлено большое количество облитых смолой дров. Но прежде чем пытаться поджечь стену, Замойский снова попробовал склонить осажденных к добровольной сдаче, так как король хотел получить крепость в целости. Опять в крепость пустили стрелы с записками. Московиты, однако, предпочли не отвечать.

Тем временем венгры закончили рыть подкоп и готовы были взорвать пороховую мину. Они опасались, что русские подведут со своей стороны контрмину, но сомнения их рассеял перебежчик из крепости. По его словам, осажденные заметили подкоп, но не подозревают, что в нем уже находится порох. Перебежчика одели в роскошную одежду и велели ему приблизиться к стене, чтобы он своим видом свидетельствовал о щедрости короля; он кричал осажденным, что у них есть последний шанс опомниться и спасти себя; если же они будут упорствовать в своем безумии и предпочтут испробовать королевскую силу, а не королевскую милость, то пусть пеняют на себя — в этом случае их ждет свирепость разъяренных солдат. Эти речи защитники крепости встретили грубой бранью, крича, что скорее позволят распять себя, чем послушаются совета изменника.

Поняв, что все средства получить крепость, не разрушая ее, исчерпаны, король приказал взорвать мину. Однако взрыв этот не привел к тому эффекту, на который рассчитывали: хотя в стене и образовалась брешь, проникнуть через нее в крепость не удалось. Впрочем, король не терял надежды завершить осаду в самом скором времени. Вечером 4 сентября он сказал окружающим: «Вот увидите, мои пехотинцы скоро зажгут стену». И действительно, не прошло и четверти часа, как вспыхнуло пламя, которое, казалось, невозможно потушить. Правда, русские проявили необычайную энер-

гию и справились с пожаром, в чем им помог разразившийся ливень, однако стены уже были во многих местах освобождены от дерна, и все понимали, что рано или поздно их снова удастся поджечь.

Вечером Замойский велел отобрать охотников, готовых идти зажигать стены. Вызвались сорок человек. С факелами в руках они полезли наверх, не обращая внимания на пули, которыми осыпали их осажденные. В конце концов стена загорелась; поначалу огонь горел слабо, и казалось, что и эта попытка завершится полной неудачей. Но около полуночи подул сильный ветер, и вспыхнуло громадное пламя. В лагерьях осаждающих забили тревогу, поляки и литовцы построились в ряды, готовые идти на приступ. Русские пытались тушить пожар, но смола и ветер сделали свое дело: пламя стало принимать все большие и большие размеры и вскоре перекинулось в город. Сгорела церковь Христа Спасителя, стоявшая недалеко от стены, занялись другие здания. Надежды унять огонь не было уже никакой, и на рассвете защитники крепости стали кричать, что хотят сдать. Замойский потребовал, чтобы они прислали к нему своих воевод, но они не исполнили этого требования и отправили к Замойскому епископа с несколькими другими лицами, которые стали выставлять условия сдачи. Тогда Замойский послал в крепость своих людей, которые потребовали от московитов сдачи на милость победителя, угрожая в противном случае их поголовным истреблением. Русским не оставалось ничего, как подчиниться. К Замойскому явились пять воевод.

Увидев их, солдаты, которым гетман приказал не отходить от своих знамен, стали громко роптать. Им не нравилось, что русских могут отпустить на волю и они опять возьмутся за оружие. Солдаты требовали мщения за кровь погибших при штурме товарищей. Ненавистью дышали их слова, и достаточно было небольшой искры, чтобы разразилась ужасная бойня.

По распоряжению Замойского московиты начали выходить из крепости; каждый нес с собой образок. Так вышли около 500 человек, у которых отняты были лошади и оружие. Навстречу им в крепость направились, чтобы принять порох и пушки, пятьдесят гайдуков. Увидев это, маркитан-

ты и обозные служители вообразили, что гайдуки идут за добычей, и бросились за ними, боясь упустить самые лакомые куски. Ворвавшись в крепость, они стали грабить и убивать еще не успевших выйти оттуда москвитов. Тут заволновались солдаты, которым приказом короля было запрещено входить в крепость; они решили, что могут вообще остаться без трофеев. Венгры, а за ними и поляки поспешили в крепость и, как ни старались остановить их капитаны, ротмистры и сам гетман, произвели страшную резню, убивая всех без разбора — мужчин, женщин, детей. В остервенении были забыты все приказы. Пожар между тем распространялся, его никто не тушил; огонь постепенно охватил всю крепость и достиг погребов, в которых хранился порох. Произошел ужасающий взрыв, который унес жизни двухсот грабителей. На воздух взлетело 36 пушек, несколько сотен гаковниц, несколько тысяч ружниц.

В пламени погибло все ценное, что было в Великих Луках, — множество золота, серебра, шуб и иных драгоценностей. Добыча досталась победителям незначительная: платье да деньги, которые они не стыдились брать у покойников⁶⁶. Сколько погибло русских при взятии Великих Лук, неизвестно, но надо предполагать, что несколько тысяч человек⁶⁷, и между ними воевода Иван Воейков. Когда его привели к Замойскому, канцлер его допросил, а потом приказал отвести в лагерь. Московский воевода подумал, что его будут пытаться, а потому, увидев издали немца Фаренсбаха, своего знакомца с того времени, когда последний служил московскому государю, кинулся умолять его о пощаде; венгры же вообразили, что он хочет убежать, и убили его.

Место, где находилась крепость, представляло весьма печальную картину: всюду валялись кучи тел; среди мертвых было множество ни в чем не повинных женщин и детей. Обозревая побоище, король едва мог удержаться от слез⁶⁸. Он приказал маркитантам похоронить трупы, а солдатам засыпать рвы, которые были проведены во время осады. Батерий намеревался отстроить крепость заново и сделать ее одним из главных своих опорных пунктов в покоренной стране.

На следующий день после взятия Великих Лук состоялся военный совет, на котором обсуждался дальнейший ход

компании. Было принято решение восстановить крепость на прежнем месте, а королю с армией дальше не идти и по истечении трех недель возвратиться с добровольцами назад в Польшу.

Общий план обновленной крепости король составил сам, а руководство строительными работами поручил архитектору Доминику Рудольфини из Камерина. Ему помогали инженеры Николай Карлини и Андрей Бертони. Сами строительные работы были разделены между венгерскими, литовскими и польскими солдатами.

Стоянка войску была определена на берегу небольшой речки, на расстоянии мили от Великих Лук. Но когда Замайский приказал двигаться туда, солдаты, принадлежавшие к так называемой черной пехоте, заявили, что они пойдут только тогда, когда им заплатят жалованье. Переговоры с ними Замайского ни к чему не привели, и гетман решил переждать один день. Но назавтра все повторилось. Три раза, по приказанию гетмана, давали барабанным боем сигнал выступать в поход, но черная пехота не тронулась с места. Прибыв на стоянку, канцлер вечером позвал к себе ее командиров и стал требовать, чтобы они любыми средствами привели своих солдат; если же этого не случится, то, пообещав Замайский, он применит силу. Ротмистры восприняли эти слова как оскорбление и отправились к своим солдатам, говоря, что должны разделить с ними и хорошую, и дурную судьбу. Впрочем, конфликт все-таки удалось разрешить, и пехотинцы явились к Замайскому с повинной.

Этим, однако, трения не закончились. Неисполнение требований воинской дисциплины в литовской армии принимало еще большие размеры. Литовские добровольцы сами, без всякого спроса, стали разъезжаться по домам, а литовские паны вели дело к тому, чтобы отправлять в Литву целые отряды. Дошло до того, что король поставил специальную стражу у Суража, которая должна была задерживать всякого, кто не имел пропускного свидетельства. А 12 сентября он сам со своим корпусом занял позицию на торопецкой дороге, на некотором расстоянии от лагеря Замайского, чтобы контролировать поведение вышедших из доверия литовцев.

Батерию и Замойскому приходилось быть настороже. Ходили слухи, что русские сосредоточили значительные силы у Торопца. Но каковы были возможности неприятеля и где он находился, в точности не было известно. 11 сентября донесли Замойскому, что большой неприятельский отряд готовится напасть на его лагерь. Гетман приказал своим солдатам быть наготове и выслал на разведку отряд в 30 всадников. Его командир Сверчевский по возвращении доложил, что на расстоянии нескольких миль вокруг никого нет.

Казалось, войско пребывало в полной безопасности. Но на деле случилось иначе. Князь Януш Острожский выслал 80 человек за фуражом, которые неожиданно наткнулись на отряд татар. Фуражиры были окружены и отчасти перебиты, отчасти взяты в плен; спаслись только три человека, да и то раненных. То же самое произошло и с отрядом венгров в 40 человек, который был целиком неприятелем истреблен.

Эти неудачи сильно разгневали короля. Тем более что, обходя караулы, он собственными глазами видел, как плохо исполняют обязанности солдаты, как они спят прямо на постах, побросав вооружение, как ослабляют лагерь, по собственным надобностям выезжая из него на телегах, стоящих по периметру. Батерий призвал к себе офицеров и выбрал их за нерадивую службу. Им было велено внимательнее наблюдать за подчиненными, сохранять тишину ночью и посылать людей на фуражировку под прикрытием крупных сил.

Желая узнать, что представляет собой московское войско, которое уничтожило отряды фуражиров, Батерий отправил на разведку крупные польские и венгерские отряды под командой соответственно Филипповского и Барбеля, присоединив к ним 500 гайдуков; этим подразделениям было приказано уклоняться от стычек с неприятелем до получения новых инструкций. 18 сентября Филипповский донес королю, что наткнулся на сторожевой отряд врага, который сумел уйти без потерь; однако он узнал от перебежчика, что у неприятеля четыре тысячи человек.

Получив эти сведения, король дал Филипповскому еще 2000 воинов, приказав ему идти на Торопец. Замойский

присоединил к этой экспедиции из своего корпуса 250 всадников под начальством Фаренсбаха. Командовать экспедицией поручили брацлавскому воеводе Янушу Збаражскому.

Догнав Барбелия, Збаражский дал отдохнуть один день лошадям, а затем выслал вперед отряд из венгерских и польских всадников под начальством венгра Альберта Киралия, приказав следовать за ним на некотором расстоянии Барбелию, Георгию Сибрику и Иерониму Филипповскому. Сам Збаражский двигался в арьергарде.

Довольно быстро передовой отряд наткнулся на неприятельский караул. Московиты пустились наутек, а поляки и венгры стали их преследовать, но догнать никак не могли, потому что дорога была узка и болотиста. Погоня продолжалась до моста, перекинутого через лесной ров, у которого в засаде находились московские стрельцы⁶⁹. Завязалась перестрелка. На помощь стрельцам прискакало полсотни татарских всадников. Видя численное превосходство врага, Киралий послал за помощью к основным силам, идущим следом, но помощи все не было, и тогда он скомандовал своим солдатам атаковать мост и громко при этом кричать, чтобы враг подумал, что на него надвигается многочисленное войско. Хитрость удалась. Русские оставили мост и, соединившись с татарами, удалились. Киралий не стал их преследовать, ибо опасался засад и численного превосходства неприятеля; к тому же наступила ночь. Отряд Киралия остановился у моста на ночлег и дождался здесь прибытия основных сил.

Узнав от одного из пленников, что московское войско достигает 40 000 человек, Збаражский созвал офицеров на совет. Одни предлагали возвращаться, другие — окопаться на месте и послать к королю за дальнейшими инструкциями и вспомогательными отрядами, третьи — идти осторожно вперед, производя рекогносцировки, чтобы, в случае необходимости, вовремя ретироваться. Збаражский согласился с последним мнением. Он выслал разведку в три стороны, а сам медленно двинулся вперед. В авангарде опять шел Киралий, но уже с более многочисленным отрядом: ему придали 25 казаков и столько же пеших пищальников. По пути удалось захватить в плен трех московитов. От них узнали, что в москов-

ском войске всего 10 000 человек и что от него отделились 2000, которые готовятся напасть на его отряд.

Действительно, спустя несколько часов, уже около Торопца, авангард экспедиции столкнулся с русско-татарским отрядом. По предложению Киралия, решено было атаковать первыми и сразу с двух сторон: немецкие всадники ударили с правого фланга, венгерские с левого. Русские отступили сначала за болото и устроили здесь засаду. Однако когда люди Збаражского приблизились к ним, вступить в бой они не осмелились и бросились бежать, тем породив панику.

Узнав о приближении врагов, торопецкий гарнизон сжег по обыкновению город и удалился вместе с мирными жителями в крепость, готовясь отбивать неприятельский приступ, но совершенно напрасно, так как враг не имел намерения осаждать крепость. Вместо этого Збаражский, обогнув Торопец, продолжил преследовать бежавших врагов. Во время этой погони русских и татар погибло 300 человек, попало в плен — 24⁷⁰; в числе пленных оказалось два знатных боярина — Дмитрий Черемисинов и Григорий Афанасьевич Нащокин, тот самый, что ездил в посольстве к Баторию и находился в тайных сношениях с Осциком. Не задерживаясь у Торопца, Збаражский возвратился 23 сентября к королю.

Баторий же в это время решал задачу окончательного овладения окрестными землями, ибо здесь в руках русских оставались крепости Невель, Озерише и Заволочье. Еще направляясь к Великим Лукам, он отправил к Невелю полоцкого воеводу Николая Дорогостайского. Невельская крепость состояла из двух замков, меньшего на севере и большего на юге, соединенных между собой стеной; к ней примыкало озеро, что затрудняло осаду. Гарнизон ее доходил до 1000 человек, артиллерия состояла из 10 больших орудий, 100 малых и 500 с лишним пищалей.

Отряд Дорогостайского, в котором было много неопытных солдат, долгое время безуспешно осаждал крепость. Гарнизон защищался мужественно; к этому надо прибавить то, что место для приступа было выбрано очень неудачно — именно то, откуда взять крепость было труднее всего.

Взяв Великие Луки, Баторий послал на помощь Дорогостайскому сначала 500 человек из черной пехоты Замойского,

а затем, немного спустя, 700 венгерских пехотинцев с тремя орудиями под началом Борнемисы. Расположившись у крепости, венгры вместе с солдатами Дорогостайского стали рыть траншеи и так мало-помалу двигаться все ближе к крепостным стенам. Но осажденные не унывали; напротив, они производили дерзкие вылазки; ужас на поляков и венгров навели болтающиеся на веревках громадные железные крюки, которыми защитники крепости пытались их зацепить и затащить на стену. Казалось, они могли удерживать крепость еще долго без большого ущерба для себя, но это была только видимость. 29 сентября венгры сумели поджечь стену, и осажденные вдруг сдались, несмотря на сопротивление своих воевод. Как позже выяснилось, они уже не были в состоянии защищаться, так как у них почти закончился порох⁷¹. Русским позволено было унести с собой имущество, но сдать при этом оружие. Так как они этого условия исполнить не хотели, то Дорогостайский разрешил гайдукам ограбить их до последней сорочки. Затем все-таки они были отпущены на свободу, но большая их часть никуда не ушла, оставшись жить под властью победителя.

После сдачи Невеля Озерише, отстоявшее от Невеля на расстоянии трех миль, очутилось в критическом положении: оно было отрезано совсем от московских владений и окружено отовсюду войсками неприятеля. Его недавно построенные укрепления, отличавшиеся прочностью и замечательным изяществом, могли бы выдержать продолжительную осаду, но гарнизон, понимая, что помощи ждать неоткуда, сдался добровольно виленскому воеводе Николаю Радзивиллу под тем условием, что ему будет разрешено свободно уйти в пределы Московского государства.

Оставалось еще Заволочье — крепость, взять которую оказалось делом не особенно легким. Батерий послал под ее стены Замоиского. Дойдя до села Александрова, Замоиский отправил вперед отряд под командой Дзялыньского, приказав ему как можно скорее явиться к Заволочью, воспрепятствовать, если посад еще не сожжен, его уничтожению, пресечь сообщение с Псковом, откуда могло прибыть подкрепление, и не допустить в крепость тех русских, которых отпустили из Невеля. Выступив в поход 2 октября, Дзялыньский

в пути узнал, что посад и крепостной мост сожжены. На второй день рано утром он уже был под Заволочьем. В этот же день вечером приехал к Заволочью сам Замойский в сопровождении всего лишь нескольких всадников. Он осмотрел крепость, выбрал место для лагеря и орудий и возвратился к войску, которое остановилось на расстоянии двух миль от русской крепости.

Заволочье располагалось на острове в южной части озера Подсошь. Из-за этого штурмовать крепость нечего было и думать, тем более что стены ее подходили к самой воде; оставалось только одно, однако же весьма эффективное, испытанное средство — поджечь укрепления. Предприятие затруднялось наступлением осени, на подходе были холода и проливные дожди; кроме того, местность кругом озера была болотистая, так что устроить лагерь в одном месте не было возможности, и Замойский позволил каждому отряду расположиться там, где солдаты сочтут для себя наиболее удобным, лишь бы только недалеко друг от друга.

Король уже думал о походе на Псков, и поэтому взять Заволочье надо было обязательно; крепость лежала у самых ее истоков реки Великой, долиной которой лучше всего было идти к Пскову.

Прибыв 5 октября к крепости, Замойский послал гарнизону грамоту с предложением добровольной сдачи, но получил в ответ одну только ругань. На следующий день он призвал к себе офицеров и приказал готовиться к наведению моста; эти работы были завершены в течение двух дней. Между тем прибыли орудия, и 9 октября начался обстрел крепости. На следующий день гетман приказал наводить мост, остроумно сложенный ротмистром Уровецким из бревен здания, уцелевшего после сожжения русскими посада. Солдаты, несмотря на вражескую стрельбу, энергично погнали по воде плот, которому предстояло стать мостом, туда, где расстояние между берегом озера и крепостью было самым коротким, но длины моста все равно не хватило, и коль скоро пристать к острову не смогли, от его наведения пришлось временно отказаться. А между тем предприятие это потребовало немало труда и жертв: погибли 80 человек, и среди них ленчицкий староста Христофор Розражевский; пуля попала ему чуть выше правого глаза.

Пополудни гетман приказал оттащить плот в безопасное место, где можно было, не рискуя солдатскими жизнями, удлинить его. Но когда два гайдука, находившиеся на нем, оттолкнулись от берега, оборвался канат, и сильный ветер понес плот, и притом весьма быстро, на середину озера. Русские тут же сели в лодки и поплыли, надеясь плот поймать. То же самое сделали и поляки. При этом с той и с другой стороны шла непрерывная пальба. Русские первые достигли плота, одна их лодка пристала к нему, и находившиеся в ней уже готовы были высадиться, но бывшие на плоту гайдуки эту лодку потопили. Тем временем к плоту приблизились поляки, и московиты сочли за лучшее отступить. Таким образом, плот удалось спасти⁷²; в тот же день его удлиннили.

На следующее утро, лишь только рассвело, мост стали наводить опять, причем для защиты солдат от выстрелов по бортам плота поставили громадные мешки, набитые шерстью. Солдаты, напуганные неудачей предыдущего дня, шли на это дело без особой охоты. Успех предприятия решил родственник Замоиского — Уровецкий, который, забравшись вместе с солдатами на плот, руководил ими. Личный его пример привел к тому, что солдаты под плотным обстрелом доставили плот по назначению.

После этого гетман приказал идти на приступ венграм, поскольку именно им, согласно распоряжению короля, предстояло после взятия крепости стать в ней гарнизоном. Но стоило венграм пойти в атаку, как русские вышли им навстречу, и венгры обратились в бегство. Тогда Замоиский послал им на помощь поляков, которые встретились с венграми на наведенном мосту, и здесь произошла настоящая свалка, ибо венгры, испуганные свирепостью русских, не хотели возвращаться в бой; в конце концов мост не выдержал и стал распадаться — и все это под русскими пулями. Поляки и венгры понесли значительные потери: только венгерских дворян было убито 50 человек; кроме того, погибли 150 гайдуков и много людей ранено. Московиты потеряли не более 30 человек. После этого Замоиский приказал мост разобрать и бревна, его составляющие, оттащить к берегу⁷³.

Неудача произвела на солдат удручающее впечатление; они стали вслух высказывать сомнения в успехе осады; на-

строениям этим способствовало наступившее ненастье; одежда отсырела, число больных росло стремительно. Замойский созвал ротмистров, чтобы посоветоваться, что делать дальше. Некоторые были того мнения, что необходимо отступить, но большинство заявило, что они, скорее, в качестве простых пехотинцев пойдут на приступ и умрут под стенами крепости, чем примут такой позор. После этого совещания Замойский отправил к Баторию письмо, в котором описывал происходящее и просил, чтобы король не отзывал его от крепости. Канцлер объяснял провал штурма чрезмерной поспешностью солдат и настаивал на том, что план осады выбран удачный. Баторий поддержал своего верного соратника, и не только ободряющим ответным письмом — он отправил ему на помощь 900 польских всадников и около 1000 венгерских пехотинцев.

Тем не менее ситуация в лагере становилась все хуже. Ко всем прочим бедам добавилась заразная лихорадка, проявлявшаяся ознобом, натужным кашлем и изнурительными сильными болями в мышцах. В соединении с холодом и сыростью она валила солдат с ног десятками. Замойский, однако, был непреклонен. По его приказанию строилось сразу два наплавных моста; новый план был таков, чтобы совершить одновременно нападение на крепость со всех сторон. В течение четырех дней с 12 по 15 октября войско занималось подготовкой приступа: рубились и доставлялись к воде деревья для постройки мостов, с окрестных озер свозились лодки. Взялись даже за починку притопленного у берега дырявого судна, которое русские за ветхостью посчитали уже ни на что не годным. Но Замойский решил, что недалекий путь до крепости оно все-таки выдержит и, значит, пренебрегать им не стоит; тем более что судно могло вместить до 80 человек; пробоины в днище заткнули воловьими кожами, щели заделали мхом.

По плану Замойского мосты следовало поставить рядом; по одному должны были пойти поляки, по другому — венгры; этим распоряжением Замойский желал, очевидно, устранить несогласованность между польскими и венгерскими отрядами. Как только начнется движение по мостам, к крепости отовсюду должны были устремиться лодки с солдатами. То-

му, кто первый подождет стену, было обещано лично от Замоиского имени с тремя деревнями.

19 октября на военном совете решено было перед приступом в течение двух дней непрерывно бомбардировать крепость, чтобы уменьшить сопротивление русских при штурме. Артиллерию при этом расположили так, что она могла стрелять сразу с трех сторон.

Прежде чем начать стрельбу, Замоиский вместе с несколькими командирами подплыл к крепости на максимально возможное расстояние; после этого он приказал сосредоточить огонь на трех бойницах, чтобы сбить с них ядрами по крайней мере глину и тем самым облегчить поджог. После этого артиллерия начала забрасывать крепость ядрами, и так продолжалось до самого приступа.

Накануне приступа канцлер послал осажденным грамоту, обещавшую, по обыкновению, в случае добровольной сдачи тем, кто пожелает остаться под властью польского короля, различные милости, а остальным — свободный пропуск в отечество. Осажденные грамоту принять отказались, сказав: «Пускай король шлет грамоты в свои города, а не к нам, мы никакого короля не знаем и не желаем его слушать». В день, назначенный для приступа (23 октября), утром был совершен молебен, причем многие из тех, кто готовились идти на приступ, исповедались и причастились.

После молебна Замоиский обратился с речью к солдатам, благодаря их за готовность пожертвовать жизнью ради дела, превозносил их мужество, обещал тем, кто погибнет, бессмертную славу, а тем, останется жив, выхлопотать у короля различные милости. Все были растроганы. Замоиский со слезами на глазах благословлял солдат, которые также плакали и на всякий случай прощались друг с другом.

Тем временем были наведены мосты, причем из крепости открыли усиленную стрельбу, но на этот раз она мало повредила: погиб один солдат и два были ранены. Польский и венгерский отряды пошли каждый к своему мосту, и тут произошло то, чего менее всего ожидали. Русские стали кричать, что желают вести переговоры, но с условием, что артиллерия перестанет стрелять. Замоиский дал пушкарям команду сделать паузу и послал спросить, чего хотят в крепости. Осажденные

ответили, что все-таки хотят прочесть королевскую грамоту и после этого скажут, сдадутся или нет. Вскоре они прислали уполномоченных, через которых объявили, что сдадут крепость на условиях дарования им жизни и свободы и разрешения унести с собою оружие, причем требовали, чтобы Замоийский скрепил эти условия клятвой.

Просьбу об оружии Замоийский отверг, но клятвенно обещал сохранить всем жизнь и свободу. Тогда гарнизон отправил к гетману новых уполномоченных, которые заявили, что солдаты готовы сложить оружие, но воеводы желают сражаться. Недолго думая Замоийский послал в крепость несколько десятков человек, а уполномоченных пригласил к себе в шатер и устроил им угощение. Он опасался вероломства, однако гарнизон в самом деле не стал оказывать сопротивления и позволил арестовать воевод. Когда их привели к гетману, он сказал, что не распространяет на них своего обещания сохранить всем бывшим в крепости свободу и берет их в плен, так как они не хотели сдаться добровольно⁷⁴.

Таков был ход военных действий на главном театре войны.

На левом фланге армии Батория, в Ливонии, где находился Матвей Дембинский с отрядом в 3000 человек, в это время было спокойно, на правом, где оршанский староста Филон Кмита предпринял поход к Смоленску, казачий гетман Оришовский — к Стародубу, столкновения, и довольно крупные, не прекращались.

Собрав из шляхты, жившей вокруг Орши, отряд в 700 человек и присоединив к нему 1000 казаков и прочего люда, Кмита направился к небольшому замку, находившемуся на расстоянии нескольких миль от Смоленска; он надеялся соединиться здесь с королевскими войсками, но ошибся в расчетах. Несмотря на это, он продвинулся дальше, к самому Смоленску, возле которого его встретили несколько сотен стрельцов, но он их разбил; остатки стрельцов укрылись в крепости. Кмита расположился лагерем на расстоянии полутора миль от Смоленска, но вскоре вынужден был отступить, опасаясь превосходящих сил русских.

Вышедший из Смоленска отряд в 400 всадников и 3000 пехотинцев стал его преследовать. И тут Кмита неожиданно для

русских развернул своих солдат и ударил первым, не обращая внимания на численное превосходство врага. Сражение, начавшись вечером, затянулось до поздней ночи и кончилось победой поляков, причем они понесли незначительные потери. Однако воины Кмиты изрядно утомились; поэтому он не стал развивать успех, а отступил в направлении Орши и расположился лагерем на берегу небольшой речки, на расстоянии десяти миль от Смоленска. Но отдохнуть полякам не пришлось, поскольку подошло, как пишет сам Кмита в письменном отчете королю, 25 000 русских и татар, которые попытались взять его лагерь в кольцо. Поляки опять отступили, а перед этим перебили всех русских пленных; вскоре, однако, польское отступление превратилось в беспорядочное бегство; русские преследовали врага и рубили нещадно. К счастью для Кмиты, на выручку ему пришел отряд, который, ничего не зная о происходящей драме, двигался на соединение с ним для совместного рейда по русской территории. Таким образом, отряд Кмиты был спасен от окончательного истребления, но все равно его потери были немалые. Поляки потерял 700 человек убитыми, два орудия и 12 гаковниц⁷⁵.

Через два месяца после этих событий Оришовский опустошил Северскую область, достиг Стародуба, сжег город и часть его укреплений; затем он атаковал Поченово, но был отбит и вернулся назад, забрав с собою большую добычу.

На этом завершились военные действия в 1580 году. Итогом их стало прежде всего приобретение Баторием важного стратегического пункта — Великих Лук; этот успех укрепил в короле веру в победоносное завершение всей кампании.

В Великих Луках Баторий находился, пока не была восстановлена крепость; он пристально наблюдал за ходом строительных работ. Когда основные укрепления были воссозданы, Баторий оставил здесь гарнизон в 1117 человек конницы и 1000 пехоты под началом Филона Кмиты, и отправился в Невель. За ним последовали московские послы.

Переговоры так и не принесли никаких результатов. 7 сентября, вскоре после взятия Великих Лук, король получил от Ивана письмо, которое, очевидно, было прислано только с той целью, чтоб известить Батория об успехе царских войск в Ливонии: русским удалось отбить у поляков, писал царь, город Крейцбург. Тон письма свидетельствовал о том, что у Ивана явилась надежда на более успешный для него ход военных действий; как бы то ни было, известием о победе он хотел произвести впечатление на противника. Баторий ответил ему письмом, в котором содержалось сообщение о взятии Великих Лук и опровергалось известие об успехах царских войск в Ливонии.

Затем, уже в Невель, пришло от Ивана письмо к Баторию, как ответ на королевскую грамоту, которую привез к нему гоноец Лозовицкий. Царь обосновывал, по обыкновению, свои притязания на Ливонию на наследственном праве, ведущем начало от Ярослава, который построил там город Юрьев. Однако от некоторых городов в Ливонии он теперь, после сдачи Великих Лук, уже отказывался — он уступал Баторию Кокенгаузен, Ашераден, Леневард, Крейцбург, а кроме того, Усвят и Озерише, соглашался, чтобы оба они носили титулы ливонских владетелей⁷⁶, но требовал за это возвращения Великих Лук, Велижа и отступления королевских войск от Невеля, о падении которого еще не знал. Послам своим Иван дал полномочия сделать еще большие уступки, если Баторий не примет его предложения.

Баторий, разумеется, ответил отказом, после чего московское посольство, исполняя поручение царя, выразило желание вступить в новые переговоры. Они трижды совещались с сенаторами Батория и сначала уступили небольшие замки Биржи (Биржам), Лаудон (Лявдан) и Руин, затем прибавили еще два (Сечвей и Маенгавз) и, наконец, когда им предложили отправляться к своему государю, отдали королю Румборк, Каркус и, в конце концов, Трикат.

Больше уступать они не могли, так как не имели на то полномочий, вследствие чего переговоры были прерваны, однако послам разрешили, согласно их просьбе, следовать за королем до тех пор, пока они не получат новых инструкций от своего государя. Затягивать переговоры казалось Ивану выгодным, так как он не переставал надеяться на лучший для него оборот дел.

Но затяжка переговоров шла в первую очередь на пользу Баторию. На войну нужны были средства, а средства давал и размер их определял сейм. Поэтому окончательный ответ московским послам был отложен до нового сейма, хотя Баторий мира заключать не хотел и думал только о продолжении войны. По мнению короля, перемирие было выгодно только врагу, ибо дало бы ему возможность оправиться от поражений. На заключение вечного мира также нельзя было соглашаться, пока в неприятельских руках оставались лучшие ливонские гавани. Но для ведения войны нужны были средства.

Прибыв из Невеля через Вильну в Гродно, Баторий обратился к герцогу прусскому Георгию-Фридриху и курфюрстам саксонскому и бранденбургскому с просьбой ссудить ему денег. В это же время он завершил переговоры с Ригой об условиях ее подчинения его власти. Рига обязалась платить в казну короля две трети пошлин с заморских товаров.

Замойский как всегда ревностно помогал королю в исполнении его планов. На сейме, который был созван 22 января 1581 года в Варшаве, именно устами канцлера Баторий объяснил причины, вследствие которых необходимо продолжать войну. Враг соглашается уступить королю некоторые замки в Ливонии и оставляет за собой важные ливонские гавани, но до этого допустить никоим образом нельзя, потому что через эти гавани он будет получать все необходимые ему товары и богатеть через это. Надо врагу нанести такой удар, чтобы у него не только «не выросли снова перья, но и плеч больше не стало», надо его отодвинуть подальше от моря, из-за которого он может получать вооружение и ремесленников, надо отвести его от вступления в различного рода дипломатические комбинации, направленные против Речи Посполитой. Вот о чем говорил король сейму, чтобы склонить его к одобрению новых налогов. Если сейчас не предпринять каких-либо действий и не потратиться, то в будущем придется тратиться куда серьезнее, нежели сейчас.

В конце концов Баторию удалось уговорить сейм изыскать денег на продолжение войны. Правда, сейм заявил, что одобряет двойной налог в последний раз, но, очевидно, только с той целью, чтобы показать королю, как затруднительно положение государства.

Поддержанный сеймом, Баторий с еще большей решительностью стал вести себя на переговорах с московскими послами, которые прибыли вслед за королем в Варшаву и ждали здесь новых инструкций от своего государя. Иван с гонцом Репчуком Климентьевым эти инструкции прислал, но поляков его предложения не удовлетворили. Питая надежду на дипломатическое вмешательство императора и папы, с которыми он в это время пытался заключить союз, московский государь предлагал Баторию продолжать переговоры, но о новых уступках, чего ждали поляки, в письме, привезен-

ном гонцом, не говорилось ни слова. Возможно, о них гонец должен был сообщить непосредственно послам, но сделать он этого не мог, так как поляки посадили его под бдительный надзор и к послам не допускали. Связано это было с тем, что гонец отправился в Варшаву после возвращения к Ивану посольства, которое ездило от него к императору. До короля дошли слухи, позже развеявшиеся, якобы Иван признал над Ливонией верховенство императора и получил за это разрешение набирать солдат в Германии. В тот момент король опасался, что посольство, получив новые инструкции от царя, заговорит не об уступках, а наоборот, ужесточит требования, и не позволял гонцу встретиться с послами, дабы зафиксировать нерушимыми последние переговорные позиции.

Не получив от гонца устного послания царя, послы продолжили действовать в прежнем духе. Получив на торжественной аудиенции у короля согласие на возобновление переговоров, они спросили у сенаторов, которых король назначил для этой цели⁷⁷, на каких условиях король готов заключить мир, но получили уклончивый ответ. Тогда и они сказали, что могут со своей стороны представить только те условия, которые предлагали в Невеле. Таким образом, переговоры сразу повернули обратно в тупик. Сенаторы напомнили послам, что невеликие условия были весьма решительно отвергнуты королем. Как же он может принять их теперь, когда им потрачены значительные средства на продолжение борьбы, виновником которой является московский государь? Послы же опять стали требовать, чтобы были оглашены условия, на которых король готов заключить мир. Тянуть дальше с этим полякам было трудно, и виленский каштелян Воллович заявил, что необходимым условием для заключения мира может служить уступка русскими всей Ливонии. На это послы возразили, что об уступке Ливонии они и подумать не смеют и могут предложить королю еще один только замок Вольмар. Сенаторы возмутились: московский государь отнял у Речи Посполитой одним ударом обширные области, а теперь послы его как бы в насмешку уступают по одному замку. Кончилось тем, что король пригрозил посольству отправкой назад, если оно будет дальше поступать подобным образом. Но угроза не произвела желанного впечатления; поэтому пере-

говоры были прерваны, и послы под стражей были отвезены за Вислу, в местечко Брудно.

Король прервал переговоры, но приводить угрозу в исполнение считал еще пока делом преждевременным. Посольству даже была дана 13 февраля особая аудиенция, и устроен был еще один раунд переговоров, но и он не привел ни к какому результату. К прежним уступкам послы прибавили еще крепости Режицу, Люцен и Мариенгаузен, потом согласились отдать королю все те крепости, которыми Иван завладел в Ливонии со времени вступления Батория на польский престол, однако при условии возвращения царю крепостей, которые Баторий завоевал в прошедшем году.

После этого поляки снова прервали переговоры, заявив, что больше говорить им с послами не о чем. 16 февраля был отпущен на родину гонец Репчук Климентьев, с которым Баторий отправил Ивану письмо, где писал, что, пока в Ливонии остаются царские люди, разговора о мире быть не может. Затем отправились восвояси послы. Напоследок пытались спасти положение, они попросили о еще одном совещании с сенаторами и заявили на нем, что готовы уступить в обмен на перемирие — вопреки своим полномочиям — также замки Салис и Перкель. Но эти их предложения были отвергнуты, как и все предыдущие. Мало того, при прощальной аудиенции Баторий дал им понять, что теперь одна Ливония его не удовлетворит, ибо он считает своей собственностью Северскую область, Смоленск, Псков и Великий Новгород. Это не было со стороны Батория простой дипломатической угрозой, высказанной с целью, чтобы сделать противника уступчивее; в случае польского успеха на театре войны именно передача полякам этих русских земель могла стать условием для заключения мира⁷⁸.

Несмотря на переговоры, военные действия не прекращались. Зимой 1580 года Филон Кмита устроил экспедицию под крепость Холм в отместку за нападение, которое произвели холмские казаки на окрестности Великих Лук, где он был посажен начальником гарнизона. Отряд в 1000 с лишним человек под командой Вацлава Жабки напал на Холм в самый день Рождества Христова, зажег посад и опустошил его окрестности. Холмский воевода Петр Иванович Барятин-

ский вступил было с Жабкой в переговоры, прося его уйти и людей не губить на том основании, что его государь хочет мир соблюдать и собирается отправить к королю посольство; в ответ на это Жабка потребовал выдать казаков, которые напали на окрестности Великих Лук. Барятинский ответил отказом. Тогда поляки после недолгой осады подожгли крепость и взяли в плен вместе с Барятинским меньшего воеводу Панакв, стрелецкого голову Михаила Зыбина, сотню детей боярских и 600 стрельцов.

В Холме польский отряд разделился на две части: одна направилась к Новгороду, другая — к Руссе, предаваясь грабежу, захватывая в плен жителей и убивая тех, кто оказывал сопротивление; первая часть дошла до города Дубно в двенадцати милях от Новгорода, вторая на расстояние в десять миль приблизилась к Руссе.

В это же время Георгий Сибрик, начальник гарнизона, стоявшего в Заволочье, овладел крепостью Воронечем, которая находилась при впадении реки Усовки в реку Великую. Жители Воронеча принесли уже присягу на подданство Баторию. Тогда московиты решили наказать горожан за это и вместе с тем не допустить, чтобы враг завладел крепостью. Но Сибрик, предупрежденный об их приближении, встретил русский отряд, разбил его и поставил в Воронече свой гарнизон.

Несколько позже, в марте 1581 года, Кмита, воодушевленный успехом нападения на Холм, напал на Руссу, которая славилась богатыми соляными варницами и обширной торговлей. Он не встретил никакого сопротивления, пробыл в городе три недели и, разрушив его до основания, возвратился назад с громадной добычей.

Успехи поляков были столь значительными, потому что жители большинства областей не только не сопротивлялись, но добровольно им подчинялись, а иногда даже брались за оружие против соотечественников. Таким образом, главным достижением этих рейдов были даже не трофеи, а передвижка границ Речи Посполитой на несколько десятков миль в глубь территории, которую русские считали своей.

Между тем Иван не принимал действенных мер для защиты своих владений от врага; он даже вывел войска из по-

граничных областей, заперся в Александровской слободе и с прежним упрямством продолжал рассчитывать на успех своих обычных дипломатических переговоров, хотя положение государства было весьма печально; государственные чины, созванные им в конце 1580 года с той целью, чтобы решить вопрос, продолжать войну или заключить мир, заявили, что воевать с врагом нет у государства ни сил, ни средств, и просили царя помириться с Баторием. Однако политика царя по-прежнему оставалась невнятной. Он рассчитывал — тщетно, как и предыдущем году, — на то, что сейм не поддержит Батория, и, значит, у короля просто не будет денег на ведение войны. Больше того: Иван, похоже, надеялся, что в случае необходимости сможет сорвать сейм. С этой целью он содержал в Литве агентов, которых выдал королю боярин Давид Бельский, бежавший от царя к Баторию⁷⁹.

В переговорах своих с королем царь придерживался прежней тактики. Новое посольство, во главе которого стояли дворянин и наместник муромский Евстафий Михайлович Пушкин, дворянин и наместник шацкой Федор Андреевич Писемский и дьяк Иван Андреев, прибыв к Баторию в Вильну 24 мая, повело переговоры обычным порядком: сначала сообщило о готовности уступить королю города Румборк и Вольмар, потом еще два-три замка и наконец заявило, что царь отдаст всю Ливонию, за исключением Нейгаузена (Новгородка), Нейшлоста (Серенска), Неймюлена (Адежа), Ругодева или Нарева, и желает, чтобы король возвратил ему Великие Луки, Холм, Велиж и Заволочье в обмен на Полоцк, Озерище и Усвят. На это Баторий выдвинул свои условия. Главным в них было то, что Ливония должна быть уступлена со всеми замками и всей артиллерией, какая только в них находится. Король соглашался возвратить царю Великие Луки, Холм и Заволочье, но Себеж, стоящий на полоцкой земле, по его мнению, следовало разрушить, за что, в свою очередь, король готов был сжечь крепость Дриссу, находящуюся напротив Себежа. Кроме того, Баторий потребовал, чтобы Иван оплатил его военные издержки в сумме 400 000 злотых и согласился не на перемирие, как того хотел царь, а на вечный мир. При этом Баторий выражал желание договариваться

окончательно лично с Иваном, для чего предлагал съехать-ся в каком-нибудь пограничном пункте.

Условия, предлагаемые стороной, вполне давали основу для заключения соглашения, но мешало одно обстоятельство: ни Иван, ни Баторий не могли отказаться от владения Нарвой. Целью короля было любыми средствами прервать прямое сообщение русских с Западной Европой; отдать Нарву значило для него поступиться едва ли не самым важным смыслом войны. Но и Иван, для которого война была прежде всего способом сохранить пути в Европу, тоже не мог поступиться Нарвой. К тому же в это время у него появилась надежда на более счастливый поворот дел в войне. Люди царя в Литве и Польше доносили ему, что король плохо готов к продолжению борьбы, что у него собрано мало войска, что внимание его могут отвлечь дела в Трансильвании, возникшие вследствие смерти трансильванского воеводы, его брата, и т. п.

Все это так приободрило Ивана, что он сделал попытку начать наступательные действия. По его приказанию войско числом в 45 000 человек совершило нападение на Оршанскую область. Были сильно опустошены окрестности Дубровны, Орши, Шклова, сожжены предместья Могилева⁸⁰. Все это сильно обеспокоило Батория; тем более что его армия еще не была готова. Он планировал двинуться в поход еще в мае, но пришлось отложить выступление до 20 июня, поскольку солдаты требовали уплаты выслуженного жалованья; сумма долга простиралась до 300 000 злотых. Сбор налогов, как всегда, происходил с задержкой, денег не хватало, и Баторий принужден был, как и в прежние годы, делать займы. Анспахский маркграф и бранденбургский курфюрст ссудили ему по 50 000 злотых, а маркграф еще и подарил 30 000 злотых. С помощью этих средств Баторий преодолел все затруднения и отправился в Вильну, где собралось значительное число воинов; одних венгров прибыло свыше 10 000 человек. Тем не менее Баторий был недоволен тем, как собирается армия.

Цель кампании хранилась в тайне. Никто, кроме Батория и Замойского, не знал, куда будет направлен удар, и только догадывались, что целью его будет Псков.

15 июля король двинулся из Дисны в Полоцк; по пути к его армии присоединялись новые отряды. Лишь только он прибыл в Полоцк, явился гонец Христофор Держек, которого он отправлял к Ивану с предложением своих условий в ответ на условия, предлагаемые последним посольством царя. Иван прислал Баторию с гонцом столь длинное письмо, что король не преминул заметить, что, вероятно, царь описывает события, начиная с самого Адама. Но главным в этом письме была, конечно, не его длина, а то, что оно полно было обвинений всякого рода и по тону весьма оскорбительно.

Царь припоминал события со вступления Батория на престол. Дескать, королевские послы, Станислав Крыский со товарищи, написали перемирную грамоту и крест на ней целовали. Иван отправил после того своих послов в Польшу для скрепления договора. Но один из них, Карпов, умер в пути, и царь выражал подозрение, что смерть посла была насильственной. Остальных послов король принял выскомерно: против имени его, Ивана, не встал и об имени его не спросил; поэтому послы и посольства не правили. Затем Баторий прислал к нему гонца Петра Гарабурду с «бездельною грамотою», чтобы перемирный договор был изменен и таким образом нарушено крестное целованье. «Не по христианскому обычаю захотел еси делати», — писал Иван, замечая, что нарушение присяги не допускается и в «бусурманских государствах»; не допускали ничего подобного и предшественники Батория. Но и после этого Иван увещевал короля через своего гонца Андрея Михалкова закончить мирный договор. Но Баторий не послушался и, сломав присягу послов своих, «выбил» царских послов из своей земли, как злодеев. Затем, прислав гонца своего Лопацинского с грамотой, в которой про царствование Ивана были написаны многие неправые слова, король пришел под Полоцк, отчину Ивана, с его изменниками Курбским, Тетериным, Заболотским и иными и взял крепость изменой. Мало того, город Сокол был сожжен новым умыслением, причем над мертвыми произведено было поругание, какое неизвестно и неверным. «Люди твои, — говорит Иван, — собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лучших мертвых, да у них брюха взрезывали, да сало

и желчь выймали, как бы волховным обычаем. Пишешься и зовешься господарем христианским, а дела при тебе делаются неприличные христианскому обычаю». Последующих послов Ивана принимал Баторий чрезмерно гордо, с такими укоризнами, каких царю не приходилось слышать ни от турецкого, ни от иных государей. Мало того, приказав послам явиться к Великим Лукам, король стал добывать крепость и в то же время требовал, чтобы послы посольство правили. «И тут которому посольству быть! — восклицает Иван. — Такая великая неповинная кровь христианская разливается, а послом посольство делати!.. Такой непобоязности ни в бесерменских господарствах не слышано, чтобы рать билася, а послы посольствовали... И волочил еси наших послов за собою осень всю, да и зиму всю держал еси их у себя, и отпустили еси их ни с чем, а тым всем нас укоряя и поругаяся нам».

Далее Иван высмеял последние условия, предложенные Баторием, и защищал, призывая в помощь историю, свои права на Ливонию. Он-де государь наследственный, а Баторий пришлец только. И этот пришлец осмеливается не только отнимать у него наследственные владения, но требует еще выхода, то есть уплаты издержек. «А за что нам тебе выход давати, — спрашивает Иван. — Нас же ты воевал, да такое плененье учинил, да на нас же правь убыток. Кто тебе заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтоб ты пожаловал воевать. Правь себе на том, кто тебе заставлял воевать, а нам тебе не за что платити. Еще пригоже тебе нам тые убытки заплатити, что ты напрасно землю нашу приходя воевал, да и людей всех даром отдать».

На следующий день после прибытия Держежа явился в Полоцк и московский гонец, привезший литовским сенаторам от московских бояр письмо с просьбой посодействовать установлению мира; Баторий в этом письме обвинялся в нарушении присяги и происходящем кровопролитии.

Король, несмотря на оскорбления, которые нанес ему Иван, переговоров не прервал. Но теперь московские послы отказывались от прежних своих предложений и соглашались уступить Речи Посполитой только четыре замка в Ливонии и города в Курляндии.

На следующий день, 19 июля, к послам явился папский нунций Антонио Поссевино, которого они приняли с большими почестями — вышли ему навстречу из своего шатра на далекое расстояние и после при всяком упоминании имени папы привставали со своих мест. Однако все убеждения Поссевино заключить мир на условиях Батория не увенчались успехом. Послы стояли на своем, не отступая ни на йоту от своих последних предложений. После того как Поссевино, возвратившись к королю, доложил о результате беседы с послами, Баторий снова дал им аудиенцию, но уже прощальную. В присутствии и от имени короля виленский воевода объявил им, что король, принимая во внимание пренебрежение к своей особе от их князя, который присылает столь изменчивые предложения, имеет основание искать возмездия на их особах, ибо они по своим поступкам не послы, а шпионы, но, будучи христианским государем, этого он не сделает; он предпочитает по отношению к ним проявить милосердие.

Послам напомнили, что прежде они готовы были уступить всю Ливонию и спор велся только о нескольких ничтожных городишках, из-за которых они и послали гонца к своему государю, подавая надежду, что и эти города будут их государем уступлены. А в это время их государь послал своих людей опустошать королевские области, в которых они немало вреда произвели и немало умертвили людей невинных, чего король московским людям не делал; тех, которых он брал в плен, не убивали, а принимали на королевскую службу, если они того хотели; тех же, которые не желали, король без всякой обиды отпускал в свою землю. Впрочем, те, которые вторглись в королевские пределы, не много нарадовались, так как получали достойное возмездие, лишь только встречались с королевскими людьми. Король, взяв себе на помощь справедливого и всемогущего Бога, постарается возмездие получить не на их ничтожных посольских особах или убогих людях, но на том, кто повыше их. Дело теперь пойдет уже не об одной ливонской земле, но обо всех владениях их князя.

Выслушав эту речь и ударив королю челом, послы покинули аудиенцию, не сказав ни слова. При иных условиях Баторий давно бы отправил их назад, но в те дни ему приходилось считаться с разного рода обстоятельствами. В распрю

его с царем вмешался папа, и он, как добрый католик, не мог оставить без всякого внимания того, чего желал от него глава католической церкви. Во-вторых, даже его ближайшие советники колебались, когда дело касалось войны — продолжать ее или нет. Были такие, кто предлагал заключить мир на условиях, предложенных в последний раз Иваном. Если идти в пределы Московского государства, говорили они, придется там зимовать. Как же быть в этом случае с солдатами, которым нечем станет платить? Впрочем, эти люди были в меньшинстве.

На оскорбления, нанесенные Иваном, Баторий ответил не менее резким письмом. По его поручению ответ царю составил Замойский. По оскорбительности выражений это письмо далеко оставило за собой то, что написал Иван. Король вспоминал ход событий со своего вступления на престол, опровергал все обвинения, которые царь на него возводил, и, в свою очередь, обвинял Ивана в клятвопреступлении, ненасытности и высокомерии, прибавляя к этому сильные выражения об разврате и жестокости. Ивану достаются такие прозвания, как «ядовитый клеветник чужой совести и плохой страж своей собственной», «палач людей, а не государь», «Каин», «Фараон», «Фаларис», «Ирод», «Нерон»; жизнь его, обычаи и дела называются гнусными и языческими и т. п. В заключение, в издевку над трусостью Ивана, следовал вызов на поединок. «Возьми оружие, — говорит король, — сядь на коня, сойдишь со мною в избранный, урочный час, покажи, каков ты муж и насколько ты доверяешь правоте своей; рассудим наш спор мечом, чтобы меньше кровь христианская проливалась».

Вместе с этим письмом Баторий послал Ивану сочинения иностранцев, побывавших в Московии и изобразивших московские нравы в непривлекательном виде, а жестокость царя — самыми яркими красками.

Но прежде всего короля, конечно, заботило доказать правоту своего дела силой оружия. Надежды его на счастливый исход борьбы постепенно оживлялись, так как армия, хотя и медленно, увеличивалась.

21 июля Баторий из Полоцка отправился в Заволочье. Ехать пришлось, как и прежде, через обширные леса, но те-

перь без всяких затруднений, ибо дороги были исправлены, через реки перекинута мосты, а в болотистых местах устроены гати. Жизнь Батория во время пути отличалась поразительной простотой. Свита его состояла из нескольких лиц, обозного и подскарбия. На ночлег разбивали ему небольшой шатер, в котором не было ни скамьи, ни стола. Ковра не было и в помине. Постель вместо матраца устраивали на березовых листьях и хворосте. Будучи в дороге, король весьма беспокоился, что солдаты собираются слишком медленно. Особенное нерадение выказывали литовцы, которые отговаривались тем, что не имеют денег на снаряжение⁸¹. Правда, 28 июля жмудский староста Ян Кишка привел в Заволочье отряд в 300 хорошо одетых и вооруженных всадников.

В Заволочье Баторий устроил военный совет. Предстояло решить, идти на Новгород или Псков. Завладеть любым из этих городов значило принудить врага к принятию желательных для Речи Посполитой условий мира. Путь к Новгороду был опаснее. Расстояние до него было больше, чем до Пскова; с громадным войском и тяжелой артиллерией достичь его казалось делом непростым, а кроме того, отступление от Новгорода в случае неудачи грозило катастрофой, поскольку тыл армии здесь не защищала бы ни одна крепость⁸².

Эти доводы привели к решению идти на Псков, невдалеке от которого, на расстоянии не более шестнадцати миль, находилась крепость Воронеч, уже занятая Баторием; к тому же к Пскову вели удобные пути. С взятием Пскова врагу был бы отрезан доступ к большей части Ливонии, не считая того, что потеря этого города, славного своим богатством и многолюдством, стала бы для русских сильным моральным ударом. Сразу решили: если осада Пскова затянется, зимовать под его стенами, а продовольствие добывать набегами на неприятельские области. Поднят был также вопрос о крепостях, лежавших поблизости к Пскову, из которых самыми важными были Себеж, Опочка и Остров.

Первую отделяли от маршрута похода обширные, непроходимые леса; поэтому опасность, исходящая от нее, представлялась ничтожной, и решено было ее не трогать. Такое же решение было принято и относительно Опочки: во-первых, ее было легко обойти; во-вторых, действия сидящих

в ней русских можно было без труда контролировать из Заволочья и Воронеча. Таким образом, реально угрожал успеху похода один только Остров, которым и решено было овладеть.

В Заволочье Баторий оставался до 30 августа. Здесь он произвел смотр отряду литовских татар в 600 человек под командой Гарабурды. Сюда же приезжал к нему из Витебска от трокского каштеляна ротмистр Зебржидовский с известием о том, что московский отряд, совершивший нападение на Оршанскую область, уже возвратился в Дорогобуж и что на восточной границе спокойно.

Прибыв из Заволочья в Воронеч, Баторий обнародовал дисциплинарный устав, который был прочтен и отдан на обсуждение ротмистрам. Они не одобрили только одну статью, запрещающую солдатам покидать лагерь по домашней надобности. При этом ротмистры обещали, если на то будет необходимость, остаться зимовать на неприятельской земле. Кроме того, они выразили желание узнать, кто будет великим гетманом, и просили еще раз, чтобы жалованье уплачивалось в срок. Король сразу согласился удовлетворить их первую просьбу; тут же обещал, что скоро они узнают имя гетмана, и сказал, что приложит все усилия, чтобы деньги солдатам выдавались исправно.

Должность великого коронного гетмана Баторий предложил Замоискому. Тот начал было отказываться, говоря, что он не подготовлен к ее исполнению и что для него это слишком высокая честь. Но Баторий не захотел его слушать. На следующий день, 11 августа, король сообщил о своем желании сенаторам и получил от них одобрение, после чего о назначении Замоиского объявили ротмистрам. Когда надворный маршал Андрей Зборовский делал это объявление, он не сказал, как долго будет новый гетман исполнять свои обязанности: временно, только в течение предстоящей кампании, или бессрочно. Но все догадывались, зная близость Замоиского к королю, что это пожизненное назначение.

Назначив гетмана, Баторий произвел смотр собравшимся войскам. Замоиский при этом сам расставлял полки, обходя их в одеянии со знаками достоинства канцлера и гетма-

на: в красной шляпе, украшенной пером, с печатью на шее и со знаменем на копье. Войско в итоге оказалось довольно многочисленным, оно было хорошо вооружено и, несмотря на утомительный поход, имело бодрый вид. Особенно выделялся отряд Замойского, солдаты которого носили в этом году уже не черные траурные, а голубые одежды. Литовские папы также привели с собой значительные силы⁸³.

В тот же день армия выступила в поход двумя колоннами. Справа двинулись литовцы, к которым король присоединил гвардию под командой Нищицкого. Разделение на две колонны произвели из-за известия, будто где-то недалеко появился большой отряд татар. Литовцы при поддержке гвардии должны были принять их удар. Известие оказалось верным, но татары, узнав, что идет многочисленное войско, отступили к Пскову.

Авангардом главного корпуса, состоявшим из четырех рот конницы и двух рот пехоты, командовал радомский каштелян Станислав Тарновский. Ему приказано было идти под Остров и взять эту крепость. За Тарновским следовал брацлавский воевода Збаражский со своим отрядом и частью венгров. Он имел поручение соединиться у Пскова с литовцами, встать на дороге и не пропускать подкреплений в город.

Спустя два дня, 15 августа, выступил в поход Замойский; за ним, на следующий день, двинулся король, за которым в арьергарде следовал Фаренсбах со своими немцами.

Армия от Воронеча шла по стране населенной, изобиловавшей съестными припасами, так что лишений не испытывала. Но крестьяне с приближением воинства Батория убежали из своих деревень; в избах оставались только старики да немощные.

Крепость Остров находилась на острове посреди реки Великой, построена она была из камня, имела толстые стены, на которых по углам возвышались четыре башни, и на вид казалась неприступной. Когда жители Острова узнали, что враг близок, они сожгли, как обычно русские делали, город — при этом погибли две церкви и три мельницы — и сами все ушли в крепость.

Радомский каштелян расположился под крепостью и открыл псковскую дорогу, а Уровецкий с двумя ротами пе-

реправился через реку Великую и подвел шанцы к крепостным стенам.

17 августа прибыл к Острову Замойский, осмотрел, не сходя с лошади, крепость и, выбрав место для лагеря, вернулся к королю. На вид крепость казалась неприступной. После его доклада Остров пожелал осмотреть сам Баторий; он приехал вместе с Замойским вечером того же дня и разглядывал крепость, пока совсем не стемнело.

На следующий день Замойский послал островскому гарнизону грамоту с требованием сдачи. Осажденные ответили отказом. «Почему вы себе не построили своих замков? — кричали они со стен. — Зачем приходите брать наши? Но тут вам не Заволочье и не Невель...» Свои слова они подкрепили выстрелами, причем весьма меткими: потери в отряде Уровецкого, занявшего позиции ближе всего к крепости, составили только убитыми сорок человек. Ответную стрельбу, способную нанести противнику урон, поляки и венгры начали спустя больше чем через сутки, на рассвете 19 августа, когда были поставлены пушки. Венгры били по восточному углу крепости, поляки — по западному. Непрерывно стреляя в течение двух дней, те и другие сделали проломы, и можно было идти на приступ⁸⁴, но Замойский, желая сберечь солдат, неожиданно от приступа отказался; интуиция подсказала ему, что осажденные теперь станут сговорчивее.

Расчеты Замойского оправдались. Осажденные очень верили в свои каменные стены; они знали, что Баторию удавалось до сих пор зажигать только деревянные замки, и полагали, что при наличии каменных стен находятся в безопасности. Поэтому проломы в стенах привели их в уныние; после коротких переговоров вечером 21 августа крепость сдалась на милость победителя. Главное условие сдачи состояло в том, что русским позволят уйти со всем своим имуществом, причем обещан был свободный пропуск под защитой солдат Батория на протяжении нескольких миль.

Утром 22 августа русские покинули крепость. В крепости оказалось 100 боярских детей, 200 стрельцов, 1500 обычных горожан. Когда они толпой вышли за стены, солдаты бросились на них и ограбили до последней сорочки, так что на

несчастных побежденных жалко было смотреть⁸⁵. Из вооружения королевскому войску досталось пять пушек, много гаковниц и ручниц, а пороху столько, что победители возместили с излишком тот, который издержали при осаде.

В Острове Баторий оставил венгерский гарнизон, что вызвало неудовольствие среди поляков, которые приписывали себе главную заслугу при взятии крепости, а потому считали отдачу ее венграм несправедливой. Остальная армия двинулась к Пскову; дальше ей предстояло идти по местам бедным и малонаселенным.

Состоящий из венгров авангард армии, которым командовал Збаражский, прибыл под Псков 20 августа. После переправы через реку Череху солдаты были разделены на три отряда. Один направился прямо к Пскову, два других укрылись в засаде. Первый отряд, встретившись с крупным неприятельским разъездом, стал отступать. Русские пустились преследовать венгров, попали в засаду и вынуждены были бежать под защиту крепостных стен. Во время этого боя захвачены были в плен двое детей боярских, которых отправили к королю. На допросе они дали такие показания относительно псковского гарнизона. В крепости находилось 2500 стрельцов, 1000 всадников, 500 донских казаков под командой дяди и племянника Шуйских.

24 августа к Пскову подошли передовые отряды главного корпуса армии Батория и начали уже разбивать палатки на берегах Черехи, как прискакал к Замоискому радомский каштелян Станислав Тарновский с сообщением, что псковитяне сделали вылазку из города и Збаражскому приходится туго. Замоиский приказал как можно скорее идти на помощь брашлавскому воеводе. Оказалось, что Збаражский пустился на хитрость, чтобы выманить псковский гарнизон из-за стен города и нанести ему чувствительный удар. С этой целью он спрятал часть своего отряда в разросшемся кустарнике в трех верстах от города, а с остальными направился к крепости. Когда из крепости бросились на него татары, Збаражский отступил, заманивая их к кустарнику. Татары вот-вот должны были попасть в смертельную ловушку. Но сидевшие в засаде венгры не выдержали и раньше времени кинулись на татар. Тем самым все смешалось, первоначальный замы-

сел был опрокинут, и отряд Збаражского понес чувствительные потери, тогда как татары без большого ущерба отступили под защиту выстрелов с крепостных стен.

25 августа Замойский переправился со своим отрядом на другой берег Черехи. Мостов не было, пришлось идти вброд. Русские могли во время переправы причинить неприятелю немалый вред, чего очень опасался Замойский, однако они не воспользовались благоприятными для себя обстоятельствами.

Весь оставшийся день Замойский посвятил осмотру города, причем подъезжал к стенам весьма близко, не обращая внимания на опасность — в него несколько раз стреляли из пушки. Мало того, неприятель даже мог захватить его в плен. Когда польский гетман оказался перед городскими воротами, оттуда выехал отряд всадников. Спасла Замойского находчивость: против всякой логики он остался на месте. Видя это, русские заподозрили засаду и сами остановились в недоумении; между тем на выручку гетману поспешили польские солдаты, и русские, так и не узнав, что могли захватить в плен неприятельского главнокомандующего, вернулись в крепость.

Весь день 26 августа Замойский посвятил изучению окрестностей Пскова, выбирая подходящее место для лагеря. В этот день переправился через Череху и Баторий.

Город Псков делился рекой Великой, текущей с юга на север, и Псковой, впадающей здесь в Великую в направлении с востока на запад, на три части: Завеличье, находившееся на левом, западном берегу Великой, Запсковье, лежавшее на правом, северном берегу Псковы, и собственно город, расположенный между Великой и Псковой. Завеличье представляло собой, вероятно, самое древнее городское поселение; оно никогда не было обнесено крепостными стенами. Они шли только вокруг Запсковья и собственно города; кроме того, внутри города были стены, которыми он делился на четыре части: детинец, Домантову крепость, средний и окольный город. Прежде всего был построен детинец при впадении Псковы в Великую; он имел вид треугольника. Затем были проведены вдоль этих рек стены, которые князь Довмонт соединил в 1266 году поперечной

каменной стеной. Так образовалось к югу от детинца особое укрепление, называвшееся Домантовой крепостью. Затем, когда население Пскова выросло, к югу от этой крепости были сооружены вдоль Великой и Псковы две стены, которые посадник Борис соединил в 1309 году новой поперечной стеной из камня. Таким образом возник город, который стал называться потом средним. К нему примыкал окольный город. В XVI веке городские стены были уже все каменные и представляли собой весьма внушительные сооружения толщиной в две или две с половиной и высотой в три сажени. На них высились еще более высокие, до десяти саженей, и обширные, двенадцать саженей в диаметре, круглые башни, число которых простиралось до 37. Для нашего рассказа особенно интересны две из них, Покровская и Свинуская, находившиеся на наружной стене окольного города, первая у самой реки Великой, вторая — на некотором расстоянии от первой к востоку. Башни состояли из пяти-шести ярусов и были покрыты деревянными крышами; над амбразурами в стенах имелись козырьки, также деревянные. Наружная стена вокруг всего города была длиной девять с половиной верст.

Численность гарнизона в крепости достигала 50 000 человек пехоты и 7000 конницы⁸⁶. Сверх того, на помощь городу могли явиться войска из Великого Новгорода, Ржева и других городов, ибо в целом армия Ивана была многочисленна — она достигала 300 000 человек. К этому надо прибавить еще и то обстоятельство, что Псков был снабжен в изобилии порохом, снарядами и продовольствием.

Между тем вся армия Батория состояла из 30 000 человек⁸⁷ и, следовательно, была по численности меньше псковского гарнизона. Поэтому о взятии Пскова штурмом нечего было и думать, тем более что пришлось бы брать как минимум четыре стены одну за другой. Оставалось надеяться на то, что удастся взять город измором после долгой осады. Но для успешной осады надо было иметь гораздо больше пехоты и гораздо больше пороха⁸⁸. Предприятие могло затянуться до зимы, что грозило дополнительными трудностями. Солдаты служили, собственно, даром, только в надежде на получение жалованья, что, конечно, не располагало их к усердному ис-

полнению обязанностей; был риск, что в какой-нибудь трудный момент они побросают оружие и отправятся по домам. Все это заставило Батория еще раз взвесить все «за» и «против». Он даже стал подумывать о том, чтобы изменить план кампании и, оставив временно Псков в покое, идти на Новгород, но решил этого не делать, опасаясь столкнуться и там с похожими трудностями. Ясно было, что, принимая решение идти на Псков, учли не все, что необходимо было учесть, но отступать теперь уже поздно было.

Баторий намеревался сначала расположить свой лагерь близко к крепости, на реке Пскове. Он уже отправил на выбранное место часть обоза и полк под командой гнезненского каштеляна, но из крепости, как по заказу, открыли плотную стрельбу, и он оставил это намерение⁸⁹. Лагерь был устроен спустя два дня в местности к востоку от города, за речкой Промежицей, на расстоянии четырех верст от стен Пскова. Это место, у монастыря св. Пантелеимона, с тех пор называется Становищем.

27 августа прибыли новые отряды: герцог Курляндский прислал 150 всадников, Фаренсбах привел 1600 пехотинцев и 150 всадников. В этот же день король послал в город грамоту с предложением сдать добровольно. Осажденные приняли письмо и заявили, что дадут ответ через пять дней. Король и его окружение сочли это за хорошее предзнаменование, но ошиблись, в чем убедились уже на следующий день. 28 августа осажденные сделали неожиданную вылазку и напали на отряд венгров. В стычке несколько русских были убиты, а четырех стрельцов взяли в плен. На допросе они показали, что Шуйские решили защищаться до последней крайности и что в городе всего вдоволь.

День 29 августа был ознаменован множеством мелких стычек, вызванных тем, что воины из армии Батория, чтобы выказать свою удалость, подступали слишком близко к крепости. Они подвергали себя таким образом немалой опасности, и, действительно, часть из них поплатились жизнью, а некоторые были захвачены в плен. При появлении относительно больших групп врага псковитяне стреляли громадными ядрами, иногда весом более 50 фунтов. Это обстоятельство возбуждало в короле сильную тревогу; у него являлось опасение,

что осадные прикрытия, обыкновенно устраиваемые для защиты солдат от неприятельских выстрелов, не устоят против таких ядер.

Замойский запретил воинам проявлять бесполезное геройство. Это, говорил он, все равно что пытаться опрокинуть стену копьем или пробить ее головой; тот, кто зря подставляет себя под неприятельскую пулю, доказывает отнюдь не мужество, а отсутствие ума. Кто же хочет по-настоящему сослужить службу Речи Посполитой и королю, пусть подождет штурма и внесет свое имя в список добровольных его участников. Другим своим приказом Замойский назначил своим заместителем Януша Збаражского, ибо сам не мог поспевать всюду, где присутствие начальника было необходимо. Кроме того, чтобы разрешать споры, которые возникают между солдатами, в особенности между представителями разных национальностей, канцлер учредил особые суды, сохранив для тех, кто участвует в тяжбах, право апелляции к гетманам и к королю.

В течение следующих трех дней вся армия занята была подготовкой хвороста и плетением шанцевых корзин, а в ночь с 1 на 2 сентября начали рыть траншеи: венгры вдоль реки Великой против Покровской башни, поляки поблизости от них — против Свинусской⁹⁰. Солдаты успели в одну ночь приблизиться к самым стенам крепости, причем работу свою производили так тихо и осторожно, что русские заметили происходящее с большим опозданием. Сразу же они открыли стрельбу, которую не прекращали до самого утра, а на рассвете сделали вылазку в надежде выбить врага из траншей, но получили отпор.

Работа над устройством траншей продолжалась четыре дня. Почва была каменистая, но солдаты работали с замечательным усердием, не смущаясь опасностью, угрожавшей им со стороны защитников крепости, которые, пытаясь в зародыше уничтожить возводимые укрепления, скатывали со стен громадные камни, стреляли большими ядрами весом до 70 фунтов и малыми, раскаленными. При этом они без остановки бранились и кричали со стен: «Где тут вам победить нас! Мы зароем вас, как собак, в тех ямах, которые вы копаете».

Больше всего страдали солдаты Батория от раскаленных ядер, однако осадных работ не прекращали. Что характерно, строили укрепления только венгры и поляки, а немцы от этого дела уклонились, заявив, что не возьмут в руки кирки и лопаты, пока им не будет уплачено жалованье. Отчасти их можно было понять: снабжение немцев оказалось организовано хуже других, они голодали, и доходило до того, что не стыдились побираться.

Замойский проявлял во время осадных работ свою обычную энергию, распорядительность и неустрашимость, что, конечно, подбадривало солдат.

Всего проведено было пять траншей вдоль крепости и семь — поперек, причем соединили их так, что солдаты легко могли сообщаться между собой и приходиться друг другу на помощь. В ночь с 5 на 6 сентября поляки и венгры установили в траншеях орудия, а 7 сентября открыли по городу стрельбу. Польские и венгерские батареи имели по восемь пушек, но стрельба производилась только с трех батарей, одной польской и двух венгерских; кроме того, венгры стреляли с батареи, устроенной за рекой Великой. Поляки, которыми командовал Уровецкий, направляли выстрелы в стену возле Свинусской башни, венгры, под командой Борнемисы и Иштвана, — вблизи Покровской. Канонада велась непрерывно и ожесточенно, стены осыпались, и пыль застила округу. Русские энергично отстреливались; однако в этой артиллерийской дуэли поляки и венгры все-таки были удачливее и вынудили русских из опасения, что орудия будут разбиты, убрать их со Свинусской и Покровской башен.

Венгры, начав стрелять раньше, брешь в стене также сделали чуть раньше поляков и готовы были тотчас же броситься на приступ, но Замойский их остановил. Он держался того мнения, что следует подождать, пока поляки тоже проломают стену, чтобы атаковать сразу в двух местах, а пока приказал венграм расширить выстрелами брешь. Баторий, который поначалу склонялся к немедленному штурму, согласился с канцлером, хотя большинство из его окружения выступало за немедленную атаку.

Между тем венгры рвались на приступ. Чтобы воздействовать на короля, привели к нему гайдука, который подкрал-

ся к бреши, сделанной венграми, и хорошенько осмотрел ее; по словам гайдука, взобраться к бреши по грудам щебня, отвалившегося в результате от стен, не составило бы труда. Замайский, Фаренсбах и Вейер не особенно поверили этому и посоветовали королю послать сначала к обоим проломам (к этому моменту поляки тоже проббили брешь) на разведку несколько десятков надежных солдат, а потом уже решать, идти ли на приступ, или нет. И король последовал их совету.

Когда стало известно, что готовится приступ, тотчас явились охотники идти в первых рядах. Они надевали поверх лат белые сорочки, вывешивали перед своими палатками знамена, чтобы дать знать о себе другим и таким образом составить отряд храбрецов. Перед штурмом каждый из них попрощался с товарищами и написал завешание.

Осажденные в это время усердно молились. Духовенство, находившееся в городе, обнесло вокруг стен чудотворную икону Успения Богородицы, осенило крестом и окропило святой водой те места в стенах, где сделаны были проломы. Воеводы расположили стрельцов напротив проломов и приказали у деревянной стены, устроенной внутри каменной, поставить орудия, чтобы стрелять напрямую по вражеским солдатам, которые появятся в проломах. У Свинусских ворот энергично распоряжались князь Андрей Иванович Хворостинин и Иван Петрович Шуйский; на состоявшемся военном совете русские решили биться до последней возможности.

Замойский разделил солдат, готовых идти на штурм, на три отряда: разведочный, собственно штурмовой и резервный. Разведочный отряд (двадцать поляков и пятьдесят немцев) получил приказ подойти как можно ближе к пролому, сделанному венграми, осмотреть его и, если возможно через него пробраться в город, подать криком сигнал, по которому штурмовые колонны пойдут на приступ. Первыми на штурм предстояло идти копейщикам, за ними была очередь пищальников, ждали своего часа пехота и конница.

Около полудня в лагере Батория раздался барабанный бой. По этому сигналу кавалерия выехала из лагеря и окружила город, а штурмовые колонны заняли свои позиции. Король остановился над рекой Великой, у венгерских траншей, в ме-

сте, куда не достигали неприятельские выстрелы. После того как произвели несколько залпов по стенам, чтобы согнать с них стрельцов, поляки из разведочного отряда отправились исполнять данное им поручение; вскоре они возвратились назад и донесли, что пройти в город можно.

Тогда пошли в атаку штурмовые колонны. Поначалу произошло замешательство; издали казалось, что брешь слишком мала и через нее большой массе людей войти в город невозможно. Однако вскоре был достигнут первый успех: венгры заняли Покровскую башню и вывесили на ней четыре знамени⁹¹. Затем и поляки, во главе со своими командирами Пенионжком и Стадницким, ворвались во вторую брешь и захватили Свинусскую башню.

Быстрый натиск напугал русских; они пустились бежать, но были остановлены воеводой Иваном Шуйским; не последнюю роль сыграл и вид мошей, икон и хоругвей, которые приказал вынести навстречу бегущим игумен Тихон, совершавший богослужение в соборной церкви св. Троицы. Стрельцы опомнились, возвратились назад и начали теснить тех, кто успел пройти через проломы. Венгры и поляки, занявшие башни, неожиданно очутились в очень сложном положении. Русские сумели поджечь обе башни. Под Свинусской башней пламя разгоралось сильно, и поляки отступили⁹², венгры же продержались до самого вечера. Потери королевского войска были значительны: одних поляков было убито по меньшей мере 500 человек; кроме того, пало много немцев и венгров; очень многие получили раны от камней, кольев и топоров⁹³.

Потери защитников крепости были еще больше: 863 убитых и 1626 раненых. Псковитяне легко могли бы укрываться от неприятельских выстрелов за валом, но, увлекаемые пылом сражения, они бросались в бой слишком опрометчиво, а потому и жертв принесли больше, чем следовало.

Неудача штурма⁹⁴ привела осаждающих в уныние, которое еще более усилилось оттого, что после штурма выяснился сильный недостаток пороха; из-за этого пришлось прекратить обстрел города⁹⁵. На следующий день созвали военный совет для того, чтобы обсудить дальнейший план действий. Решено было послать за порохом в Ригу и к герцогу Курлянд-

скому. Совет решил, что взять Псков приступом нет никакой возможности, а потому постановлено было принудить город к сдаче строгой осадой, то есть придерживаться того плана, который намечался уже в самом начале кампании и который, несомненно, имелся в виду самим Баторием. Замоиский предложил отпустить домой волонтеров, которые не готовы были к продолжительной службе и все равно могли покинуть армию, когда начнутся морозы; с отпуском их, говорил он, легче будет снабжать армию продовольствием. Однако Баторий с этим не согласился: он опасался, что уменьшение армии усилит надежды осажденных и сделает Ивана менее сговорчивым относительно условий будущего мира.

Псковитяне сильно воодушевились после отраженно-го приступа. На следующий день после него они повесили на городской стене взятого в плен венгра и при этом кричали солдатам Батория: «Видите, как висит ваш венгерец? Так и всех вас повесим». Грозили повесить и самого короля, крича: «Что это за король у вас? Не имеет ни зелья (пороха. — *Прим. ред.*), ни денег; приходите к нам, у нас и зелья, и денег, и всего много». И как бы в доказательство этого днем и ночью стреляли по неприятельскому лагерю, не нанося ему особенного вреда, поскольку портили только осадные корзины.

Пока королевское войско приходило в себя, русские деятельно работали над своими укреплениями. Против проломов в городской стене поставлена была деревянная стена с многими башнями, проведены новые рвы, и в них поставлен дубовый острог, заготовлены материалы для отражения нового штурма — между прочим, сеянная известь, чтобы засыпать глаза врагам.

15 сентября Замоиский получил известие, что по реке Великой движутся на судах на помощь городу москвиты; гетман выставил стражу, но все равно два московских судна проскользнули в город. Тогда Замоиский поставил на реке две барки и разместил в одной 100, а в другой 60 немецких пехотинцев; саму же реку перегородили бревнами и цепями⁹⁶.

В ночь с 16 на 17 сентября московский отряд пытался на 17 судах пробраться в город, но наткнулся на загражде-

ние и был разбит стражей. Московиты успели высадиться на противоположном берегу реки, но были встречены здесь венгерским отрядом, который стал преследовать. В погоню посланы были и польские всадники. Одни московиты были убиты, другие утонули; 150 человек попали в плен, в том числе и один воевода; другой воевода погиб в сражении⁹⁷; захвачены были и все суда, за исключением одного, которому удалось ускользнуть.

После штурма в лагере Батория наступило затишье: крепость не обстреливали за недостатком пороха⁹⁸. Королевская армия занялась устройством подкопов в трех местах, производя два подкопа без особенных предосторожностей, чтобы отвлечь внимание русских от третьего подкопа, о существовании которого даже в лагере Батория не многие знали. Узнав от перебежчика, где устраиваются первые два подкопа, псковитяне повели им навстречу свои собственные, ниже неприятельских, и взорвали их. Но и работа в тайном подкопе потерпела полную неудачу, поскольку солдаты уткнулись в скалу, которую невозможно было ни пробить, ни обойти; так что работу пришлось прекратить.

После этого решено было отставить все иные способы одолеть псковский гарнизон и ограничиться одной только осадой, то есть, с одной стороны, не пропускать в город подкрепления и продовольствие, а с другой — отражать вылазки из него. Когда стало ясно, что точно не миновать зимовки под стенами Пскова, король и именнейшие люди построили себе деревянные дома.

Солдатам же не оставалось ничего другого, как зимовать в землянках. Положение армии становилось все хуже: прошел всего месяц от начала осады, а она уже испытывала недостаток в сене, овсе, вообще в продовольствии, за которым приходилось посылать все дальше. Солдаты начинали поговаривать, что служить будут только до срока, обозначенного уговором. В неудачах винили Замойского; строгость его вызвала у многих ненависть.

А тут еще в довершение всех бед Замойский заболел и в продолжение двух недель почти не выходил из своего шатра. Дисциплина в войске сразу ослабела: ротмистры поговаривали между собой, что следует, минуя гетмана, обра-

щаться прямо к самому королю. Когда же гетман выздоровел и суровыми мерами положил конец всему этому, неудовольствие войска только усилилось.

Кто знает, как повернулось бы дело, если бы осажденные воспользовались всеми этими неурядицами и попытались нанести Баторию чувствительный удар. Но они действовали нерешительно, ограничиваясь стрельбой из крепости или непродолжительными вылазками, которые особенного вреда не причиняли.

В это время Иван послал Пскову из Новгорода новое подкрепление. В отряде под предводительством стрелецкого головы Никиты Хвостова было несколько сотен человек.

Замойский узнал о приближении отряда из отправленных в Псков писем самого Хвостова, который намеревался подойти к городу со стороны озера Пельба. Некоторое время стрельцы держались на одном из островов, а 2 октября высадились на берег. Стража из литовцев заметила их, но тем не менее передовой московский отряд, числом до 100 человек, под начальством Даниила Исленьева смог пробраться в город под покровом темноты. Однако Хвостову, который двигался со своим авангардом, сильно не повезло. Человек тучный, в темноте он отстал от стрельцов и, выйдя на рассвете из леса, спрятался в траве. Просидев так весь день, он уже думал, что спасен, но вечером 3 октября на него выехал отряд волынского воеводы Андрея Вишневецкого. Остальные стрельцы разбежались кто куда⁹⁹.

Вторую попытку проникнуть в город со стороны озера предпринял ночью 6 октября московский воевода Федор Мясоедов. Но когда его стрельцы, высадившись на берег, уже были у городских стен, их заметил литовский караул. Московиты были окружены; многие из них погибли, 150 попали в плен, а остальные, около 500 человек, во главе с Мясоедовым спаслись бегством¹⁰⁰.

Между тем положение армии Батория становилось все хуже и хуже. Весь сентябрь стояла прекрасная погода, но 1 октября ударили морозы, от которых сильно страдали солдаты, почти все не имевшие теплой одежды. Не хватало дров, из-за которых время от времени случались драки. В лагере стали происходить грабежи и воровство; особенно бесчин-

ствовали венгры. 9 октября Замойский призвал к себе ротмистров и потребовал пресекать любые нарушения дисциплины. При этом выразил готовность выслушать все жалобы и по возможности удовлетворить их.

Ротмистры стали жаловаться на то, что солдатам не платят денег, что у них нет тулупов и сапог, а лошади находятся на голодном пайке; кроме того, старослужащие солдаты ждут, что король исполнит свое обещание относительно раздачи открывшихся вакансий на различные должности. Жаловались также на неразбериху с назначением в караулы, из-за чего одни солдаты караулят постоянно, а другие вовсе не назначаются; поэтому караулов не хватает, и в некоторых местах, где приказано выставлять стражу, караульных нет вовсе.

Замойский пообещал сделать все, что сможет, но зависело от него, признаться, немногое. Он дал слово, что донесет их просьбы о выплате положенного содержания до короля, но знал, что платить королю нечем. Впрочем, ротмистры вышли от него приободренные уже тем, что смогли донести свои беды до высокого начальства. К тому же они услышали отчасти то, что хотели услышать, — что король не преминет обратиться за советом, как вести дальше осаду, не только к сенаторам, но и к офицерам.

Батерий и в самом деле устроил несколько совещаний с участием ротмистров, но толку от этого вышло мало. Мнения высказывались самые разнообразные. Одни советовали сделать пролом в другом месте и снова штурмовать крепость. Другие были категорически против этого, поскольку неудача могла привести к катастрофе. Иные, прежде всего литовцы, настаивали на отступлении, говоря, что солдаты не переисут морозов и недостатка продовольствия. Они ссылались на высокую смертность в войске от болезней уже сейчас — а что будет, когда придут настоящие холода и солдатский паек волей-неволей придется урезать? И даже то, что как раз в это время привезли порох из Риги, не развеяло подобного рода настроений; присланного пороха оказалось недостаточно, и выстрелы все равно приходилось экономить.

В разгар всех бесплодных споров прибыл из своей экспедиции под Псков трокский каштелян Христофор Радзивилл. Батерий послал его еще в начале июля из Дисны к Днепру,

чтобы отбросить неприятеля, опустошавшего Могилевскую и Шкловскую области. Но москвиты сами ушли в свои пределы, и Радзивиллу оказалось нечего делать в тех местах; он стал просить короля, чтобы тот ему разрешил преследовать отступающих врагов. Баторию не хотелось оставлять приднепровскую границу беззащитной, но он все-таки согласился удовлетворить просьбу Радзивилла. По инструкции, данной королем, трокский каштелян должен был идти к Дорогобужу, затем повернуть к крепости Белой и засесть у Холма, чтобы отвлекать силы русских, когда главная армия подступит к Пскову.

Радзивилл выступил в поход из Витебска 5 августа, но, узнав по пути, что в окрестностях Великих Лук, Усвята и Велижа действуют отряды москвитов, повернул к Велижу. Поход получился сложный: пришлось прокладывать дорогу через леса по топким местам; лошади не раз проваливались в трясины. Навстречу Радзивиллу выступил из Великих Лук Филон Кмита с 2000 всадников и Гарабурда во главе 600 татар, бывших в литовском войске. Два отряда встретились у Покровского монастыря, на берегах реки Немези, в расстоянии десяти верст от Торопца¹⁰¹.

Тут литовские фуражиры захватили в плен двух московских разведчиков, которые сообщили, что в трех милях находятся русские. Тогда Радзивилл выслал против них отряд в 700 легковооруженных всадников под начальством Богдана Огинского.

Авангард этого отряда встретил на своем пути четыре караула москвитов; первые три караула бежали, а четвертый принял бой. Бежавшие москвиты тем временем сообщили о приближении поляков своему войску, которое сумело подготовиться к встрече Огинского и едва не разбило его в пух и прах; положение спас командир польского эскадрона Иордан Спыткок, который со своими людьми весьма вовремя появился на поле сражения. Русские не выдержали неожиданного удара и обратились в бегство; поляки их преследовали. Во время этого сражения пала по меньшей мере сотня москвитов¹⁰².

От пленников Радзивилл и Кмита узнали, что значительные силы неприятеля собраны под Ржевом¹⁰³, и поверну-

ли к этому городу. Они разделили свой семитысячный отряд на три части: на левом фланге шли пешие казаки, на правом — татары Гарабурды, а центре расположились Радзивилл и Кмита с литовцами и поляками. Чтобы облегчить движение через лес, взяты были только небольшие орудия. Ко Ржеву подошли, нигде не встретив сопротивления¹⁰⁴. Затем Радзивилл повернул в сторону и остановился под Зубцовом, у Волги, в расстоянии пяти миль от неприятельского войска. Отсюда он отправил татарский отряд под началом Алимбека за Волгу, в направлении к Старице, где в то время находился сам Иван. Татары навели страху в окрестностях Старицы и подошли к городу так близко, что царь из окон дворца видел своими собственными глазами зарево пожаров от пылавших вокруг селений. Это сильно напугало Ивана, и он уснул ночью из Старицы свою жену и сыновей и хотел сам бежать¹⁰⁵. Войско, находившееся при нем, было весьма незначительно, поскольку он отправил 3000 человек на помощь Ржеву, не предполагая, очевидно, что враги осмелятся напасть на Старицу.

Иван отправил разведчиков, чтобы узнать, как велики силы неприятеля. Они захватили несколько татар и польских фуражиров, но сведения, добытые ими, особой ясности в происходящее не добавили. Иван не знал, что ему предпринять; замешательства ему добавило бегство постельничего Даниила Мурзы, который мог сообщить врагам сведения о затруднительном положении царя. Но Мурза представил силы Ивана в преувеличенном виде¹⁰⁶, и Радзивилл, боясь оказаться против многочисленного врага, отверг дерзкий план, составленный Филоном Кмитой, который предлагал напасть на царя и захватить его в плен¹⁰⁷. Вместо этого Радзивилл, согласно инструкции Батория, повернул к Холму. По пути экспедиция сожгла деревни Оковцы и Селижарово¹⁰⁸, обратила в бегство московский отряд, шедший из Торопца, и разбила наголову другой у какой-то Павловой горы¹⁰⁹.

У истоков Волги и Двины Радзивилл остановился на несколько дней, чтобы дать людям отдохнуть и произвести разведку местности. После этого он отправился к Дубну, где нанес поражение отряду стрельцов. Опустошив полностью

окрестности Торопца, он затем двинулся к Холму, а от него по берегу Ловати к Старой Руссе. Под этот город Радзивилл отправил 400 всадников, которые разбили московский отряд численностью в 1500 человек, которым командовал князь Оболенский, и самого воеводу захватили в плен¹¹⁰. Из-под Старой Руссы Радзивилл повернул к Порхову и отсюда прибыл под Псков, где его торжественно встретили литовцы с его отцом, виленским воеводой, во главе.

В сущности, надо признать, что экспедиция Радзивилла была простым набегом, который на ход кампании 1581 года оказал ничтожное влияние.

С прибытием трокского каштеляна несколько уменьшилась тяжесть караульной службы, поскольку повинность эту исполняли теперь и прибывшие воины. Но в целом армия Батория находилась в пренеприятном положении. Что было делать? Совещания по этому поводу продолжались. Замойский доказывал, что лучше перетерпеть холод и голод, чем отступить с позором. Литовцы же требовали возвращения домой; они назначили даже срок в восемнадцать дней, по истечении которых собирались удалиться из лагеря. Замойского это выводило из себя: он боялся, что, узнав о планах литовцев, псковитяне укрепятся духом. Он надеялся, что осажденные через месяц-два начнут страдать от голода. Армия Батория, доказывал он, наоборот, получит с наступлением морозов преимущество, так как фуражиры смогут по замерзшим болотам, рекам и озерам отправляться за продовольствием в те места, которых раньше они не были в состоянии достичь; поэтому съестные припасы и одежда будут, тем более что король послал в Ригу и Вильну требование к купцам, чтобы они привезли сукно и тулупы.

Литовцев, однако, все это не убеждало; они твердили, что чем дальше, тем положение королевской армии будет хуже, а русским с наступлением зимы легче будет доставлять в город подмогу. Литовские сенаторы предлагали отступить и возобновить военные действия будущим летом, когда, как они считали, лучше всего воевать с москвитями. Поляки же, в противовес им, заявляли, что готовы оставаться под стенами Пскова, пока русские не сдадутся.

Мужество солдат король и гетман пытались поддерживать личным примером. Замойский не раз бывал у самых траншей, куда доставал неприятельский огонь, подвергая свою жизнь опасности. Чтобы поднять боевой дух армии, было объявлено о подготовке еще одного приступа — хотя и без большой надежды на удачу. 27 октября за рекой Великой была поставлена батарея, с которой начали бить по городской стене в новом месте. Уже на следующий день была пробита дыра, но слишком узкая; кроме того, оказалось, что русские за каменной стеной построили еще одну, деревянную, шириной в сажень, отчего задача сделать пролом оказалась еще труднее. Тем не менее венгры попробовали расширить отверстие и даже совершили несколько атак, пытаясь зажечь деревянную стену. Но русские не дали им этого сделать: они осыпали наступающих, стоило им приблизиться к стене, пулями и камнями, обливали кипятком. Превосходство было на их стороне: на один выстрел венгров они отвечали десятью.

8 ноября венграм, которыми командовал Борнемиса, удалось обрушить значительную часть стены. Они бросились в образовавшийся пролом, но дальше этого дело не пошло, ибо за стеной оказались частокол и туры*, которые венгры тоже взяли, но потратили на это столько усилий, что дальше пройти не смогли и вынуждены были отступить. Весь успех в результате свелся к тому, что солдатами были захвачены и утащены обнаруженные между турами мешки с солью, которая к этому моменту была в лагере Батория на вес золота.

На следующий день Баторий объявил, что в скором времени отправится в Польшу, чтобы вернуться оттуда с укреплениями. Это вызвало сильное волнение в армии. Короля обвиняли чуть ли не в бегстве. Солдаты стали выказывать явное неповиновение и пренебрежение своим начальникам. Помочь могла бы выплата задержанного за долгое время жалованья, но денег не было. Из Варшавы привезли 60 000 злотых, которой едва хватило на жалованье наемному войску — венграм и немцам. Королю оставалось надеяться только на силу своего убеждения. Он опять собрал ротмистров и стал

* Тура — крупная деревянная конструкция, с верхней площадки которой велась стрельба по противнику.

убеждать их в необходимости зимовать под Псковом. Что денег нет, говорил он, в этом виноваты сборщики податей, которые нерадиво исполняют свои обязанности. Но лучше потерпеть, нежели подвергнуть себя большой опасности во время отступления. Псков — это ворота в Ливонскую землю, а поэтому, если принудить к сдаче этот город, вся Ливония достанется Речи Посполитой без пролития крови. Баторий взывал к патриотизму военных, но вряд ли эти его аргументы возымели бы действие, если бы не уверение, что скоро начнутся переговоры о мире и, следовательно, есть надежда на окончание военных действий. Как бы то ни было, король сумел уговорить офицеров, а те, в свою очередь, успокоили солдат.

Желая облегчить доставку армии продовольствия, Баторий задумал взять Печерский монастырь, бывший этою серьезной помехой. Монастырь, стоявший в 56 верстах от Пскова, у дороги, которая вела в Ригу, представлял собой значительную крепость с каменной стеной и башнями. Здесь находился гарнизон из 200 стрельцов и было немало число простого люда. Монастырь доставлял немало хлопот армии Батория. Русские, выходя из него, нападали на фуражиров и грабили купцов, везших товары в королевский лагерь, а потом безнаказанно скрывались за толстыми стенами.

28 октября король выслал к монастырю конных немцев и поляков под командой Фаренсбаха. Начало этого предприятия сложилось удачно. Фаренсбах разбил под монастырем вышедших из него стрельцов, положив на месте около 80 человек и нескольких взяв в плен. После Баторий отправил ему на помощь немецкую пехоту и три орудия, которые своими залпами довольно легко обрушили часть монастырской стены. 5 ноября Фаренсбах отправил своих людей на приступ, но тут его ждало разочарование. Осажденные — причем не только стрельцы, но и священники, иноки и простые люди — мужественно отбили нападение. Вместе с другими на стену отправился и племянник герцога Курляндского Вильгельм Кетлер, но лестница, по которой он лез, обломилась, да так, что он упал за монастырскую стену и, таким образом, очутился в плену. Баторий послал Фаренсбаху новое подкрепление под командой Борнемисы и еще четыре пуш-

ки. Обстрел монастыря производился теперь уже из семи орудий, и спустя два дня в стене был сделан еще один пролом. Однако и новый приступ был отбит с большими потерями для атакующих. Очевидно, им не хватало сил, чтобы сломить сопротивление осажденных, воодушевляемых сильным религиозным чувством и верой в чудесное покровительство высших сил¹¹¹.

Таким образом, Фаренсбаху пришлось вернуться в лагерь несолоно хлебавши, а доставка продовольствия в лагерь по-прежнему происходила с большими затруднениями. Уже после отъезда короля Замойский сделал еще одну попытку взять монастырь, но уже путем обещания монахам и гарнизону различных милостей, но и тут успеха не добился. Осада монастыря затянулась до конца войны¹¹².

1 декабря король оставил армию, а за ним отбыли и некоторые отряды, так что численность войска уменьшилась. 4 декабря произведен был смотр тем, кто остался; в коннице насчитали 7000 человек, и она находилась в состоянии лучшем, чем можно было предположить; только среди прислуги было много больных. Пехота выглядела гораздо хуже; к тому же значительная часть ее разбрелась.

Опасаясь, что псковитяне воспользуются отъездом короля и нападут, застав врасплох ослабленное войско, Замойский усилил караулы. Но опасения его оказались излишними. Из крепости производили обыкновенные вылазки, которые только беспокоили противника, но не могли причинить ему значительного вреда. Вероятно, положение осажденных тоже было весьма незавидное. Впрочем, о том, что происходило в Пскове, в лагере получали противоречивые известия. То говорилось, что в городе господствует нужда и свирепствует голодная смерть, то вдруг возникали слухи, что город всего имеет в изобилии. Этим слухам осаждающие старались не верить, надеясь, что их распускают нарочно, чтобы произвести смущение в королевском лагере.

Замойский полагал, что Псков из-за нехватки продовольствия и подкреплений продержится едва ли до начала мая. Но положение армии Замойского тоже было печально, и дошло до того, что гетман стал подумывать отвести часть солдат из-под Пскова в места более богатые продовольствием,

но потом, боясь ослабить и без того не самую плотную осаду, отказался от этой мысли. Но при этом он понимал, что солдаты не должны сидеть без дела, и поэтому постоянно проводил операции против русских, что, с одной стороны, удерживало армию от разложения, а с другой — держало врага в постоянном напряжении. В один из дней по решению Замоиского устроили засаду, в которую попался отряд псковитян; 20 русских были убиты, многих ранили и девять человек взяли в плен. В другой раз, наоборот, узнав, что засаду готовят псковитяне, Замоиский сумел их опередить и ударил первым¹¹³.

Подобными стычками ограничивались военные действия под Псковом. Тем временем появился слух, что в Новгороде собираются московские войска, чтобы идти Пскову на выручку, и Замоиский отправил под Новгород на рекогносцировку несколько эскадронов под командой Иордана Спытка. Силы в Новгороде оказались незначительны: пять полков, притом весьма плохо вооруженных. Но они могли причинить немало вреда армии Замоиского, если бы действовали смелее. Тем более что гетман, несмотря на все свои старания, не сумел перекрыть важнейшие дороги в окрестностях Пскова, чтобы полностью прервать сообщение с ним других городов; солдаты плохо слушались его распоряжений и часто оставляли позиции и толпами рыскали по округе в поисках продовольствия.

20 декабря начались столь сильные морозы, что отмечались случаи, когда караульные падали замертво с лошадей. В лагере свирепствовали простудные болезни, усилилась смертность¹¹⁴. Замоиский уменьшил число караульных постов и стал сменять их чаще, четыре раза в сутки, но вместе с тем он усилил надзор за караулами, чтобы от их беспечности не вышло беды.

Узнав об уменьшении числа караулов, Шуйский решил напасть на неприятельский лагерь. Не располагая достаточным количеством конницы, он приказал горожанам, у которых были лошади, доставить их в его распоряжение, и таким образом составил отряд в несколько сотен всадников. Около 200 из них получили приказание ударить по сторожевому отряду у Печорской дороги; в то же время русская пехота бы-

ла переправлена по льду в ином направлении, чтобы напасть на врага с другой стороны. Шуйский рассчитывал, что караулы, стоявшие у самого лагеря, бросятся через реку на помощь своим и оставят лагерь беззащитным; тогда можно будет легко завладеть им. Но предусмотрительность Замойского не позволила Шуйскому осуществить этот план. Гетман отдал солдатам приказание не вступать в бой с врагом, а отступить перед ним и держаться, насколько это возможно, вблизи лагеря. Он надеялся таким образом выманить русских подальше от города. Шуйский поддался на эту уловку и отправил из города пехоту под началом воевод Михаила Косецкого, Григория Мясоедова и Константина Поливанова на венгерские и польские укрепления. И тогда по русским ударили сразу несколько отрядов с разных сторон. Пехота Шуйского была окружена и беспорядочно бежала. Убиты были во время сражения до 300 русских, многие ранены и более 30 взяты в плен¹¹⁵. Потери Замойского были незначительны: несколько человек убитых и раненых.

Думая, что после сражения псковитяне выйдут ночью из города, чтобы подобрать и похоронить тела своих убитых, Замойский приказал зорко следить за ними. Но ночь прошла спокойно, и только на следующее утро сделана была попытка унести мертвых, но польская конница ее пресекла. Тогда псковитяне обратились с просьбой разрешить собрать убитых к Замойскому, и тот согласился¹¹⁶. По этому поводу между противниками начались переговоры. На место свидания с псковитянами явились из лагеря трое поляков; внезапно их встретил залп из пищалей.

Поляки ускакали невредимыми; таким образом, коварство псковитян постигла неудача. Поляки решили отплатить им той же монетой. Офицер-артиллерист Иван Остромецкий предложил Замойскому послать в Псков адскую машину. Замойский отдал его предложение на обсуждение ротмистров, и те стали убеждать гетмана привести замысел Остромецкого в исполнение. На войне, говорили ротмистры, позволительны всякие способы борьбы с врагом, тем более когда враг нарушает данное слово. Замойский отпустил Остромецкого, не выразив ясно своего мнения.

Тогда Островецкий, назвавшись Иваном Миллером, сблизился с одним взятым в плен москвитом, уверив его в том, что когда-то находился на службе вместе с Фаренбахом у московского государя. Он-де хорошо помнит милости царя и хочет опять перейти к нему на службу, совершив дело, которое освободит Псков от осады. Но для этого необходимо отнести ящик Шуйскому и открыть его в присутствии князя. Пленник поверил словам Островецкого и исполнил все так, как тот просил. Ящик был вскрыт псковскими военачальниками, и произошел взрыв, от которого погибли несколько человек.

Распространился слух, что Шуйский тоже убит, но на следующий день в лагерь Замойского доставили письмо князя, обвинявшего гетмана в предательском замысле. Замойский вызвал за это Шуйского на поединок, назначив для него место между своим лагерем и крепостью¹¹⁷.

До конца войны еще оставалось несколько недель. Можно сказать, что доблестная защита Шуйским и его воинами Пскова умерила требовательность Батория и ускорила заключение мира, но, с другой стороны, столь же удивительная стойкость Замойского и его войска способствовала тому, что Баторий достиг своей главной цели: Ливония была отнята у Ивана.

VII. Запольский Ям

Переговоры в Запольском Яме велись при посредничестве Рима. Желая играть, подобно средневековым папам, роль руководителей христианства, папы XVI века пытались организовать крестовый поход против турок, чтоб изгнать их из Европы и таким образом доставить кресту торжество над полумесяцем. К антитурецкой лиге Рим надеялся привлечь также и московских государей и даже имел мысль склонить их к унии с католической церковью. В 1576 году папа Григорий XIII вступил в сношения с московским посольством, отправленным к императору Максимилиану II, и намеревался направить в Москву свою миссию, но папские намерения натолкнулись на сопротивление императора. Однако о них Иван знал, и когда возникла необходимость прекратить тяжелую для Московского государства войну со Стефаном Баторием, он обратился к посредничеству папы.

Положение Ивана в 1580 году было весьма затруднительно. Польский король воевал московские земли, шведы снова стали утверждаться в Эстонии, Дания готова была присоединиться к врагам московского государя, а в Казанской

и Астраханской областях могло во всякую минуту вспыхнуть восстание. При таких обстоятельствах Ивану пришла мысль обратиться за помощью против Речи Посполитой к императору и папе; царь предлагал им союз против турок под тем условием, что они склонят к миру польского короля и убедят его в необходимости объединить силы для борьбы с непримиримыми врагами христианства.

В конце 1580 года отправлен был с этой целью в Прагу, где жил император Рудольф II, и Рим гонец Леонтий Истома Шевригин¹¹⁸. Миссия его увенчалась успехом только у папы. Хотя Иван в письме к папе ни словом не затрагивал вопроса о церковной унии, однако Григорий XIII счел прибытие московского гонца в Рим за обстоятельство весьма подходящее для того, чтобы поднять именно этот вопрос, и решил отправить с этой целью в Москву особого уполномоченного. Выбор папы пал на иезуита Антонио Поссевино, оказавшего уже католической церкви некоторые услуги в Швеции, куда он ездил с целью, чтобы возвратить короля и целую страну в лоно католицизма. В секретной инструкции, которую Поссевино получил, чисто политические вопросы оставлены были на втором плане. Правда, ему поручалось подталкивать Стефана Батория к миру, так как от прекращения войны между христианскими государями зависел успех образования лиги против турок, но вместе с тем предполагалось, что война может окончиться еще до прибытия Поссевино на место назначения, а потому главной целью миссии указывалось заключение церковной унии. Поссевино должен был убедить Ивана Грозного в истинности учения католической церкви и в неизбежности религиозного объединения всех народов на земле под главенством папы.

Папский уполномоченный выехал из Рима вместе с московским гонцом, но затем они расстались. Шевригин направился в Москву через Любек, желая таким образом избежать переезда через области Речи Посполитой, где его, по случаю войны, могли легко задержать, Поссевино же поехал в Польшу, чтобы исполнить поручения, данные ему папой к Стефану Баторию.

Польский король с неудовольствием следил за переговорами Ивана с папой, так как полагал, что царь желает восста-

новить против него главу католической церкви. Эта подозрительность короля ставила римскую курию в затруднительное положение. Баторий легко мог отвергнуть ее посредничество, и тогда, конечно, все замыслы Рима обратились бы в прах. Поэтому Рим начал двойную дипломатическую игру. Царю папа обещал склонять Батория к миру, а короля поощрял к дальнейшим военным действиям и завоеваниям.

Баторий согласился пропустить Поссевино через свое государство, хотя вскоре раскаялся в этом, решив, что в миссии Поссевино кроется против него злой замысел его врагов. Из-за этого положение папского легата в Польше сделалось весьма непростым, но иезуиту удалось успокоить подозрительность Батория и даже увлечь короля изображением той роли, которую ему суждено сыграть в мировой истории. Завоевав Ливонию, Баторий утвердит в ней католичество, а заключив мир с Иваном, он совершит еще более великое дело, ибо подготовит почву для сближения восточной церкви с западной и таким образом будет содействовать торжеству католической церкви на земле. Баторию выпадает роль Карла Великого, говорил Поссевино. Когда же начнутся переговоры с Московией о мире, папа будет сочувствовать, конечно, католическому королю Польши больше, чем иноверному государю, пользующемуся к тому же дурной славой во всей Европе.

Поссевино прибыл к Баторию в то время, когда у него находилось московское посольство с Пушкиным и Писемским во главе. Нам известен уже ход переговоров этого посольства с королем: Иван, уступавший сначала Речи Посполитой всю Ливонию, за исключением четырех пунктов, потом от этого отказался. Мы знаем также, что в переговорах принимал участие и папский легат, но безуспешно. Переговоры были прерваны, война возобновилась, и Баторий отправился осаждать Псков.

Из Польши Поссевино отправился к Ивану, который в это время пребывал в Старице. Царь с радостью принял его предложение быть посредником между ним и Баторием, и Поссевино уехал под Псков. В лагерь короля он прибыл 5 октября, и тотчас начались его совещания с Баторием и Замойским, которые хорошо понимали необходимость для Речи Поспо-

литой заключения мира в самом скорейшем времени. Баторий продолжал претендовать на всю Ливонию, однако соглашался отправить для ведения переговоров о мире своих послов, если Иван пришлет своих. В результате этих совещаний Поссевино написал царю письмо, в котором изображал положение Московии весьма мрачными красками и убеждал его в необходимости принять условия Батория.

Царю приходится воевать с двумя врагами — польским и шведским королями. Шведы взяли Нарву, Ивангород, Вейсенштейн (Белый Камень) и другие крепости; мало того, они вторгнутся во внутренние области Московского государства, если Иван не поспежит заключить мир с Баторием. Псков находится в величайшей опасности. Подкрепления, которые посылаются городу, не достигают своего назначения. Между тем псковские воины умирают в большом количестве и в сражениях, и от болезней, и от душевных страданий. А тут еще король Стефан не только решил зимовать под Псковом, но собирается предпринимать летом будущего года поход во внутренние области Иванова царства. Рассчитывать на неудачный исход осады Пскова нечего, ибо вскоре будет привезено, по приказанию короля, большое количество пороха и много ядер из города Риги. Уступить Ливонию необходимо, и эта уступка не будет особенно тяжела для царя, так как при содействии папы можно будет выговорить у Батория свободный пропуск купцов из других христианских государств через Польшу и Ливонию, чего царь так энергично добивался.

Письмо это произвело впечатление на Ивана. Хотя известиям, которые сообщал Поссевино о силах Батория, царь особенно не поверил и продолжал питать надежду на то, что польский король отступит от Пскова, тем не менее он решил, что надо поскорее мириться с одним противником, польским королем, чтобы было проще расправиться с другим врагом, Швецией. Немедленно по получении письма Поссевино Иван с сыном и боярами приговорил: «Теперь по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что литовский король со многими землями и шведский король стоят заодно, с литовским бы королем помириться на том: ливонские бы города, которые за государем, королю уступить, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит го-

сударю; а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского, для чего тех городов, которые шведский взял, а также и Ревель не писать в перемирные грамоты с королем Стефаном».

Таким образом, Иван соглашался начать переговоры о мире. Он назначил место, куда должны съехаться послы с той и другой стороны, — Запольский Ям, но требовал, чтобы Баторий отступил от Пскова: в этом требовании сказывались и затаенная надежда царя на улучшение положения, и желание скрасить ради удовлетворения своего самолюбия печальную действительность.

Не меньше нужен был мир и Баторию, положение армии которого становилось все хуже и хуже. Не дождавшись возвращения первого своего посланца Андрея Полонского, Поссевино, с согласия (а может быть, и по просьбе) короля, отправил к царю с письмом второго, убеждая Ивана опять в том, что заключение мира является для него неизбежной необходимостью. Но новые аргументы были излишни: Иван уже после первого письма спешил выразить свою готовность мириться.

Но, несмотря на горячее желание мира с той и другой стороны, переговоры начались только в середине декабря. Проволочка объясняется условиями тогдашних путей сообщения: пересылки между Псковом и Москвой потребовали значительного времени¹¹⁹. Наконец послы Батория и Ивана съехались в указанное место, Запольский Ям, небольшую деревню между Заволочьем и Порховом. Выбор этого пункта сделан был Иваном и обусловлен требованием Батория: король соглашался отправить своих послов только под тем условием, если переговоры будут происходить недалеко от Пскова и вблизи границы его государства.

Во главе московского посольства стояли наместник кашинский князь Дмитрий Петрович Елецкий, наместник козельский Роман Васильевич Олферьев, дьяк Никита Басенок Верещагин и подьячий Захарий Связев. Они получили наказ, досконально определявший, по московскому обыкновению, их образ действий, который стремился предвидеть, а вместе с тем и предрешить ничтожнейшие недоразумения, какие только могли возникнуть при переговорах. При этом

полномочия послов были весьма обширны, поскольку Иван был готов к большой уступчивости. На малосущественные обстоятельства послы не должны были обращать внимания. Иван наказывал своим послам все равно соглашаться на переговоры, пусть даже окажется, что свита королевского посольства превышает численностью московскую, или, скажем, послы Батория захотят съехаться не Запольском Яме, а в другом каком-либо месте вблизи Пскова, или Антонио Поссевино, посредник между королем и царем, не пожелает или не сможет на переговорах присутствовать. Уступчивость Ивана доходила до того, что он соглашался не писать себя в перемирной грамоте царем, если того будет требовать король, прибавляя, впрочем, следующие знаменательные слова: «которого из вечного государя как его не напиши, а ево Государя во всех землях ведают, какой он государь». Иван не хотел только давать в своей перемирной грамоте Баторию титул «Ливонский» («Лифляндский»), хотя и соглашался уступить ему Ливонию на основании условий так называемого вечного мира. При этом он наказывал послам испробовать все средства, чтобы отстоять хотя бы пядь столь дорогой для него ливонской земли, поскольку еще лелеял мысль при более благоприятных обстоятельствах вернуть Ливонию.

Не терял он и надежды приобрести гавани на берегу Балтийского моря в результате войны со Швецией и поэтому запрашивал своим послам включать шведского короля в мирный договор с Баторием.

Польского короля на переговорах представляли брацлавский воевода князь Николай Збаражский, литовский маршал надворный Альберт Радзивилл и королевский секретарь Михаил Гарабурда. Они получили ограниченные полномочия: в тех случаях, которые не были определены инструкцией, им следовало обращаться за указаниями к Замойскому, которому король поручил общее руководство переговорами. В лагере Батория боролись два течения: литовцы, как мы знаем, готовы были оставить осаду Пскова; они желали заключить поскорее мир и потому склонны были делать значительные уступки врагу. Напротив того, Замойский настаивал на том, чтобы продолжать осаду и принудить врага к миру на условиях, которые выгодны исключительно Речи

Посполитой. Баторий разделял мнение своего канцлера, почему и назначил его руководить переговорами; только один Замоийский получил указания, что можно и чего нельзя уступить врагу¹²⁰.

Антонио Поссевино являлся посредником беспристрастным¹²¹, ибо не был заинтересован в том, что составляло предмет спора между Москвой и Речью Посполитой. Он думал, конечно, более всего об интересах Рима и старался осуществить те цели, которые преследовала римская курия. Для него важнее всего было заключение мира, а на каких условиях он состоится, это имело для него значение постольку, поскольку ускоряло примирение враждующих сторон. Он, разумеется, сочувствовал Баторию, как католическому королю, на которого Рим смотрел как на лучшего поборника своих задач и стремлений, но с другой стороны, папский легат хотел угодить и православному царю, ибо он питал надежду на то, что ему удастся обратить Ивана на путь католической веры. Роль Поссевино как посредника была непростой: он легко мог навлечь на себя недовольство той или иной стороны.

Преследование же целей посторонних, чуждых предмету спора, делало роль папского посла и вовсе трудной, ибо ставило его в позицию, далекую от той, в которой должен быть настоящий посредник, думающий только о примирении интересов враждующих сторон и относящийся к этим интересам совершенно объективно. Желая поскорее достичь своей цели, Поссевино советовал полякам прекратить осаду Пскова, толкуя, что, затягивая ее, они раздражают Ивана, вследствие чего примирение может не состояться. Полякам он хвалил Ивана, заявляя, что в нем нет ни капли той жестокости, о которой толкуют люди, и удивлялся тому порядку, который господствует у него в войске, ставя таким образом в упрек Баторию неурядицы, происходившие в его лагере. Короля он убеждал поспешить заключить почетный мир, пока это еще возможно, и в конце концов возбудил в нем основательное подозрение, что интересуется более обращением царя в католичество, чем посредничеством. В письмах к Ивану, наоборот, папский легат самыми мрачными красками рисовал положение русских. Храмы разрушены или обращены в конюшни, святые образа преданы пламени или поруганию;

всюду валяются человеческие трупы, господствуют грабеж и насилие; опустошенные поля зарастают лесом. При этом для описания происходящего в королевском лагере Поссевино не жалел превосходных слов. Царь едва ли верил иезуиту, потому что от своих гонцов он получал о положении Батория совершенно иные известия.

Подобного рода тактика совершенно лишила Поссевино доверия обеих сторон. Дошло до того, что Замойский возненавидел легата и прямо называл его превратнейшим в мире человеком и давал ему иные нелестные эпитеты. Не верили Поссевино и русские. Послы Ивана обвиняли его в пристрастии. «А стоит, государь, Антоней, — так писали они царю, — с королевы стороны, говорит с литовскими послы на съезды в одни речи». Все это сообщило роли Поссевино особенный характер. Он явился не третейским судьей, на решение которого отдают предмет спора и приговору которого охотно подчиняются, а лишь примирителем происходивших столкновений.

Переговоры начались 13 декабря, но Поссевино встретился с московскими послами раньше. На его заявление о том, что Баторий требует всю Ливонию, послы сказали, что это требование чрезмерно. Они утверждали, что Ливония с сотворения мира принадлежала московским государям, что уступка всей ее территории невозможна и что Баторий должен удовольствоваться только частью ее. В Пскове запасов на пятнадцать лет, и ему не взять этой крепости. Войско у короля наемное, служит из-за денег, а казна его истощается. Пусть поэтому берет то, что ему предлагается, потому что в ином случае может не получить и той доли Ливонии, которая ему теперь уступается.

Поссевино постарался убедить русских изменить свою позицию, но безуспешно. Замойский, со своей стороны, увещевал послов Речи Посполитой не отступать ни на йоту от данной им инструкции и требовать без каких-либо условий всей Ливонии. Иван, по его мнению, принужден будет уступить ее, потому что находится в критическом положении: шведы взяли уже Нарву, добывают Вейсенштейн, осадили Пернов, да Псков, стоит полякам и литовцам проявить выдержку, перейдет в их руки.

В таком настроении приступали враждующие стороны к переговорам о мире: та и другая сторона рассчитывала на стесненные обстоятельства противоположной и надеялась при помощи их добиться большей выгоды для себя. Исход переговоров, следовательно, зависел от самообладания противников, от того, кто кого в этом отношении пересилит. Поэтому можно было предвидеть, что переговоры затянутся. Так в действительности и случилось.

Местность, куда съехались послы для совещаний, была до такой степени разорена, что нельзя было найти даже кола, чтобы привязать лошадей. Послы собирались на заседания в жалкой хижине самого примитивного устройства: дым из печи выходил через двери и окна, и сажа падала на платье людей, находившихся в помещении. Съестных припасов нигде было достать, и приходилось довольствоваться теми, которые привезли с собой. Московские послы запаслись всем в изобилии, в отличие от посольства Батория, которому приходилось экономить еду. Кроме того, русские поселились не в Запольском Яме, а поудобнее, вблизи его, в Киверовой Горе, чем опять-таки поставили себя в более выгодное положение.

Столкновение между сторонами произошло уже на первом заседании по поводу посольских полномочий. Московские послы имели обыкновенную верительную грамоту, свидетельствующую только о том, что они посланы на съезд для заключения мира и что имеют право говорить и вершить дела от имени царя¹²². Послы Батория сочли это недостаточным; у них появилось опасение, что, когда дело дойдет до решительного момента, московские послы сошлются на недостаточность своих полномочий и обратятся за новой инструкцией к своему государю, а тот поставит новые условия, — одним словом, произойдет то, что случилось на переговорах в Вильне. Поэтому, сославшись на свою верительную грамоту, дававшую полные полномочия, они потребовали, чтобы и московские послы представили такую грамоту. Полагая, что такая грамота у московитов есть, но они ее скрывают, Поссевино припомнил им письмо, в котором Иван объявлял ему, что отправляет послов с совершенными полномочиями. Но князь Елецкий со товарищи

стояли на своем — что грамота у них такая, какую издревле московские государи давали обыкновенно своим послам. Спор обострился еще более, когда московские послы стали протестовать против участия в заседании Христофора Варшевицкого, которого королевская грамота не называла в числе послов. Так в бесплодных прениях прошел целый день. В конце концов поляки прервали заседание и уехали к себе на квартиру, заявив, что более не видят смысла вести переговоры, поскольку они лишены твердого основания. Это была, конечно, только угроза. На следующий день они снова явились. Спор был улажен следующим образом. Каждый из московских послов дал присягу, что они получили верительную грамоту, подобную той, что всегда выдавались московскими государями.

Таким образом, совещания возобновились; но обмена верительными грамотами не было; что же до Варшевицкого, то с молчаливого согласия москвитов он был оставлен на совещании.

Поссевино предоставил право первого голоса послам Батория как представителям стороны победившей, предлагая им выставить свои условия заключения мирного договора. Князь Збаражский тут же заявил, что уступка русскими всей Ливонии — это условие ведения самих переговоров и что в противоположном случае они, королевские послы, отказываются от дальнейших совещаний. Русские принялись горячо протестовать. Следуя инструкции, данной царем, к уступке той части Ливонии, о которой Иван сообщил Баторию через Поссевино, когда папский легат был в Старице, они прибавили теперь только один город Говью. По этому поводу произошли сильные прения. Та и другая сторона понимала, что противник имеет полномочия сделать большие уступки, и старалась выведать, в чем они именно состоят; послы Батория направляли все усилия к тому, чтобы узнать, смогут ли русские, по своей инструкции, уступить всю Ливонию или нет. Чтобы вызвать их на откровенность, они, по совету Поссевино, первые начали незначительно уступать, заявив, что король соглашается вывести свои войска из московских областей, потом уменьшили сумму за издержки на ведение войны и, наконец, согласились вернуть четыре крепости: Ост-

ров, Красногород, Келий и Воронеч. Маневр увенчался до некоторой степени успехом.

Московские послы дали понять, что могут сделать большие уступки в Ливонии, но если король согласится возвратить их государю Великие Луки, Неволь, Заволочье, Велиж, Холм и все псковские пригороды. Это заявление вызвало у поляков негодование. Они стали говорить, что приехали не торговать Ливонской землей, а заключить в три дня договор, и опять стали грозить отъездом; впрочем, завершилось все тем, что уехали они не совсем, а только к себе домой, обещав Поссевино продолжить переговоры на следующий день.

Между тем Поссевино остался один с московскими послами и употребил все усилия, чтобы выведать окончательные условия, на которых Иван готов заключить мир. Одним днем это совещание не закончилось; на следующий день утром русские наконец после долгих колебаний признались, что их государь в крайнем случае готов уступить Ливонию, если только ему будут возвращены Великие Луки и другие крепости, взятые Баторием в прошлом году. Сообщив это, они стали, однако, просить Поссевино повести переговоры так, чтобы за их государем осталось несколько крепостей в Ливонии для оправдания титула Ливонского владетеля; они утверждали, что только при этих условиях может состояться мир.

Чтобы поскорее довести дело до конца, Поссевино начал хлопотать об уступке Ивану незначительной части Ливонии и, так как послы Батория полномочий на такую уступку не имели, обратился к Замойскому¹²³.

Пока Поссевино ждал ответа от польского канцлера, переговоры шли своим чередом. Возник сильный спор по поводу Швеции. Послы Батория предъявили требование, чтобы в мирный договор был включен также шведский король. Вообще-то между шведами и поляками существовали — из-за действий шведов в Ливонии — весьма натянутые отношения, но Баторий, по совету Поссевино, стал выдавать себя за союзника шведского короля, чтобы казаться в глазах московского царя еще более опасным противником¹²⁴. У Поссевино был свой расчет: он полагал, что московский государь выберет его посредником при ведении переговоров о мире со Швецией, а это еще более повысит авторитет Рима. Од-

нако папский легат ошибся. Иван вовсе не желал мириться со шведским королем: напротив, мир с Баторием нужен был ему еще и потому, что он хотел развязать себе руки для войны с ним. Поэтому царь и запретил строго своим послам включать в условия мирного договора Швецию. Послы, следуя инструкции, решительно отвергли это требование, сказав, что они посланы договариваться о мире с польским королем, а если шведскому королю желательно мириться с их государем, то он должен послать к нему своих послов. На этом вопрос о мире между Московией и Швецией на переговорах был закрыт.

Польские послы умышленно раздували вопрос о Швеции, чтобы выиграть время, которое нужно было им для консултации с Замойским. Поссевино, хотя и хлопотал перед ним об уступке хотя бы незначительной части Ливонии Ивану, делал это весьма осторожно и без особой надежды, так как знал, что Баторий и Замойский самым решительным образом были настроены оставить всю Ливонию за Речью Посполитой. Между тем оказалось, что канцлер готов пойти москвитам навстречу. Он был слишком обеспокоен тем, что шведы продолжали захват ливонских городов, и считал за меньшее зло сделать небольшие уступки ради заключения мира москвитам, дабы лучше подготовиться к неминуемому спору со Швецией. Другим фактором, побудившим гетмана изменить позицию на переговорах, было известие, что в Новгороде собираются московские войска с намерением идти на помощь Пскову.

Замойский отправил в Запольский Ям своего родственника Жолкевского с предложением оставить за Иваном четыре ливонские крепости при двух условиях — если за Речью Посполитой останутся Великие Луки, Заволочье, Невель, Себеж и Велиж и если мир будет заключен тотчас самими московскими послами, без обращения за инструкциями к своему государю.

Это предложение сильно смутило Поссевино, тем более что одновременно он получил от Замойского письмо, в котором канцлер требовал уступить всю Ливонию. Жолкевский не привез никаких бумаг, ограничившись устным сообщением, из-за чего у легата появилось опасение, что Замойский

легко может от своих слов отказаться. К тому же Поссевино было известно, что уступки в Ливонии могут быть сделаны только с согласия сейма. Потому он и предлагал отложить решение этого дела, пока соберется сейм, на который московский государь мог бы прислать послов. Действовать же так, как предлагал Замойский через Жолкевского, показалось дипломату-иезуиту и легкомысленно, и опасно. Канцлер рассчитывал на свое влияние на сейм, но Поссевино опасался, что сейм может и не согласиться с ним. В таком случае он, посредник, навлечет на себя гнев московского царя, уронит авторитет папы, скомпрометирует весь свой орден и повредит делу, ради которого он трудился, — помешает распространению католичества в Московском государстве.

Подозрительная осторожность иезуита оказалась вполне уместной. Послы Батория высказались против предложения Замойского, ибо инструкция, которую они получили от короля, запрещала им делать какие бы то ни было уступки в Ливонии; кроме того, они были того мнения, что подобного рода уступчивость может усилить требовательность противника, и вести переговоры станет еще труднее. Впрочем, разговор о польских уступках в Ливонии пришлось отставить, так как Замойский от своего предложения вскоре отказался и стал слать новые условия: за всю Ливонию он согласился сначала возвратить Ивану только Великие Луки, потом прибавил еще Невель и Заволочье, но в том и другом случае требовал передать Баторию крепость Себеж или, в крайнем случае, ее разрушить. Московские послы, в свою очередь, упорно требовали возвращения, кроме указанных крепостей, еще и Велижа и соглашались сжечь Себеж, только если будет сожжена королю Дрисса. Поссевино попытался склонить их к уступке Велижа, говоря, что, если они боятся гнева своего царя, он готов отдать за них свою голову. Но они заявили, что, если бы каждый из них имел десять голов, царь приказал бы снять все эти головы за такое попустительство.

В общем, прения между послами сосредоточились почти исключительно вокруг крепостей, которые Баторий взял у царя в 1580 году; что касается Полоцка, то о нем речи не было: Иван отдавал его Баторию без споров. И без того хватало ожесточения: и те, и другие были раздражены поведением

противной стороны. Русские жаловались на свое положение, говоря, что с ними обращаются как с пленными, отнимают у них вещи, хватают их людей — мало того, пытаются и даже убивают. Гонец, везший от царя письма к послам и Поссевино, был захвачен и доставлен в польский лагерь, где его спутников убили, а проводника подвергли пытке, прикладывая к его бокам зажженные факелы¹²⁵.

Споры о территориальных уступках были наконец сведены к Велижу и Себежу. Велиж лежал в верховьях Западной Двины, владение им открывало доступ к Полоцку. Именно поэтому Иван желал сохранить эту крепость в своих руках. Замойский предоставил разрешить этот вопрос литовцам, так как уступка Велижа задевала литовские интересы, давая им, впрочем, понять, что лучше крепость уступить, чем вести войну дальше. Однако литовцы отдать эту крепость Ивану не пожелали. Тогда спор достиг кульминационной точки. Послы Батория заявили, что прерывают затянувшиеся переговоры, и распрощались с московскими послами. Казалось, произойдет разрыв, и это сильно взволновало русских. Ночью они дважды совещались с Поссевино, который пообещал добиться согласия литовцев на то, чтобы эта крепость была разрушена.

После этого переговоры возобновились, и опять с прежним жаром. В конце концов сошлись на том, что москвиты уступят Велиж королю, но Ивану будет возвращен Себеж. Казалось бы, все улажено, и можно заключать мир. Но тут польские послы потребовали, чтобы их королю были переданы ливонские замки, которые в войне с русскими заняли шведы. На это московские послы отвечали, что их государь не может уступать того, чем он не владеет, оставляя Ивану возможность владения этими замками в случае, если удастся отнять их у шведов.

Спротивление русских по этому пункту сильно раздражало Замойского. Он стал подозревать существование тут интриги Поссевино. Канцлер предположил, что папский посол собирается при помощи замков помирить Швецию с Москвой во вред Речи Посполитой. Спор грозил опять затянуть переговоры, а между тем он не представлял существенной важности, ибо касался призрачного права на владе-

ние тем, что находилось в руках третьей стороны. Выход из тупика был найден в том, что поляки опротестовали притязания московского государя на владение этими замками, чем и ограничились.

Оставалось последнее: определить границу владений той и другой стороны, что представлялось делом нелегким, ибо не было с точностью известно, какие замки в Ливонии находятся еще в руках русских и какие захватили шведы. Замоиский опасался, что русские утаят и не включат в договор какой-нибудь замок под тем предлогом, что он якобы занят шведами. И опасения эти не были напрасны: позже оказалось, что таким образом московские послы сохранили для Ивана два замка. Кроме того, Замоиского волновало, как договор воспримет будущий сейм, который согласился на войну только потому, что желал отнять у Московского государства Ливонию. Из-за этого немало времени отняли у договаривающихся сторон споры о демаркационной линии.

Московские послы представили список ливонских городов и замков, уступаемых Речи Посполитой, и эти города и замки, каждый в отдельности, были внесены в договорные грамоты. Что же касается крепостей, занятых шведами, решено было в договор их не включать, как того требовали московские послы, но вместе с тем принять от послов Батория заявление, что Речь Посполитая не отказывается от владения ими, но что спор из-за них с Московским государством не повлечет за собой нарушения заключаемого договора.

Так наконец 6 января был разрешен вопрос о территориях. Оставалось еще определить, в каком виде и каким образом отдавать уступаемые города и крепости, что тоже вызвало пререкания. Завоевав какую-нибудь крепость в Ливонии, Иван приказывал строить там церковь. Кроме того, некоторым церквям царь пожаловал значительные земельные угодья. Судьба церквей весьма серьезно интересовала московских послов. Опасаясь, что с переходом страны во власть католиков православные святыни подвергнутся поруганию, они стали требовать отдать им все предметы культа и отпустить из Ливонии в пределы Московского государства всех православных священнослужителей. Некоторые из поляков против этого возражали. Но Поссевино, желавший, по выра-

нению католического историка, очистить поскорее страну от схизмы, убедил своих единоверцев в том, что русские правы.

Что касается крепостной артиллерии и вообще имущества, находившегося в крепостях, то постановлено было, чтобы каждая сторона отдала другой все это в таком количестве и виде, в каком оно досталось победителю при взятии крепости. На освобождение крепостей отвели восемь недель с условием, что сторона, принимающая крепость, обеспечит выезжающих подводами.

Размен пленных тоже не обошелся без споров по причине того, что у русских, в сравнении с их противниками, пленников было совсем мало. Послы Батория требовали за освобождение московитов уступить Себеж и Опочку; послы Ивана приводили в ответ тот аргумент, что торговать христианской кровью не следует. В итоге решение этого пункта отложили до ратификации мирного договора; связано это было и с тем, что Поссевино отказался от посредничества по этому делу, боясь навлечь на себя нарекания, если какая-нибудь сторона удержит у себя пленных, которых обязалась отпустить.

Оставалось еще устранить различного рода препятствия чисто формального характера. На совещании у Поссевино в ночь на новый, 1582 год московские послы заявили, что их государь носит титулы «царь Казанский» и «царь Астраханский» и эти титулы должны быть указаны в документе мирного трактата, потому что они для него имеют гораздо большее значение, нежели все крепости, которые он уступит Баторию. Папский легат возражал против этого; он стал развивать перед русскими средневековую теорию об императорской власти. Существует, мол, только один христианский император, власть которого подтверждается главой католической церкви — папой. Когда византийские императоры стали от католичества отделяться, тогда папы перенесли титул императора на государей Запада. Папа может дать этот титул и московскому государю, но для этого необходимо вступить с ним в переговоры. Московиты понимают неправильно значение титула «царь»: это не цезарь, а совсем иной титул, заимствованный от татар. Московские послы привели в опровержение этих взглядов исторические доводы, страдавшие анахронизмом. Они заявили, что римские импера-

торы Аркадий и Гонорий прислали из Рима императорскую корону русскому князю Владимиру, а папа подтвердил это пожалование через какого-то епископа Киприана. Замечание Поссевино, что Аркадий и Гонорий жили лет на шестьсот раньше Владимира, нисколько не смутило послов Ивана — они ответили, что то были другие императоры Аркадий и Гонорий, которые жили одновременно с князем Владимиром. Очевидно, московские книжники смешали Аркадия и Гонория с императорами Василием II и Константином VIII, а подтверждение папой императорского титула, присланного Владимиру, прямо выдумали. Поссевино потратил напрасну много красноречия, чтобы разубедить русских, но они остались при своем. Кроме того, они добивались, повинаясь приказаниям своего государя, еще и других титулов для него, а именно «Смоленского» и «Ливонского».

Когда дело дошло до чтения перемирных грамот, они возмущались, что в королевской записи царю не были даны требуемые титулы. По их словам, король Сигизмунд-Август признавал за их государем титул царя: он даже присылал специальное посольство, чтобы поздравить Ивана со взятием Казанского ханства. Секретарь посольства Батория Гарабурда, знаток дипломатических сношений Речи Посполитой с Москвой, доказывал противное: он утверждал, что московского государя называли только великим князем и при Сигизмунде-Августе, и при Генрихе, и при Стефане Батории. Послы, следуя королевским инструкциям, заявили, что готовы дать Ивану титул царя, но только в том случае, если он уступит Баторию королю Смоленск, Великие Луки, Опочку и Себеж. Однако русские и слушать об этом не хотели. Они особенно энергично отстаивали титулы своего государя «царь Казанский» и «царь Астраханский», угрожая своим противникам прекращением переговоров, если не будет разрешено послать за грамотами, доказывающими правдивость их слов относительно того, что Сигизмунд-Август титуловал Ивана именно так. Радзивилл, считая спор этот пустым, полагал, что московским послам можно дать по этому пункту удовлетворение, лишь бы не доводить дела до разрыва и сохранить существенное — Ливонию, но польские послы с ним не соглашались, так что обратились к Замойскому,

чтобы разрешить этот спор. Притязания Ивана показались польскому канцлеру пустым тщеславием, и он согласился дать ему требуемые титулы. Но это оказалось излишним, так как спор окончился раньше, чем пришло письмо канцлера в Запольский Ям. Московские послы, помня наказ своего государя на самый крайний случай, отказались от этих требований, и в королевской договорной грамоте Иван был назван только великим князем.

Вслед за устранением одного формального препятствия появилось новое, которое немало проблем доставило не только соперничающим сторонам, но и — причем в особенности — папскому легату. Оказывалось, что к титулам был чувствителен не только московский царь, но и раб рабов Божиих, как называл себя папа. Представитель его на Запольском съезде Поссевино желал играть главную роль — роль устроителя мира между Москвой и Речью Посполитой, роль вершителя судеб народов и государств. Договорные грамоты должны были засвидетельствовать это перед всем миром и потомством и оставить в веках свидетельство о силе и величии главы католической церкви и его уполномоченного. Послы Батория как католики¹²⁶ готовы были удовлетворить это желание Поссевино и хотели написать в перемирной грамоте, что договор заключен в присутствии папского посла¹²⁷. Но московские послы, ссылаясь на то, что в наказе у них нет об этом ни слова, отказались принять формулу, предложенную послами Батория. Хотя Иван и прибег к посредничеству папы, однако он желал, очевидно, избегать всего, что могло свидетельствовать о подчинении его авторитету главы католичества. Царь не оказывал почестей, которые приличествовали — с католической, конечно, точки зрения — папе как наместнику Христову на земле. Московские послы действовали, понятно, согласно предписаниям своего государя, и поведение их до такой степени стало раздражать Поссевино, что он явно начал склоняться на сторону Батория, забывая о беспристрастности, обязательном для посредника. Спор завершился в пользу Поссевино: в акте перемирного договора посредничество папского посла указали, и, следовательно, условия мира были освящены авторитетом римского первосвященника.

Могло казаться, что всякие препирательства теперь уже более невозможны. Случилось, однако, иначе. Московские послы прилагали все свои усилия к тому, чтобы сохранить за своим государем какие угодно, хотя бы только призрачные права на Ливонию. Сначала они изъявили желание вписать в текст договора, что Иван уступает Баторию вместе с ливонскими замками Ригу и Курляндию, то есть такие владения, которые никогда Ивану не принадлежали. Это заявление вызвало целую бурю негодования. Поляки удалились с совещания, говоря, по своему обыкновению, что они впредь совещаться отказываются. Поссевино же потерял окончательно терпение и в раздражении на московских послов дошел до поступков, не приличествовавших его сану. Крича, что они явились не посольствовать, а воровать, он вырвал из рук одного из послов, Олферьева, черновик договорной записи, швырнул ее за двери, а самого посла схватил за воротник шубы и оборвал ему пуговицы. «Подите вон из избы, — кричал он, — мне с вами уже не о чем больше говорить».

«И мы, холопи твои, — пишут послы Ивану, — Антонью говорили: и то ты, Антоней, чинишь не гораздо, государево великое дело мечешь, а нас бесчестишь, а нам за государево дело как не стоять? Да говоря, государь, мы пошли от него из избы и пришли мы, холопи твои, к себе в избу, и тотчас пришел к нам литвин ротмистров Миколаев человек Жебридовского и говорить нам: велите деи своим людям накладываться, а утре вам ехати к собе и приставы деи утро к вам будут»¹²⁸. Ввиду этого, памятуя царский наказ, послы подчинились тому, что они называли «конечной неволею», и отступились от своего требования, однако не совсем, как мы сейчас увидим.

Они попытались еще раз, при помощи новой уловки, отстоять формальную сторону притязаний своего царя на Ливонию. Переговоры близились уже к концу. Согласие, казалось, было достигнуто сторонами по всем пунктам. Срок перемирия был определен в десять лет, начиная с Крещения Христова 1582 года. Решено было, что Баторий первый отправит к Ивану своих послов для ратификации договора (на Троицын день), а потом Иван своих (на Успенев день). Были написаны договорные грамоты, и назначен уже был день для присяги, которой обе стороны должны были скрепить

условия договора. Королевские послы радовались, что приходит конец их трудам, и радовались тем более, что Замойский торопил их кончать дело поскорее, указывая на невыносимое положение армии под Псковом и на новую опасность, которая, как казалось ему, приближается к Речи Посполитой. В лагерь польского гетмана явился шведский посол итальянец Лаврентий Каньола и стал просить о свободном пропуске к Поссевино, но получил отказ. Замойскому почуялись в этом козни Швеции против Речи Посполитой.

И вот в тот момент, когда Поссевино и послы Батория были уверены в том, что все недоразумения устранены и остается только скрепить договор присягой, русские потребовали написать в перемирной грамоте, что Иван уступает Баторию свою вотчину Ливонию. Опять спорили два дня. Збаражский и Гарабурда не знали, что им делать, и обратились за инструкцией к Замойскому. Канцлер согласился удовлетворить требование московских послов, лишь бы только мир поскорее был заключен, но тут оказалось, что благодаря содействию Поссевино все решилось в пользу польской стороны.

Наконец 15 января состоялся обмен договорными грамотами и принесена была присяга; русские строго исполнили церемониал, установленный для этого Иваном: они целовали крест, который поднес им, согласно приказанию царя, новгородский владыка. Послы Батория принесли присягу по католическому обряду, причем к ним присоединился и Гарабурда, хотя он был православный, что доставило немалое удовольствие Поссевино.

Известие о заключении мира произвело сильную радость в лагере Замойского под Псковом и среди осажденных в Пскове. Когда в Псков явился 18 января с этой вестью от московских послов гонец Александр Васильевич Хрушев, горожане бросились целовать ему ноги, называя его архангелом мира. Вражда к неприятелю как будто оказалась забыта. Псковитяне со своих городских стен приветствовали всадников Замойского, ездивших вокруг крепости. Знатнейшие псковские граждане явились к Замойскому, чтобы выразить гетману радость и благодарность по случаю заключения мира. Баторий и Замойский, главные зачинщики войны, довольны были ее исходом, потому что цель, ради которой она пред-

принималась, была достигнута; довольны они были и тем, что их противники в Польше должны были теперь замолкнуть ввиду блестящего успеха, увенчавшего их военные планы. Рад был миру и Иван, ибо ему удалось отстоять те условия, какие он «по конечной неволе» готов был принять. Рады были и Ивановы послы, ибо исполнили в точности данный им наказ и таким образом избежали царского гнева. Наконец, чувство удовлетворения испытывал посредник, папский посол Поссевино: ему удалось, как по крайней мере он сам считал, осуществить ту цель, которую он себе наметил. Враждующие стороны подчинились авторитету главы католической церкви, о чем свидетельствовали договорные грамоты; следовательно, был достигнут важный успех в деле торжества католической веры на земле, служить которому был призван Поссевино вместе со своим орденом.

Теперь требовалось исполнить условия заключенного мира. По договору королевская армия должна была немедленно удалиться из-под Пскова. Но условие это не было исполнено Замойским, поскольку он опасался, что русские затянут сдачу ливонских замков, к чему им представлялся весьма удобный предлог. Польско-литовские власти не могли дать для этого достаточное количество подвод, как это полагалось по уговору. Видя, что Замойский не собирается уходить от Пскова, московские послы выразили свое неудовольствие Поссевино, а затем через князя Збаражского прислали Замойскому письмо, в котором потребовали, чтобы он ушел от города. Псковитяне, в свою очередь, прислали сказать гетману, что если он не удалится в течение двух дней, то они будут считать мирный договор уничтоженным. Но затем смягчили свои требования и стали просить Замойского только о том, чтобы он назначил день, когда уйдет восвояси. Гетман ответил, что, даже удалившись, он все равно останется у границ Ливонии до тех пор, пока ливонские замки не будут сда ны русскими.

Между тем поляки передали русским крепость Остров, что случилось вопреки намерению Замойского¹²⁹; однако назад крепость было не вернуть, и гетман выразил надежду, что этот акт рассеет подозрения русских относительно намерений короля — ведь русские не менее поляков и литовцев опа-

сались, что в передаче крепостей, возвращаемых по договору, произойдет проволочка. Замойский думал, что, убедившись на примере Острова в противном, они скорее очистят Ливонию.

Сам гетман, чтобы не давать больше повода к обвинениям в нарушении мирного договора, 6 февраля снял лагерь и повел солдат от Пскова, причем постарался блеснуть перед своими бывшими врагами прекрасным состоянием своего войска. Он двинулся к Новгородку Ливонскому, который русские по договору должны были отдать Речи Посполитой. Московский воевода отказался передать крепость отряду, который был послан Замойским. Тогда Замойский сам с небольшой свитой явился в город и потребовал от воеводы сдать крепость. Тот стал отнекиваться, говоря, что его не обеспечили в достаточном количестве подводами. Но Замойский нашел выход, оставив временно без лошадей артиллерию, и воевода со своими людьми вынужден был удалиться из города¹³⁰.

Из Новгородка Замойский направился к Дерпту, который русские также отказывались оставить, так как и здесь не хватало подвод. Пришлось гетману самому заниматься подводами, и 24 февраля Дерпт наконец перешел под его управление. Русские уходили с большим сожалением; женщины, по словам историка, рыдали на могилах близких, которые покидали навсегда¹³¹.

Проволочки в эвакуации русских из Ливонии вызывали у Замойского сильную досаду. Виноваты были в этом, по его мнению, послы, целыми днями спорившие о титулах, но в то же время легко и без совета с гетманом решившие вопрос большой важности. Заключая с московитами перемирие, они дали обещание отвести войско от Пскова, прежде чем русские сдадут ливонские крепости, но не назначили русским точного срока и приняли обязательство предоставить им средства передвижения. Из-за этого дело сильно затянулось, и дошло до того, что даже король вынужден был озаботиться доставкой нужного количества подвод и лошадей. Но их все равно не хватало, и поляки прибегали к разного рода хитростям, чтобы поскорее избавиться от русских. При этом они всячески затягивали передачу русским крепо-

стей, определенных договором, и сделали это, лишь когда все крепости, которые русские должны были освободить, перешли под управление Речи Посполитой.

Ратификация договора произошла в том же 1582 году. Сначала, в июне, явились в Москву послы от Батория, и Иван скрепил клятвой заключенное перемирие, обязавшись при этом не воевать в Эстонии десять лет, а затем, в октябре, прибыли в Варшаву московские послы и также взяли с короля торжественное обязательство исполнять условия договора¹³².

Так окончилась война, ставшая весьма важным этапом в политической эволюции Восточной Европы. Рост Московского государства в западном направлении был на некоторое время приостановлен. Силы Москвы — войной и правлением Ивана — были надломлены, ее социально-политическая организация расшатана. Речь Посполитая благодаря талантам Батория и Замойского усилилась настолько, что казалось, политическое и культурное господство в Восточной Европе будет принадлежать Польше и дальнейшее развитие восточноевропейских народов пойдет под ее руководством, а честолюбивый король начал строить грандиозные планы, направленные к полному покорению Московского государства.

- ¹ Об этих происшествиях мы черпаем сведения из двух источников: литовского и московского. Подробности, сообщаемые тем и другим, согласуются между собою, расходясь только в том, что литовский источник умалчивает об оскорблениях, которым подвергались москвиты, а московский представляет обиды, которые наносились посольству, как наказание царя за дерзкое поведение послов.
- ² Приключение с литовским писарем Иван приказал послам, которых он отправил в Польшу для ратификации перемирного договора, объяснить так: «...и Ондрей учал соболи на землю метати и в те поры прилучился царского величества приказный человек Булат Дмитриевич Арцыбушев и он с Андрея снял юпу для соболей, чтобы сободем в грязи убытка не было и хватил невежливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложил». Аббат Цир, состоявший при дворе Сигизмунда-Августа посланником, со слов одного из литовских послов изображает в письме к императору Максимилиану II сцену еще более сильную. Послы являюся во дворец. Разгневанный царь, окруженный опричниками, начинает грозно кричать на них. Опричники готовы броситься на них, чтоб их перебить. Жизнь послов находится в опасности. Тогда перед разгневанным Иваном бросается на землю митрополит Кирилл и молит даровать жизнь послам. Царь смягчился, и послы были спасены.
- ³ См. «Описание Московии» Алессандро Гваньини. Этот писатель изображает ужасные сцены. По его счету, было перебито до 160 человек; некоторых царь умершвлял собственноруч-

но. Мы знаем, что сочинение Гваньини считается памфлетом, но такой общий приговор, по нашему мнению, не мешает нам пользоваться — с должной, конечно, осторожностью — этим сочинением как историческим источником: ведь и памфлетист может сообщить много верного, чтобы придать своему памфлету характер правдивости. О пребывании польско-литовского посольства в Москве мы имеем еще сообщение флорентийского купца Тедадьди, проживавшего в Московском государстве долгое время. По его словам, Иван не обращался так дурно с послами, как об этом ходили слухи: послы сами своими насмешками над москвитянами и своим поведением раздражали Ивана; особенно сильно рассердил его еретический проповедник Роки-та, которого они привезли с собой. В рассказе Тедадьди замечается желание представить Ивана лучше, чем он был на самом деле. Что обиды, нанесенные посольству, были сильны, доказывает тот факт, что Стефан Баторий припоминал их впоследствии Ивану, считая это оскорблением самого короля, и ссылался на них как на один из поводов, вследствие которых он объявляет царю войну.

- ⁴ Ход дипломатических сношений Речи Посполитой с Иваном представляется в исторических сочинениях неопределенно или даже сбивчиво, что объясняется отсутствием даты в документе, дающем нам отчет о посольстве Воропая. Карамзин относит, по-видимому, его аудиенцию у Ивана к сентябрю 1572 года, ибо, передав слова царя Воропаю, продолжает рассказ следующим образом: «За сим Иван, в глубокую осень, выехал из Москвы, с обоими сыновьями, чтобы устроить войско в Новгороде и сдержать данное королю шведскому слово», то есть начать с ним войну, а далее, из примечания, явствует, что царь выехал из Москвы 21 сентября. Соловьев замечает, что «от приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть», то есть относит аудиенцию Воропая тоже к сентябрю, так как Гарабурду царь принимал в конце февраля 1573 года. Историк А. С. Трачевский в своем труде «Польское бескорольевье» выражается слишком туманно: «В начале 1573 года Иоанн Грозный получил разом несколько грамот из Польши и Литвы. Около того времени, когда он выслушал просьбу литовцев, привезенную его собственным гонцом, в Москву прибыл Федор Зенкович Воропай». Московский гонец был в Литве в конце сентября, Иван уехал из Москвы 21 сентября в Новгород и был там еще в начале 1573 года, поэтому изложение Трачевского надо признать сбивчивым. Между тем сам Иван указывает на сентябрь как на время, когда он принимал Воропая. Трачевский

считает инициаторами посольства Воропая панов, присутствовавших на кнышинском съезде, но это неверно. Кнышинские постановления подписали одни лица, Иван же в своем письме указывает на совсем других лиц как на приславших к нему Воропая.

⁵ Венецианский посол Липпомапо выражается о событиях бескоролья таким образом: «Говорят, что народ литовский и русский хотел бы видеть его (то есть Ивана) польским королем и что он имеет не менее многочисленную партию, как и всякий другой претендент на корону, особенно между крестьянами, но они мало ему помогут, ибо к избирателям не принадлежат».

⁶ Конвокационный сейм назначен был на 6 января 1573 года.

⁷ Историк Ф. Уманец считает это письмо апокрифическим. «Очевидно, что это письмо было или написано в Стенжице от имени Граевского, т. е. было подложно, или было написано самим Граевским и заключало в себе заведомую ложь. При всей непоследовательности Ивана Грозного он не мог настолько увлечься польской короной, чтобы присоединить к ней свое родовое Московское государство на тех же условиях, на каких Ягелло присоединял некогда Литву. Невероятно также, чтобы при переговорах о польской короне он согласился обойти дипломатический этикет, т. е. избрать в посредники случайно захватившего в Москву польского шляхтича. Вся фабула письма Граевского придумана, по всей вероятности, только для того, чтобы заинтересовать сейм его особой и вызвать ходатайство об его освобождении». То, что говорит историк, было бы, пожалуй, и основательно, если бы он не забыл объяснить нам, за что литовцы посадили Граевского в тюрьму и что это было за подозрительное в глазах Ходкевича письмо, привезенное Граевским из Москвы, за которое он и угодил в тюрьму и которое Ходкевич не показал шляхте.

⁸ При этом Иван оставил в Новгороде своего сына Федора с боярами Борисом и Дмитрием Федоровичами Годуновыми. В поход с царем выступили 16 505 человек и еще 12 430 человек были при артиллерии.

⁹ Неверно утверждение немецких историков, что немцы с женами и детьми были отправлены как пленные в Псков, а литовцы и поляки отпущены на волю в знак того, что царь ведет войну только с Ливонией, но с поляками соблюдает мир.

¹⁰ Немецкий историк К. Буссе оправдывает поступок Магнуса тем, что гонец, отправленный им к Ивану с уведомлением о предложении жителей Кокенгаузена, слишком замешкался в дороге, между тем как обстоятельства были таковы, что требовали

поспешного образа действий. Но никакая опасность Кокенгаузену не угрожала; следовательно, поспешность Магнуса объясняется только желанием предупредить занятие города московскими войсками.

- ¹¹ То же самое сообщает и польский историк Р. Гейденштейн: по его словам, женщины были отданы на поругание татарам.
- ¹² В связи с этим К. Буссе, а за ним немецкий историк К. Ратлеф утверждают, что Полубенский якобы намеревался перейти на сторону Ивана и хотел передать ему Вольмар и другие крепости (последнее утверждает только Ратлеф). Между тем поведение Полубенского свидетельствуют о его преданности Речи Посполитой. Он, правда, дал знать Ивану о сношениях Магнуса с польско-литовским правительством, но сделал это, очевидно, с целью погубить Магнуса, который хотел в одно и то же время служить двум враждовавшим между собой сюзеренам и при нападении Ивана на Ливонию явно действовал во вред интересам Речи Посполитой.
- ¹³ Ратлеф говорит, что здесь, как и в Ашерадене, произведена была ужасная резня. Мы не знаем, из какого источника историк заимствовал эти подробности.
- ¹⁴ Подробное описание осады Вендена, основанное на критическом исследовании источников, дает К. Ратлеф.
- ¹⁵ По словам Гейденштейна, царь приказал доставлять послам «самые простые и отвратительные кушанья, а покупать провизию в Москве и не в обычае, да и не было возможности, если бы они того захотели». Замечание историка о том, что послы не имели возможности приобретать себе провизию, непонятно.
- ¹⁶ Численность русских, как утверждают польские историки, составляла 18–20 тысяч человек; поляков и литовцев было две тысячи; шведский отряд состоял из трех эскадронов конницы и трех рот пехоты; в депеше папского нунция Калигари от 6 ноября 1578 года польско-литовские силы оцениваются в восемь тысяч человек.
- ¹⁷ Число убитых русских солдат простиралось, по некоторым данным, до шести тысяч человек; Гейденштейн выражается неопределенно: «много неприятелей было убито». Он сообщает нам факт доблестной смерти русских пушкарей, которые, не желая пережить позора плена и сдачи орудий, повесились на них.
- ¹⁸ По данным польских историков, от 20 до 30 разных орудий.
- ¹⁹ Как сообщает ливонский хронист Балтазар Рюссов, поляков и шведов погибло менее 100 человек.
- ²⁰ О том, что Баторий готовится в поход на Полоцк, уведомил Ивана гонец Андрей Тимофеев в конце июня 1579 года. Ввиду

этого нельзя согласиться с мнением Соловьева, что Иван не знал, откуда ждать ему нападения и Баторий застиг его врасплох.

²¹ Эти цифры сообщает папский нунций Калигари. С другой стороны, существует документ, в котором приведен состав армии Батория, и численность ее показана в 136 500 человек. На наш взгляд, эта цифра не заслуживает доверия.

²² О посольстве Лопацинского польский историк П. Одерборн приводит следующий фантастический рассказ. Лопацинский прибывает (на самом же деле он был задержан на пути в Дорогобуже) в Москву, где тогда находился Иван (на самом деле царь был в Новгороде). Спустя несколько дней царь послал сказать польскому гонцу, чтобы он не являлся в царский дворец с обнаженным мечом, если он дорожит своей безопасностью или даже своей жизнью. На это Лопацинский ответил, что великий князь может лишиться его имущества и жизни, как этого, без сомнения, и ожидать следует, но он не отступит от поручений, данных ему королем, ни на волос. После этого гонца повели в сенат (то есть боярскую думу), где он гордо заявил, что прислан объявить войну всей Московии. Затем гонца повезли в царский дворец в колеснице, запряженной четверкой лошадей; впереди шел слуга, неся обнаженный меч, который ярко сверкал от солнечных лучей. Посмотреть на королевского гонца сбежалось так много москвитов, что от давки, происшедшей у ворот дворца, погибли около ста человек. Взяв королевское письмо, царь приказал держать гонца под стражей, но с подобающими почестями. Затем он созвал магнатов, чтоб сообщить им о начале войны, собрал войска и произнес перед ними речь.

²³ О хронологии этих событий имеются разные сведения, но, во всяком случае, Гейденштейн рассказывает сначала о взятии Красного, а потом Ситна. Ян Замоиский в письме к нунцию Калигари говорит, что Козьян захвачен был внезапным нападением и дотла сожжен, а по взятии Красного попал в плен московский воевода со всем почти своим гарнизоном.

²⁴ Это назначение сильно раздражило Яна Ходкевича, который сам метил в гетманы.

²⁵ Даниил Германн, данцигский ратман, ездивший к Баторию в лагерь под Полоцк, сообщает следующие подробности: «Туда, то есть к Полоцку из Вильны, ведет ужасная дорога, хуже которой не может быть во всем мире. Кажется, главной причиной является то, что с тех пор, как москвит взял Полоцк, то есть от 1563 года, этот тракт был совсем закрыт, всякие сообщения отрезаны, а москвит на 20 миль в ширину и в длину, с этой стороны Двины, обратил страну в пустыню, страну, в которой были пре-

жде города, рынки, деревни и возделанные поля. Поэтому всякий, отправляющийся из Вильны в эту сторону, должен запастись хорошенько провизией на несколько дней. Ясно можно видеть, как венгры и иные солдаты, которые шли впереди, должны были искать новых дорог и делать в лесах просеки, чтобы можно было перевезти артиллерию. Беспрестанная непогода, продолжавшаяся несколько месяцев, немало вреда причинила этой экспедиции».

- ²⁶ По выражению разрядных книг, «в Полоцке воеводы худы, а людей мало». Воеводы, однако, названы худыми несправедливо: мы увидим далее, что они будут доблестно защищаться; названы же они так потому, что не сумели отстоять крепость.
- ²⁷ Относительно этого факта в источниках существует некоторое противоречие. В «Эдикте о молебствиях» король говорит: «На другой день город, укрепленный сильно рвами, валом, башнями и весьма толстыми стенами и защищаемый также гарнизоном, мы подожгли и в несколько часов весь уничтожили, главным образом потому, что он являлся преградой для ближайшего доступа к крепости». Гейденштейн же утверждает, что, когда Бекеш начал громить городские стены из орудий, московиты, «отчаявшись в возможности защищать город, согласно с общим наказом, какой получают от царя все, на кого возлагается защита городов, взяли с собою все вещи, зажгли город и удалились в Верхний замок». Нам думается, что это противоречие можно примирить так, как это мы сделали в тексте.
- ²⁸ Об этом пишет профессор В. Г. Васильевский. Гейденштейн сообщает: «Посадив их (немцев. — *В. Н.*) с ногами в котлы и подложивши в огонь, они варили их живыми в кипящей воде; в то же время, связав им руки за спиной веревкой, пропущенной по локтям, они самым гнусным образом изрезали у них животы и все тело частыми продольными ранами, так что это имело вид продольного панциря».
- ²⁹ По другим источникам, стены города подожгли венгерские солдаты, к которым Баторий, сам венгр, и обращался в своем звании.
- ³⁰ Из числа этих героических воевод Карамзин исключает Петра Волынского, основываясь на словах летописца графа Толстого: «...А сдал Полоцк Петр Волынский со стрельцами». Польские источники не упоминают этого имени; польский историк Стрыйковский даже причисляет Волынского к тем, кто не хотел сдаваться добровольно.
- ³¹ Эти сведения исходят от Д. Германна, которому как очевидцу следует верить больше, чем Гейденштейну, говорящему, что «по

взятии города москвитяне увезли с собой в Москву все сокровища». Если же Гейденштейн прибавляет, что надежды солдат на добычу совсем не были удовлетворены, то эта неудовлетворенность происходила от озлобления, вызванного тем, что король разрешил русским вынести с собой те вещи, которые они будут в состоянии взять. Сообщение Германа подтверждается словами нунция Калигари.

- ³² Гейденштейн, ссылаясь на польские источники, перечисляет русских воевод: Феодор Васильевич Шереметев, Борис Васильевич Шеин, Андрей Палецкий, Михаил Юрьевич Лыков, Василий Кривоборский. Русский историк М. Шербатов сообщает, что обычным гарнизоном командовал воевода Иван Кokoшкин.
- ³³ Воеводе Шереметева, бежавшего с частью конницы по дороге к Пскову, захватил в плен, по словам Гейденштейна, Иван Збаражский.
- ³⁴ Калигари говорит, что «было убито 5000 русских».
- ³⁵ По словам Стрыйковского, из Суши вышло 6000 человек; победителям достались 21 пушка, 136 гаковниц, 123 длинных ручниц, 100 бочек пороха весом в 400 центнеров, 4822 большие железные пули и очень много провианта.
- ³⁶ С отъездом Батория из Полоцка военные действия не вполне прекратились. 13 декабря 1579 года полоцкий воевода Дорогостайский сжег замок Нищерду, где погибло, по Стрыйковскому, более двух тысяч русских, мужественно защищавших крепость, и попало в плен около тысячи (в том числе четыре воеводы). Гейденштейн не сообщает этих подробностей; он говорит, что полоцкие казаки овладели Нищердой при помощи крестьянина Коссонского, который подсказал им, когда удобнее всего напасть на крепость, причем занять ее оказалось очень легко, так как русские еще не успели достроить укрепления. Тот же Коссонский хотел передать, по словам Гейденштейна, войскам Батория и Заволочье. Но замысел изменника был открыт, и Коссонский и два его сына были посажены на колы. Неудачна была также попытка казаков Батория захватить неожиданным нападением крепость Усвят.
- ³⁷ Гейденштейн, приводя речь Замойского целиком и преувеличивая ее значение, замечает при этом, что шляхта уже на своих сеймиках склонялась в пользу войны; следовательно, представители ее явились на сейм с полномочиями дать согласие на дальнейшее ведение войны и разрешить королю взимать для этой цели налоги.
- ³⁸ Это требование сообщает Гейденштейн, но и Иван, посылая, по возвращении Нашокина в Москву, гонца Шишмарева,

так пишет к Баторию: «и ты бы Стефан Король наших послов дождался, у тебе принял их у Вильни по прежнему обычаю, не ходя в поход ратью к нашим украинам...».

- ³⁹ О пятинедельном сроке говорит Калигари. Он не определяет точно срока и сообщает несколько иное содержание устного королевского ответа; если царь желает отправить послов, то он охотно даст им возможность высказать то, что желают, и милостиво их выслушает. Что же касается требования, чтобы он ожидал послов царя в известном месте, то это требование не имеет примера ни у одного из прочих христианских государей; они посылают послов, когда нужно и во всякое место; везде одинаково право послов и не ограничивается известным местом; послам можно прийти всюду, где только он ни будет, и даже в самом лагере, во время сражения, послы могут вести с ним переговоры, если это окажется нужным. В письме, отправленном Ивану, нет ни слова о требовании царя, чтобы король принял его послов в определенном месте — в Вильне.
- ⁴⁰ Почему так произошло, Гейденштейн не объясняет. Воззвания короля, совершившего победоносный поход в предшествовавшем году, не особенно сильно действовали, а воззвание Замоиского, военные таланты которого не были пока еще известны, возымело свое действие.
- ⁴¹ Это сообщение Луки Дзялыньского, одного из участников похода, к тому же бывшего, может быть, на самом совете в Шудуте, подтверждается известием, которое сохранил Одерборн, что Шереметев не особенно сильно противился движению на Великие Луки.
- ⁴² Поспешность гонца была так велика, что, по словам Гейденштейна, он явился к королю вопреки московским обычаям не в торжественном платье, какое приличествовало послу, а в обыкновенном.
- ⁴³ О численности литовской армии точных данных нет. Стрыйковский насчитывает в ней 12 700 человек, немецкий историк И. Реннер — 15 000. Неизвестно нам и число добровольцев. Стрыйковский называет отряды их значительными, Гейденштейн говорит, что литовские войска, как получавшие жалованье, так и добровольческие, представились королю в таком количестве и вооружении, что никто не смог бы догадаться об их потерях в прошлом году. Король в привилегии, данной литовцам по их желанно с той целью, чтобы их добровольная военная служба не была обращена в повинность, хвалит чрезмерное усердие Литвы к родине и Речи Посполитой, но о размерах отрядов добровольцев говорит неопределенно. Мы не можем не

признать, однако, что численность литовских добровольческих отрядов была гораздо значительнее польских. Можно указать и еще на одно обстоятельство: литовские отряды добровольцев явились в силу решения литовского съезда, между тем как польские — лишь по инициативе частных лиц.

- ⁴⁴ Гейденштейн говорит о 20 римских милях (то есть о примерно 30 километрах. — *Прим. ред.*).
- ⁴⁵ Так рассказывает Дзялыньский, а Гейденштейн приводит даже фамилию боярина — Кудрявый. Он ехал с двумя провожатыми, из которых один был убит казаками, другой успел спастись. Гейденштейн называет имена казаков — Никита и Бирула, Дзялыньский упоминает только Никиту. Реннер сообщает, что поймали москoviта рано утром 3 августа.
- ⁴⁶ Описание составлено по дневнику Дзялыньского.
- ⁴⁷ По Реннеру, было найдено 27 тонн пороха.
- ⁴⁸ Гейденштейн говорит только об осмотре, позже произведенном Замойским. Но известие о том, что король первый осмотрел крепость, подтверждается показаниями Дзялыньского, который, говоря о численности королевской свиты в двадцать человек, делает замечание, что в свиту из крепости не стреляли.
- ⁴⁹ Эти пункты указывает в своем дневнике Дзялыньский, не называя дороги, по которой двигалось войско. Гейденштейн говорит, что это была дорога, ведшая от Смоленска к Великим Лукам.
- ⁵⁰ Это происшествие подробно описано Дзялыньским.
- ⁵¹ Гейденштейн называет этого татарина Уланецким. Очевидно, о нем же идет в речь в другом сообщении о пленении татарского начальника; только там он назван Уланом Износковым; при этом замечается, что татарин хорошо защищался, а потому был сильно избит. Эти побои, однако, как явствует из дневника Дзялыньского, были следствием пытки, которой его подвергали в отряде Замойского.
- ⁵² Очевидно, это тот пункт, который Гейденштейн называет Ораненскими лугами, определяя расстояние от главной армии в полмили.
- ⁵³ Соловьев приводит неточную цифру, утверждая, что в войске Батория было 50 000 человек.
- ⁵⁴ Реннер утверждает, что в нем было 40 церквей; Одерборн замечает, что при пожаре города погибло 30 храмов. Ян Зборовский в своем дневнике говорит, что город был в два раза больше Вильны или даже еще больше.
- ⁵⁵ Иван жаловался Баторию на то, что королевские провожатые вели послов слишком медленно, оправдывая таким образом их позднее прибытие в королевский лагерь.

- ⁵⁶ Королевские гайдуки, как жаловались потом послы, стреляли при этом из ручниц так, что пыжи падали на их головы. Теперь трудно сказать, делалось это умышленно или произошло случайно, но, может быть, это была одна из тех дерзостей, которыми встречали, по словам Соловьева, послов в пределах Речи Посполитой от самой границы.
- ⁵⁷ Описание приема послов составлено нами со слов очевидцев Зборовского и Дзялыньского. Если верить рассказу Дзялыньского, сцена приема послов не представится нам такой оскорбительной для них, как это изображено у Соловьева.
- ⁵⁸ Гейденштейн говорит, что литовцы напали на московский отряд во время сна. Мы описали эту схватку со слов Дзялыньского; справедливости ради следует сказать, что Зборовский говорит об отряде численностью не в 2000, а в 300 с лишком человек.
- ⁵⁹ Гейденштейн рассказывает об этом несколько иначе. По его словам, Замоиский условился с некоторыми вельможами, чтобы, в случае отъезда его на другие работы, они попеременно надзирали за производством работ; жребий пал на Ключевского, который отправился к шанцам и был убит.
- ⁶⁰ Это требование высказано прямо в речи князя Сицкого; о нем упоминает и король в своем письме к Ивану. Зборовский, рассказывая о приеме послов, упустил этот факт из виду, вероятно, по забывчивости: он говорит, что послы сразу уступили королю Полоцк.
- ⁶¹ Паны-рада — высший орган государственной власти в Великом княжестве Литовском. После Люблинской унии 1569 лица, входившие в паны-раду, получили статус сенаторов Речи Посполитой.
- ⁶² Далее ход переговоров излагается по дневнику Зборовского.
- ⁶³ Заявление послов о титуле мы извлекаем из письма Батория к Ивану.
- ⁶⁴ Зборовский говорит об Усвяте, Велиже и Озерише, но король в своем письме к Ивану называет только Усвят и Озерише.
- ⁶⁵ Гейденштейн говорит, что Баторий назначил срок для ответа, но в королевской грамоте он не обозначен. Дзялыньский сообщает, что гонцу наказано было возвращаться на двенадцатый день.
- ⁶⁶ Описание резни в Великих Луках сходно у Гейденштейна и Дзялыньского. Стрыйковский говорит, что победители сохранили жизнь некоторым старикам, всем детям и женщинам.
- ⁶⁷ По словам Стрыйковского, погибло более 7000 человек.
- ⁶⁸ Резню в Великих Луках едва ли можно называть вероломным избиением покоровшихся защитников крепости, как это дела-

- ет проф. Васильевский, ибо резня эта произошла вопреки всем усилиям короля и его полководцев удержать солдат от нее.
- ⁶⁹ Дзялыньский рассказывает этот эпизод со слов Филипповского несколько иначе, чем другие участники событий. Московиты добежав до моста, подсекли столбы, на которых он держался, но так, что преследователи этого не заметили. Маневр увенчался успехом: мост рухнул под поляками и венграми, и те вынуждены были прекратить погоню.
- ⁷⁰ Здесь приводятся цифры Дзялыньского; Гейденштейн утверждает, что было убито 500 и взято в плен 200 московитов.
- ⁷¹ По сообщению Гейденштейна, подтверждаемому Дзялыньским, победители нашли в крепости всего полбочки пороха.
- ⁷² Этот эпизод излагается по Дзялыньскому. Гейденштейн пересказывает его иначе: канат, по его словам, не оборвался, а был выпущен пехотинцами, которые тащили плот, потому что их поразили выстрелы неприятеля; на плоту находились не два, а три человека; они не потопили неприятельскую лодку, а захватили и, сбросив с нее врагов, добрались до своих; плот тем временем был унесен на противоположный берег, где достался всадникам, которых послал Замойский.
- ⁷³ Эпизод излагается по Дзялыньскому. Гейденштейн ни слова не говорит о помощи, посланной Замойским венгерскому отряду, и о происшедшей на мосту свалке.
- ⁷⁴ По рассказу Гейденштейна, свобода была дарована всем русским, и воеводы не составили исключения. Кроме того, Гейденштейн пишет, что Замойский освободил бывших при его отряде нескольких знатных женщин, которые были захвачены при взятии Великих Лук, так как опасался, что при таком множестве солдат они могут подвергнуться насилию; этот поступок вызвал у московитов сильное удивление, ибо, по их собственным словам, сами они на такое способны не были.
- ⁷⁵ Гейденштейн определяет число русских, разбивших Кмиту, в 10 000 человек.
- ⁷⁶ Гейденштейн пишет, что Иван был готов разделить с королем право на Ливонию и владеть ею вместе с ним; на самом же деле царь соглашался только на то, чтобы Баторий носил титул князя Ливонского. Он писал: «А Лифлянтским бы нам обема писатися безьямянно, как нынеча ты пишешья».
- ⁷⁷ В состав совещательной комиссии вошли сенаторы: виленский каштелян Евстафий Волович; воеводы: серадзский — Альбрехт Лаский, ленчицкий — Иван Серяковский, подольский — Николай Мелецкий, люблинский — Иван Терло, белзский — Андрей

- Тенчинский, равский — Анзельм Гостомский; коронный маршал Андрей Опалинский и коронный канцлер Ян Замоиский.
- ⁷⁸ Гейденштейн весьма метко характеризует сущность уступок, сделанных московскими послами Баторию: уступая ему крепости и города в Ливонии, они сохраняли за своим государем такие важные в военном и торговом отношении пункты, как Фелин, Дерпт, Мариенбург, Пернов и Нарву.
- ⁷⁹ Об этом говорит нунций Калигари. Секретарь королевской канцелярии И. Пиотровский пишет в своем дневнике, что под пыткой агенты Ивана сознались, что хотели сжечь Вильну и даже посягнуть на жизнь самого Батория.
- ⁸⁰ По слухам, которые в преувеличенном виде распространяли литовцы, москвиты сожгли 2000 деревень. Нападение было произведено вопреки перемирию, которое было заключено до 4 июля. Русские пленники, взятые под Могилевом, объясняли нарушение перемирия тем, что распространился слух о смерти Батория.
- ⁸¹ Пиотровский, из чьего дневника взяты эти сведения, относится не особенно доброжелательно к литовцам, но в данном случае нельзя заподозрить его в том, что из пристрастия он сообщает ложные факты.
- ⁸² Эти соображения приводит сам Баторий в письмах к епископу вармийскому Мартину Кромеру и Замоискому от 14 августа. Об этих же доводах не в пользу Новгорода сообщает и Гейденштейн, замечая, однако, что король и немногие с ним готовы были идти на Новгород, так как, по слухам, здешнее дворянство волновалось по каким-то причинам против царя. Гейденштейн приводит и мнение оказавшегося в одиночестве Вейера, который предлагал идти к Дерпту на том основании, что большая часть тамошнего гарнизона отправлена для защиты Пскова, из-за чего крепость легко будет завоевать и, таким образом, открыть себе доступ ко всей остальной Ливонии.
- ⁸³ Гейденштейн утверждает, что литовцы были снаряжены ничуть не хуже прошлогоднего. По словам же Пиотровского, литовские отряды были не так многочисленны и не имели такого блестящего вида, как прежде. Но еще раз заметим, что сведениям этого автора не всегда можно доверять, так как его дневник проникнут чувством недоброжелательства к литовцам.
- ⁸⁴ Гейденштейн говорит, что отверстие, сделанное венграми, было слишком высоко, вследствие чего вход в крепость через него был бы непрост; напротив, поляки, у которых артиллерией управлял Вейер, разрушили башню у самого фундамента.

- ⁸⁵ Гейденштейн обходит факт грабежа молчанием и рассказывает о выходе побежденных из крепости весьма странно. Он говорит, что когда их стали отводить в сторону, то они, напуганные воспоминанием о великолукской резне, громко крича, стали добровольно присягать королю. Замойский, полагая, что люди подвергаются насилию, поспешил к толпе; ему сказали, что крик был поднят с той целью, чтобы о присяге услышали москвиты. При чтении этого рассказа сама собою напрашивается догадка, что побежденные начали кричать, когда их стали грабить; своим криком они хотели заявить, что обещание, данное им королем, победители нарушили. Замойский, вероятно, старался остановить грабеж, но ничего не смог сделать.
- ⁸⁶ Эти цифры приводит Гейденштейн. Карамзин насчитывает только 30 000. Автор «Истории Княжества Псковского» (СПб., 1831) говорит, что в Пскове было сначала только 15 000 воинов, но что потом это число могло возрасти до цифры, отмеченной Гейденштейном, ибо псковские воеводы, узнав о движении Батория на Псков, призвали в город жителей из окрестных волостей.
- ⁸⁷ Численность войска Батория в 100 000 человек, приводимая русской исторической «Повестью о приходе короля литовского Стефана Батория в лета 1577—1581 на великий и славный град Псков» и принимаемая Соловьевым за достоверную, должна быть отвергнута.
- ⁸⁸ Как позже в ходе осады Пскова выяснилось, запасы пороха в королевской армии были явно недостаточны.
- ⁸⁹ «Повесть о приходе короля...» рассказывает, что король приказал расположить свой лагерь у церкви Николая Чудотворца на Любятове; поставлены были уже многие шатры, когда, по приказанию псковских воевод, ночью была открыта стрельба (днем, дабы ввести противника в заблуждение и породить у него ощущение безопасности, велено было не стрелять), так что многие знатные паны были убиты; наутро шатры исчезли.
- ⁹⁰ Дата проведения траншей заимствована нами у Пиотровского, а расположение их — у Гейденштейна, чьи сведения подтверждаются «Повестью о приходе короля...».
- ⁹¹ Так утверждает Пиотровский. Из рассказа Гейденштейна следует, что первыми ворвались в город поляки.
- ⁹² «Повесть о приходе короля...» говорит об этом следующее: «Еще же к тому государевы бояре и воиводы повелеша под Свиную ту башню поднести много зелья и зажеши е. Тогда все те высокогорделивыи королевские приближныя дворяне, якоже у короля выпрашались напред во Псков град внити, и короля

стрести, и государевых бояр и воивод связанных перед короля привести, по них речем в первой похвале, от связанных русских бояр и воивод Божиим промыслом первыя литовские люди со псковскою каменною стеною Свиныя башни вкупе смесившеся и своими телесы яко другую башню подо Псковом соградиша». Из этих непонятных выражений Карамзин вывел заключение, что Свинусская башня была взорвана на воздух и «ров наполнился трупами немцев, венгров, ляхов». (Вот перевод на современный русский языка приведенных автором «непонятных выражений»: «Кроме того, государевы бояре и воеводы повелели заложить под Свиную башню много пороха и взорвать ее. Тогда все те высокогорделивые дворяне, приближенные короля, которые у короля выпрашивались войти первыми в град Псков, чтобы встретить короля и привести к королю связанными государевых бояр и воевод (об этом мы говорили, рассказывая о их первой похвальбе), от руки тех “связанных русских бояр и воевод” по промыслу Божьему эти первые литовские воины смешались с псковской каменной стеной в Свиной башне и из своих тел под Псковом другую башню сложили». Таким образом, заключение Карамзина абсолютно верно: поляки, бывшие в Свинусской башне, судя по всему, погибли под ее обломками. — *Прим. ред.*)

⁹³ Гейденштейн выражается очень осторожно: «В этот день погибло из польской знати более 40 человек, у венгров не меньшее число». Русские источники увеличивают число погибших воинов Батория до 5–7 тысяч человек. Карамзин говорит об этом так: «Неприятелей легло около пяти тысяч, более восьмидесяти сановников, и в числе их Бекези (то есть Бекеш), полководец венгерский, отменно уважаемый, любимый Стефаном, который с досады (не ясно, вследствие ли смерти этого любимца, или вообще вследствие неудачи) заключился в шатре и не хотел видеть воевод своих, обещавших ужинать с ним в замке Псковском». Все это говорится на основании слов «Повести о приходе короля...». Но этому риторическому произведению можно доверять с большой осторожностью. Ведь она же рассказывает, что в лагере Батория были паньи, которые оплакивали своих мужей (!).

⁹⁴ Сам Баторий объяснял неудачу штурма крутым и высоким спуском из пролома.

⁹⁵ Так говорит Пиотровский. Карамзин же, основываясь на тексте «Повести о приходе короля...», утверждает, что король на другой день велел делать подкопы, стрелять в крепость день и ночь и готовиться к новым приступам.

- ⁹⁶ Так говорится в «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию», который велся в его канцелярии. По Гейденштейну, Замойский приказал соединить несколько лодок между собой цепями, пропущенными через крючья, вбитые в лодки, и поставить один ряд лодок поближе к городу, другой выше по течению; после прохода неприятельских судов мимо первого ряда лодки обоих рядов должны были вытянуться поперек реки и таким образом преградить неприятельским судам и отступление, и движение вперед.
- ⁹⁷ «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» называет воевод: Яков Безобразов и Иван Офукомеев. Согласно Пиотровскому, взято было пленных 150 человек, по Гейденштейну — 200.
- ⁹⁸ Еще раз заметим, что Карамзин описывает осаду так, как будто армия Батория стреляла беспрестанно; это ошибка.
- ⁹⁹ Рассказ об экспедиции Хвостова составлен нами на основании Гейденштейна и Пиотровского. Гейденштейн говорит, что большая часть воинов Хвостова была взята в плен. Вследствие этого можно подумать, что число пленных было весьма значительно, так как историк определяет численность отряда в 300 человек (согласно Пиотровскому — 500); между тем, по словам Пиотровского, захвачено было в плен только 15 стрельцов, спрятавшихся в тростниках на берегу озера.
- ¹⁰⁰ Так передает эти события Пиотровский. Гейденштейн говорит о 150 убитых и 60 пленных; он решительно утверждает, что остальные москвиты, около 300 человек под командой Мясоедова, все-таки попали в город. Но Пиотровский, кроме того, сообщает, что 16 октября солдатами Батория были перехвачены письма из Пскова к Мясоедову с предложением попытаться снова проникнуть в город. Следовательно, сообщение Гейденштейна неверно.
- ¹⁰¹ Поэт Я. Кохановский, давший в своей поэме подробный отчет об экспедиции Радзивилла, и поэт Ф. Градовский называют в своих сочинениях монастырь Покровским. Такого монастыря в окрестностях Торопца нет.
- ¹⁰² Гейденштейн говорит, что польский отряд был завлечен врагами к каким-то мостам, около которых сидели в засаде пищальники, и потерял несколько человек. После этого поляки сошли с коней, оттеснили москвитов от моста и обратили их в бегство; во время погони в плен были взяты несколько человек. Кохановский утверждает, что в этом бою погибло 3000 москвитов; согласно Градовскому, среди них был московский воевода Барятинский, а другой воевода, Ноздреватый, бежал.

- ¹⁰³ По словам Карамзина, здесь было собрано около 15 000 русских.
- ¹⁰⁴ По Гейденштейну, Радзивилл шел берегом реки Лучесы, через Борисов и Урдому (деревня в Ржевском уезде на берегу речки того же названия). Градовский весьма подробно, яркими красками описывает осаду и взятие «города» Урдомы. Проф. Васильевский пришел к заключению, что усердный поэт, желая увеличить славу своего патрона Радзивилла, прибегнул, по-видимому, за недостатком действительных фактов к выдумке. С этим мнением нельзя согласиться. Что панегирист преувеличил сильно подвиги своего героя, это совершенно естественно, но он не мог передавать небывлиц. Поэма — в этом нельзя сомневаться — была поднесена Радзивиллу и, вероятно, прочтена им; экземпляр поэмы сохраняется до сих пор в Несвижской библиотеке; воспетый герой мог бы принять выдумки о взятии крепости Урдомы за оскорбление для себя, и панегирист не достиг бы своей цели. Что под Урдомой должна была произойти по крайней мере схватка, убеждает нас Кохановский, говорящий, что, когда Радзивилл шел через Урдому, к нему привели много детей боярских, захваченных в плен при сожжении Ржева; тут, впрочем, надо сказать, что поэт, вероятно, имел в виду не сам Ржев, а окрестности этого города, ибо город уцелел, так как в нем находилось многочисленное московское войско.
- ¹⁰⁵ О намерении Ивана бежать из Старицы пишет Гейденштейн со слов Поссевино; об отправлении жены и сыновей сообщают бывший в войске Батория польский историк и дипломат Й. Бельский, Градовский и Кохановский.
- ¹⁰⁶ Гейденштейн называет Мурзу стольником, Градовский и Кохановский — постельничим.
- ¹⁰⁷ Итальянец Симон Дженга, находившийся в армии Батория под Псковом, так писал об этом к своему другу Велизарю Винта, секретарю великого герцога Тосканского: «Если бы трокский каштелян был так же смел, как смоленский воевода (такой титул носил, как известно, Филон Кмита), если бы они переправились через реку, внезапно напали на него (то есть Ивана) и воспользовались страшным замешательством, в каком он находился, потеряв положительно голову, он попал бы в их руки». Гейденштейн говорит об этом в неопределенных выражениях: «и вот, когда нашим представлялась возможность совершить достопамятный подвиг, если бы они подошли к Старице, они вернулись назад...»
- ¹⁰⁸ По словам Кохановского, в Оковцах (деревня в 25 верстах от Селижарова) сожжена была церковь Богородицы, в Селижаро-

- ве предано огню 30 церквей (то же и у Градовского). Селижарово было уничтожено, согласно Градовскому, 28 августа.
- ¹⁰⁹ По Градовскому, литовцы были 29 августа около Торопца, откуда вышел им навстречу неприятельский отряд в 1000 «бояр» (у Кохановского — 300 всадников), из которых 300 были убиты.
- ¹¹⁰ Численность московского отряда дана по Кохановскому. Гейденштейн пишет, что москвиты устроили два заслона против казаков, служащих в отряде Радзивилла. Первый заслон был разбит людьми Радзивилла, и именно тогда попал в плен князь Оболенский с несколькими боярами. О численности русского отряда Гейденштейн не упоминает.
- ¹¹¹ Второй приступ происходил 14 ноября. «Повесть о приходе короля...» приписывает победоносное отражение врага чуду. Если принять во внимание, что осада Пскова шла неудачно главным образом потому, что у Батория не хватало пороха, надо прийти к выводу, что и отряд, осаждавший Печерский монастырь, располагал его незначительным количеством, а потому обстреливать монастырь так, как это следовало для достижения успеха, не был в состоянии.
- ¹¹² Замоиский даже отправил в монастырь икону, изображавшую Благовещение, полученную им, по его словам, из Иерусалима.
- ¹¹³ Гейденштейн говорит, что Замоиский употребил при этом следующую хитрость: он приказал одному всаднику приблизиться к месту, где была устроена псковитянами засада, и те, думая, что приближается целый отряд, дали залп, но выстрелили в пустое пространство, а затем, не имея больше пороха и пуль, вынуждены были спасаться бегством.
- ¹¹⁴ По словам Гейденштейна, почти треть солдат страдала от лихорадки, но умирали от нее немногие. Иное говорит Пиотровский: по его сообщению, под конец кампании значительная часть войска вымерла, а третья часть оставшихся лежала больная.
- ¹¹⁵ Заимствуем описание этого дела из письма, написанного Замоиским королю в тот же день, когда произошла эта стычка, то есть 4 января 1582 года.
- ¹¹⁶ Гейденштейн утверждает, что Замоиский сам предложил им похоронить убитых.
- ¹¹⁷ По словам Гейденштейна, это Шуйский вызвал Замоиского на поединок, но когда тот явился на условленное место, то Шуйского там не застал.
- ¹¹⁸ Гейденштейн утверждает, что «царь обещал свою помощь христианству против турок, жаловался на обиды, наносимые ему королем, и даже, говоря тайно просил, чтобы папа склонил его к миру; во всяком случае, самими своими жалобами он довольно

ясно обнаружил свое желание, чтобы папа взял на себя посредничество». Русский историк Ф. И. Успенский считает, что на посольство Шевригина в Рим нельзя смотреть как «на униженное стучанье в дверь римского епископа с просьбой о помощи». Но с этим мнением нельзя согласиться, так как само московское правительство свидетельствует, что оно в Рим обращалось именно за помощью, «по нужде».

- ¹¹⁹ Задержка произошла, может быть, и потому, что Иван некоторое время надеялся на отступление Батория от Пскова.
- ¹²⁰ Историк иезуит П. Пирлинг утверждает, что последнее слово при ведении переговоров принадлежало королю и что вследствие этого переговоры затягивались, ибо Замоискому приходилось сноситься с королем, который находился в это время в Литве. Но Замоиский только извещал короля о ходе переговоров и инструкций не просил, ибо этими неограниченными инструкциями он располагал.
- ¹²¹ Вопреки взглядам Карамзина и Соловьева, утверждавших, что Поссевино склонялся на сторону Батория, новейшие исследователи считают папского легата посредником беспристрастным.
- ¹²² Позже Иван прислал им другую верительную грамоту, дававшую «полную науку».
- ¹²³ Это утверждение мы основываем на письме Поссевино к Замоискому, в котором легат посылает список ливонских городов, требующих московскими послами.
- ¹²⁴ Гейденштейн добавляет еще одну причину, вследствие которой Баторий желал распространить свой мирный договор с московским царем и на шведского короля. Он пишет, что свою роль сыграла жена Батория королева Анна Ягеллонка, чья родная сестра Катерина Ягеллонка была женой шведского короля Юхана III. Якобы Анна вымолила у мужа обещание включить замирение Москвы со шведским королем в условия договора с Иваном.
- ¹²⁵ Об этом пишет историк А. Старчевский. Очевидно, речь здесь идет о гонце Юрии Пузикове. Как пишет Пиотровский, он ехал по пути к Порхову, где повстречался с отрядом под предводительством ротмистра Гродзецкого. Поведение гонца, заявившего, что едет к папскому послу, но едущего не той дорогой, какой следовало ехать, показалось польскому ротмистру подозрительным, тем более что один из слуг Пузикова при виде поляков убежал в лес. Тогда Гродзецкий арестовал московского гонца и отвез его к Замоискому, который приказал Пузикова допросить и затем отправить его в Запольский Ям. С московским гонцом было 11 человек; четверо из них убежали; остальные, вероятно, были убиты солдатами Гродзецкого.

- ¹²⁶ За исключением православного Гарабурды, но и он, когда дошло до дела, скрепил мирный договор присягой по католическому обряду.
- ¹²⁷ П. Пирлинг, следуя рассказу самого Поссевино, изображает роль его в этом вопросе неверно. По словам историка, спор затеян был послами Батория, а Поссевино скромно ждал его окончания. В действительности же более всего шумел и раздражался папский легат, так что князь Збаражский заметил по этому поводу, что Бог обратил Поссевино против московитов.
- ¹²⁸ Цитируем по работе Ф. И. Успенского «Переговоры о мире». Пирлинг сомневается в правдивости описанной ситуации. По его словам, в интересах послов было представить себя жертвами необходимости, чтобы избежать гнева грозного царя. Возможно, прибавляет историк, что Поссевино считал необходимым прибегнуть к решительному действию, симулировать гнев и таким образом сломить сопротивление. Но замечания эти, по нашему мнению, неосновательны. Припомним жалобу московских послов на дурное с ними обращение и поверим их рассказу.
- ¹²⁹ Гейденштейн говорит, что Замоийский сам приказал передать русским Остров с той целью, чтобы узнать их намерения и вместе с тем выказать им свое доверие. Сообщение это находится в противоречии со словами самого Замоийского.
- ¹³⁰ Гейденштейн говорит, что Замоийский проник в Новгородок Ливонский хитростью. Он приблизился к крепости с отрядом человек в 60; на воротах спросили, кто идет; ему ответили: сотник; тогда он впустил отряд в город. Явившийся сюда русский воевода Петр Волинский, узнав брашлавского воеводу, с которым он познакомился, присутствуя при переговорах в Запольском Яме, стал упрекать коменданта крепости в том, что он вместо сотника впустил воеводу, не подозревая, что в городе уже находится сам Замоийский. Узнав об этом от брашлавского воеводы, он пришел в сильное смущение и на требование Замоийского сдать крепость стал отговариваться недостатком подвод. Из этого рассказа Гейденштейна нельзя понять, зачем Замоийский прибег к подобной хитрости. Ведь одно появление армии гетмана под городом подействовало бы, несомненно, достаточно внушительно, и в ловках не было бы надобности. Если дело происходило так, как рассказывает Гейденштейн, то надо предположить, что желание явиться в город как бы невзначай было простым капризом со стороны Замоийского.
- ¹³¹ По словам очевидца, господство Ивана тяжело отозвалось на благосостоянии Дерпта; были разрушены гробницы католических епископов; многие каменные дома лежали в развалинах;

одна из католических церквей обращена была в амбар. По рассказу Гейденштейна, русские, уходя из города, пытались поджечь его, но неудачно — огонь был потушен вовремя солдатами Замойского. Он рассказывает также о попытке взорвать при помощи пороховых мин замок, в котором Замойский остановился: это было сделано, вероятно, в отмщение за адскую машину, посланную князю Шуйскому.

¹³² Баторий принес присягу прямо во время сейма; как это происходило, подробно описал Гейденштейн.

Содержание

I. Перемирия	5
II. Ливонский поход Ивана (1577)	31
III. Приготовления к войне.	42
IV. Полоцк	52
V. Великие Луки	77
VI. Псков	121
VII. Запольский Ям.	158
<i>Примечания автора</i>	181

Новодворский В.

Н74 Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию / Витольд Новодворский. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 208 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-247-9

В Ливонской войне было два главных действующих лица — польский король Стефан Баторий и русский царь Иван Грозный. От их мировоззрений, личных качеств, отношения к подданным зависел успех сторон в противостоянии. Итог известен: война истощила силы Московского царства, тогда как Речь Посполитая превратилась в сильнейшее государство на востоке Европы. Книга Витольда Новодворского основана прежде всего на польских источниках. Автор со всей очевидностью симпатизирует польской стороне, не упускает случая сказать о жестокости Ивана Грозного и неприглядных сторонах русской жизни и в то же время почти всегда находит слова для оправдания любых действий воинства Стефана Батория, полемизирует в оценке эпизодов Ливонской войны с Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым. Но именно этим его книга и интересна. Всегда полезно посмотреть на события в неожиданном ракурсе, тем более что перед читателем открывается множество деталей, которые невозможно найти у выдающихся русских историков.

Книга выходит в новой редакции, сделанной специально для настоящего издания.

УДК 94(47).043

ББК 633.3(2)44

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Витольд Новодворский

Иван Грозный и Стефан Баторий:
схватка за Ливонию

Редактор А. Арсеньев
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 14.01.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 1200 экз. Заказ 7772.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

 Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28. (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. **КОТЕЛОК дядюшки Ляо**
- 2 Виталий Бабенко. **ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ**
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. **ЖИЗНЬ «ИВАНА»**
- 4 Владислав Петров. **ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ**
- 5 Свен Хедин. **В СЕРДЦЕ АЗИИ**
- 6 Геннадий Коваленко. **РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА**
- 7 Лев Минц. **ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО**
- 8 Бенгт Янгфельдт. **ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ**
- 9 Олег Ивик. **ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ**
- 10 Анна Мурадова. **КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ**
- 11 Даниэль Клугер. **ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО**
- 12 Валерий Гуляев. **ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ**
- 13 Светлана Плетнева. **Половцы**
- 14 Ким Малаховский. **ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР**
- 15 Алексис Трубецкой. **КРЫМСКАЯ ВОЙНА**
- 16 Валерий Гуляев. **ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**
- 17 Олег Ивик. **ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ**
- 18 Виолет Вануайек. **ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**
- 19 Яков Свет. **ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ**
- 20 Лев Минц. **БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК**
- 21 Аксель Одельберг. **НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА**
- 22 Гомбожаб Цыбиков. **БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА**
- 23 Никита Кривцов. **СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ**
- 24 Олег Ивик. **ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ**

- 25 Виктор Бердинских. Речи немых
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 46 Генри Чарлз Ли. **ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ**
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. **ХАЗАРЫ**
- 48 Вячеслав Шпаковский. **ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ**
- 49 Лев Ельницкий. **ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА**
- 50 Юрий Чернышов. **ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ**
- 51 Виктор Бердинских. **РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ**
- 52 Сергей Макеев. **ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ**
- 53 Борис Романов. **ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ**
- 54 **ПЕЧЕНЕГИ**
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. **ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ**
- 56 Алексей Смирнов. **НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**
- 57 Александр Куланов. **ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ**
- 58 Валерий Ярхо. **ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ**
- 59 **ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ**
- 60 Владислав Петров. **ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ**
- 61 Михаил Мочалов. **ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ**
- 62 Константин Кудряшов. **АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА**
- 63 Виктор Калашников. **РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ**
- 64 Рафаил Нудельман. **ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ**
- 65 **МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ**
- 66 Георгий Вернадский. **РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II**
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. **СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ**

- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗЛОЖНИКИ ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО в XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ о КОЛДОВСТВЕ в ЕВРОПЕ
и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ и КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
и ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ
СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ и СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Витольд
Новодворский**
Иван Грозный
и Стефан
Баторий:
схватка
за Ливонию

В Ливонской войне было два главных действующих лица — польский король Стефан Баторий и русский царь Иван Грозный. От их мировоззрений, личных качеств, отношения к подданным зависел успех сторон в противостоянии. Итог известен: война истощила силы Московского царства, тогда как Речь Посполитая превратилась в сильнейшее государство на востоке Европы. Книга Витольда Новодворского основана прежде всего на польских источниках. Автор со всей очевидностью симпатизирует польской стороне, не упускает случая сказать о жестокости Ивана Грозного и неприглядных сторонах русской жизни и в то же время почти всегда находит слова для оправдания любых действий воинства Стефана Батория, полемизирует в оценке эпизодов Ливонской войны с Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым. Но именно этим его книга и интересна. Всегда полезно посмотреть на события в неожиданном ракурсе, тем более что перед читателем открывается множество деталей, которые невозможно найти у выдающихся русских историков.

ISBN 978-5-91678-247-9

9 785916 782479